

A stylized blue dragon with a fierce expression, large eyes, and a long beard, coiled around a central yellow oval. The dragon's scales are detailed with black outlines. The background is black, and the entire illustration is framed by a yellow border.

*Черепановый
сун*

Классическая проза Востока

*Корейские
рассказы
XV—XVII вв.*

Перевод с корейского

▼

*Издательство
«Художественная литература»
Ленинградское отделение
Ленинград 1970*

И (Кор)

Ч 46

Послесловие
М. НИКИТИНОЙ

Комментарии
Д. ЕЛИСЕЕВА и Ю. КРОЛЯ

Оформление художника
Ю. КИСЕЛЕВА

Черепашковий сун

Мудрое решение

Это случилось, когда Хам Учхи был еще губернатором провинции Чолладо. Два брата из одной именитой семьи делили наследство. И вот заспорили они, кому взять большой горшок, кому — маленький. Отправились в управу. Хам Учхи, узнав, в чем дело, очень разгневался и велел служителю принести горшки.

— Живо разбить оба горшка, — приказал он, — а черепки поделить между братьями поровну!

Пришлось братьям смириться с таким решением. Тем дело и кончилось.

Могилы кошки и змеи

Был один буддийский монах, который ходил по деревням и просил милостыню. Как-то подошел он к деревенскому дому в уезде Чонджу. Подал голос, что, мол, замерз и хочет есть, но не услышал за воротами никакого отклика. Прошло немало времени, прежде

чем до него донесся женский плач. Он еще долго бродил вокруг дома и ждал. Наконец вышла старая вдова.

— Я, муж с женой, да еще три женщины жили все вместе в этом доме, — сказала она монаху. — И вот сегодня днем, во время обеда, муж и жена в одночасье погибли. В доме все идет кувыркком. Не знаю, что и делать. Умоляю вас, учитель, поймите мое положение, помогите мне!

Монах вошел в дом и видит: в комнате валяются на полу старый мужчина, молодая женщина, кошка и змея. Все мертвые! Монах спросил, как это произошло!

— У женщины внезапно заболел и распух палец, — рассказала вдова. — Потом вдруг распухли ноги, живот сделался как большой глиняный кувшин, и она сразу умерла. А было так: кошка поймала змею, отгрызла ей хвост, но змея была еще жива и укусила женщину. Хозяин в сердцах хотел убить кошку. Кошка с испуга вскочила на полку. Хозяин полез за ней, а кошка прыгнула вниз и поранила ему горло. Он успел еще ударить ее ножом и убил. Сам скончался тоже. — Тут старуха заплакала еще горше.

— Эти четверо, — изрек монах, — в трех своих перерождениях совершили какие-то грехи. Если не позаботиться об их дальнейшей участи, могут произойти большие несчастья!

Он сжег тела мужчины и женщины. Затем взял кошку и змею и закопал их вместе. Люди называют это место Могилей кошки и змеи.

Забеременела от монахини

Был один слуга, внешнеюстью поразительно похожий на женщину. Сызмальства носил он женскую одежду, а когда ему перевалило за сорок, был принят

на службу в семью важного чиновника. Работал он с большим усердием, и хозяин всегда ставил его в пример.

Король Седжо, прослышав об этом слуге, как-то заметил, что положение у него довольно двусмысленное.

— А что думает об этом министр? — помолчав, спросил он министра Годжона.

— Ваш верный слуга, — ответил Годжон, — немного читал «Провинциальные записки». Вот что там сказано.

В междуречье Янцзы и Хуайхэ жила некая буддийская монахиня, которая хорошо вышивала. Как-то из одной состоятельной семьи к ней послали девушку обучаться этому искусству. И вот нежданно-негаданно стало известно, что девушка беременна. Когда отец стал бранить ее, она сказала:

Днем мы вместе с монахиней работали, ночью вместе спали. У меня и сомнения не было, что она такая же женщина, как я, пока не дошло вот до этого!

Семья подала жалобу начальнику уезда, и тот велел публично осмотреть монахиню. И оказалось, что у нее нет ни мужского, ни женского естества. Уездный начальник хотел было отпустить ее, но случившаяся тут некая старая вдова сказала:

— Между прочим, есть такой способ: соленой водой смачивается то место, где бывает мужское естество. После это место должна облизать желтая собачка, и тогда мужское естество появится!

Начальник уезда проверил — в самом деле получилось!

— По закону Неба, — рассудил он, — должны быть инь и ян, у людей — мужчина и женщина. А эта монахиня не мужчина и не женщина. Значит, закон нарушен!

Он приказал казнить монахиню, и люди между Янцзы и Хуайхэ все остались очень довольны этим.

— Как беспредельно много под Небом странного!

— Изумляйтесь,— сказал со смехом Седжо,— но не пытайтесь постичь!

Попался на хитрость

Хо Сон, князь Конган, характером был тверд. Будучи министром, в делах государственных он проявлял добросовестность. Не выносил мошенничества и в частных делах. Хо Сон не любил, когда к нему обращались с личными просьбами, и если поступало чье-нибудь прошение, он непременно решал как раз наоборот.

Некоего столичного чиновника переводили в провинцию. Он просил, чтобы его послали куда-нибудь на юг, а попал на самую окраину провинции Пхён-нандо. Один ученый просил теплое местечко гражданского чиновника в столице, а его нарочно услали учителем в провинцию.

Монах Ильун из обители Хындокса, очень хитрый и ловкий, замыслил перебраться в храм Дансокса. Не выказывая, однако, своего истинного намерения, он попросил князя Хо:

— Слышал я, будто очень уж хороши окрестности вокруг обители Ёнмёнса, что в Содо. Побывать там хоть разок — мечта всей моей жизни. Вот уж будет обидно, если назначат меня в храм Дансокса. Почтительно надеюсь, что вы уважите мою просьбу!

И через несколько дней вышло распоряжение: монаху Ильуну отправиться в обитель Дансокса!

— Этот старый упрямец попался-таки на мою хитрость! — расхохотался Ильун.

Три недостатка

Пхоын, князь Чон Мунчхун, был человеком порядочным, строгих правил. Никто и ни в чем не мог упрекнуть его. Но все же некто однажды сказал ему в шутку:

— Говорят, князь, что у вас есть три недостатка. Знаете ли вы об этом?

— Какие же? — спросил князь.

— Вот, говорят, что если вам случается устроить пирушку с друзьями, вы приходите на нее первым, пьете больше всех и уходите последним.

— Верно, такое бывало... Но тогда я был молод, жил в провинции, и если случалось раздобыть кувшинчик вина, то хотелось хоть разок как следует повеселиться в кругу родных и друзей. А теперь я богат и знатен, всегда у меня полно гостей, и вино не иссякает в кувшинах. Зачем же мне себя ограничивать?

— Говорят еще, что вы любите женщин. Не так ли?

— Любовь человеку дана от природы. Об этом говорил еще Конфуций. Известно, что и сам он не отказывался от наслаждений!

— А вот слышал я, что вы вымениваете китайские вещи. И не без выгоды!

— Я старый бедный человек, — ответил князь, слегка переменившись в лице при этих словах. — Сыновей и дочерей у меня много, а для свадебных церемоний пужны китайские вещи. Ведь не могу же я изменить обычай! Да и так уж повелось с древности, что люди обмениваются вещами, которые есть у одного и которых нет у другого. Разве я делаю что-нибудь недостойное?

Его собеседник рассмеялся и сказал, что все это только шутка.

Сон Хён

Оплошал

В Чонпха жили два юноши — Сим и Лю. Оба они были из знатных семей и каждый день в праздности пили вино с красивыми женщинами. Однажды решили они с несколькими близкими друзьями развлечься у Сима. Кисэн Чёп Ёнхва, любовница Сима, хорошо пела и танцевала, а слепец Ким Боксам — лучший в наше время игрок на каягуме — тоже пел свои песни и был в большом ударе. Гости, сидя тесным кружком, подносили друг другу чаши. Царило всеобщее согласие и веселье. Уже глубокой ночью кто-то предложил:

— Пусть каждый расскажет какую-нибудь забавную историю из своей жизни, и мы посмеемся!

Все дружно согласились. Веселые истории следовали одна за другой, гости хохотали не переставая. Но вот настал черед Ким Боксама.

— Я, пожалуй, тоже расскажу об одном случае из моей жизни, — начал он в наступившей тишине. —

Недавно был я приглашен в дом богатого ямбаия. В увеселении участвовали многие известные кисэн, и среди них была Симбан — самая лучшая танцовщица. После порядочной выпивки все гости — каждый со своей девушкой — разошлись по отдельным комнатам. Так вот: со мной спала Симбан!

— В самом деле, очень интересно, — смутившись донельзя, воскликнул Сим. — Но давайте-ка лучше поговорим о чем-нибудь другом!

— Да что за охота без конца рассказывать, — тоже смутились гости. — Уж лучше скоротаем ночь под музыку да песни!

Но кисэн петь отказались, а у гостей пропало настроение, и они стали расходиться. Едва выйдя за ворота, Лю сказал Ким Боксаму:

— Какую ты, однако, сболтнул глупость. Ведь Симбан была среди гостей. К тому же она теперь любовница хозяина. Как ужасно быть слепым!

— Да что ты, — густо покраснел слепец, — с каким лицом я теперь покажусь ему?! Впрочем, ведь сейчас все зовут ее Чёп Ёнхва, а детского имени Симбан, наверно, никто и не знает, — пытался утешить он себя.

Однако все-все узнали о промахе слепого и с удовольствием рассказывали друг другу эту забавную историю.

Шутник Ён Тхэ

Ён Тхэ был мелким чиновником при династии Корё. Он любил шутку и умел смешить людей, как квандэ. Однажды зимой поймал он змею на берегу Ёнёна. Наболтал монаху из соседнего монастыря, что это, мол, детеныш дракона, и тот взял змею на

воспитание. Через несколько дней Ён Тхэ разделся до-гола, пестро разрисовал свое тело под чешую дракона и явился к этому монаху.

— Не пугайтесь, святой отец, — сказал он, посту-чавшись в окно, — я дракон Ёнёна. Узнал я, что дитя мое вы очень любите и бережете. Очень вам благода-рен. Скоро снова приду и приглашу вас в свой подвод-ный дворец!

Сказал он так и скрылся. В назначенный день, раз-одетый во все новое, ожидал монах дракона. Пришел Ён Тхэ, посадил монаха себе на спину и принес на берег Ёнёна.

— Теперь вы за меня не держитесь, — сказал он монаху, — закройте глаза, и мы тотчас окажемся в моем дворце!

Монах крепко зажмурился, разжал руки. А Ён Тхэ просто сбросил его в воду и ушел. Промокший на-сквозь, весь в ссадинах, монах с трудом выполз на берег. Еле добрался он до монастыря и, укутав-шись одеялом, заснул. Назавтра Ён Тхэ пришел к нему.

— Что это с вами стряслось? — спросил он.

— Злой дух Ёнёна, старый сумасброд, жестоко подшутил надо мной! — мрачно ответил монах.

А однажды Ён Тхэ привелось участвовать в коро-левской охоте. Как всегда, разыгрывал он веселые шутки. И вот король Чхунхэ приказал для потехи бросить его в реку. Ён Тхэ с трудом удалось выбрать-ся на берег.

— Где был, что видел? — рассмеявшись, спросил король.

— А был я под водой, — бодро ответил Ён Тхэ, — встретил Цюй Юаня!

— Ну и что же он тебе сказал?

— Мой государь был человеком невежественным, — сказал Цюй Юань, — из-за него мне пришлось утонуть. Но почему в реке оказался ты? Ведь твой-то государь — просвещенный!

Королю очень понравился ответ Ён Тхэ, и он подарил ему серебряную чашу. Увидя это, один из воинов взял да и плюхнулся в воду. Король приказал вытаскать его за волосы и спросил, зачем он прыгнул в реку. Воин ответил, что он тоже навестил Цюй Юаня.

— А что же он тебе-то сказал? — поинтересовался король.

— «Что скажешь?» — спросил меня Цюй Юань. — «А что вы скажете?» — ответил я ему.

Дружный хохот королевской свиты потряс окрестности.

Обзавелся любовницей

С юных лет генерал Ли отличался талантами. И со-бой был хорош, как яшма. Однажды, бросив поводья, ехал он верхом по большой дороге. И вдруг увидел женщину годов этак двадцати двух — двадцати трех. Красоты она была необыкновенной. Ее сопровождали служанки и мальчики. Красавица стояла возле слепца, который гадал ей. Генерал окинул ее взглядом, но не остановился. Женщине он очень понравился, и она тоже пристально на него глянула.

Генерал тут же приказал сопровождавшему его воину пойти за женщиной следом и разузнать, где она живет. Воин доложил, что после гадания в окружении служанок и мальчиков красавица верхом на лошади въехала в Южные ворота и направилась в Саджедон.

У генерала аж дух захватило! Теперь он хотел уйти отсюда совсем, да никак не мог.

Немного погодя хозяйка и гость сели рядышком, принялись есть мясо и пить вино. А когда мужчина снял шляпу, оказалось, что он ко всему и омерзительный—бритоголовый! Тут уж генерал не стерпел. Осмотревшись вокруг, он заметил большой моток веревки. Когда монах с хозяйкой легли, генерал вбежал к ним, схватил горбуна, прикрутил его веревкой к колонне и стал бить палкой по чему попало. Монах жалобно завопил от боли, а хозяйка неожиданно обрадовалась.

— Хочу произвести новую брачную церемонию, по-военному. Это тебе ясно?! — крикнул генерал монаху.

— Извольте только приказать, умоляю вас, — ответил тот.

Тогда они прогнали монаха и устроили новый пир. С тех пор генерал стал часто бывать у этой женщины. Она полюбила его, и многие годы они не изменяли друг другу.

Порочная Оудон

Оудон была дочерью члена Королевской коллегии литераторов сонсэна Пака. Дом их был богатым, девушка — изящной и прелестной, однако по натуре своей — необыкновенно развратной. И даже когда она стала женой Тхэ Гансу, родственника короля по мужской линии, тот не смог ее образумить.

Как-то в дом пригласили мастера изготовить серебряную посуду. Мастер был молод и хорош собой. Женщина этому обрадовалась. Всякий раз, когда уходил муж, переодевалась она в платье служанки, садилась подле мастера, расхваливала красоту и изя-

щество сработанной посуды. В конце концов она сумела тайком завлечь его к себе в спальню и среди бела дня предалась разнузданным любовным забавам. Увидя как-то раз, что возвращается муж, она успела спрятаться. Однако тот обо всем узнал и протнал ее.

Служанка Оудон тоже была красивой. Каждый раз в сумерки она наряжалась, завлекала на улице какого-нибудь красивого юношу и приводила его в комнату госпожи. Затем приводила другого юношу для себя, и они все вместе проводили ночь. Это стало для них обычным. Утром ли, когда благоухают цветы, ночью ли, когда сияет луна, обе женщины, испытывая неодолимую похоть, блуждали по городу в поисках развлечений. По ним — был бы только мужчина, а кто он родом — они и знать не хотели. Возвращались они домой на рассвете.

Однажды они зашли в какую-то придорожную харчевню. Указывая пальцами на входящих и выходящих мужчин, они обменивались впечатлениями.

— Этот молод, — говорила служанка, — и у него большой нос. Он бы вам подошел, госпожа!

— Да, от него бы я не отказалась, — вторила ей хозяйка, — а того вон, пожалуй, уступила бы тебе!

Не проходило дня, чтобы они не развлекались подобным образом. Потом Оудон вступила в недозволенную связь с Бан Сансу. Сансу был молод и красив, знал толк в поэзии.

Как-то Сансу пришел к ней домой, а она еще не вернулась со своего очередного любовного похождения. Лишь ее фиолетовая кофточка висела на ограде. И тогда Сансу написал такое стихотворение:

Падают капли часов водяных,
воздух ночной и прохладен и чист,
Белое облако в небе повисло,
светит так ярко большая луна...

Ныне, когда уже тихо кругом,
но не погашены свечи еще,
Можно печально сидеть и писать
о сновиденье былом — о любви!¹

А разве не предавалась она сверх меры гульбе и разврату, пользуясь слабостью и других молодых придворных? Двору, конечно, стало известно об этом, и было произведено дознание. Одни предлагали казнить ее, другие — выразить порицание, третьи — сослать в отдаленные места. Были, правда, и такие, кто ничего не сказал, а некоторые даже стояли за ее оправдание. Начальник Кымпу объявил о ее преступлениях и приказал вынести приговор. Было принято решение: «По закону смертной казни не подлежит. Заслуживает ссылки в отдаленное место». И король повелел наказать ее согласно закону и обычаю.

Когда Оудон взяли под стражу и увозили, служанка взобралась на повозку.

— Госпожа, не теряйте присутствия духа! — обняв Оудон за талию, воскликнула она. — Ведь могло быть что-нибудь еще и похуже ссылки!

И те, кто слышал это, рассмеялись. Но женщина, которую так строго наказали за дурные склонности и постыдное поведение, была ведь из хорошей семьи. И поэтому некоторые плакали.

Попал в рай

В старину жил один слепец в Кэсоне. Был он от природы очень глуп и прямо-таки обожал все необыкновенное. С кем ни встретится, непременно спросит — не слышно ли в мире чего-нибудь этакого. И однажды

¹ Стихи в сборнике переведены С. Ботвинником.

какой то парень, которому он порядком надоел, ответил ему:

А как же! Вчера в восточной части города на тысячу киль земля провалилась. Внизу ясно видны люди, слышно даже, как поют петухи и жепицины бёльмо катают. Я сейчас как раз оттуда!

— Если только ты говоришь правду, — обрадовался слепец, — то поистине это удивительно. Я ничего не вижу, но мне так хотелось бы подойти к краю той трещины и хоть послушать звуки, которые доносятся оттуда. А после — и умереть не жалко!

Целый день таскал парень слепца по городу и наконец привел на задний двор его же собственного дома.

— Вот здесь оно и есть, — сказал он слепцу.

Слепец прислушался: в самом деле, поют петухи, вальки стучат.

— Ой, как интересно! — захолопал он в ладоши.

Тут парень сильно толкнул его, и он кубарем покатился по земле. А когда подбежали слуги слепца и спросили, что случилось, он почтительно поклонился им и ответил:

— Я пришел к вам в рай.

Но, вдруг услышав хохот своей жены, удивленно спросил:

— А ты-то когда успела сюда явиться?!

В храме Мёнтхонса

Есть в Сеуле храм Мёнтхонса. В первый и пятнадцатый день каждой луны здесь обычно собираются слепцы. Они читают молитвы, желают долгой жизни государю, считая эти занятия весьма важным делом.

Богатые и знатные чинно сидят внутри храма, те же, что попроще, охраняют ворота. Слепцы сторожат ворота очень строго и никого в храм не пропускают.

Некоему шутнику-сонби все же удалось однажды незаметно проскользнуть в храм. Решив подшутить над слепцами, он взобрался на поперечную балку храма и, когда слепцам нужно было звонить, подтянул шнур колокола к себе. Звонарь долго искал шнур, но не нашел. Тогда, шаря руками, принялись искать все слепцы. Сонби опустил шнур на прежнее место, и они сразу нашли его. Но как только собирался звонить звонарь, шнур исчезал. Так повторялось раза три-четыре.

— Да кто это поднимает шнур?! — не выдержали слепцы. Они сели в кружок и стали гадать.

— Может быть, шнур поднимают летучие мыши, что висят на стенах? — сказал один. Слепцы встали, ощупали все четыре стены, но ничего не нашли.

— А не устроился ли на ночь петух на верхней перекладине? — сказал другой. — Не он ли балуется со шнуром?

Слепцы схватили длинные палки, стали изо всех сил колотить по перекладине, и сонби, которому здорово досталось, упал вниз. Слепцы тут же на него навалились, крепко связали и так сильно избили, что он еле-еле выбрался из храма на четвереньках.

На другой день, прихватив с собой веревку, сонби снова пробрался в храм и спрятался в уборной. И как раз справить нужду в уборную зашел сам староста слепцов. Только это он устроился, как сонби, ловко захлестнув петлей все его мужское достояние, что есть силы потянул веревку.

— Спасите! Спасите человека! — истощным голосом завопил староста.

— Это козни злого духа! — в испуге завопили убежавшиеся на крик старосты слепцы. Тут одни стали звать на помощь соседних жителей, а другие, колотя в барабаны, принялись бормотать заклинания.

Спутался с собственной женой

Некогда один слепец попросил своего соседа сватать ему какую-нибудь красавицу. И вот как-то сосед говорит ему:

— Тут недалеко живет одна женщина. Не тощая и не толстая, ну писаная красавица! Я передал ей твои слова, и она согласна. Только она запросила много подарков.

— Да пусть я разорюсь, — вскричал слепец, — но для нее ничего не пожалею!

Когда жены его не было дома, он открыл сундуки, набрал кучу всякого добра, дал соседу и просил договориться с той женщиной о дне встречи. В назначенный день слепец принарядился и отправился на свидание. А жена его, стороной проведав об этом, чисто умытая и напудренная, явилась в условленное место раньше своего супруга.

Пришел ничего не подозревавший слепец. Они по всем правилам поклонились друг другу, как бы совершая брачную церемонию, и в ту же ночь счастливый слепец лег спать с новой возлюбленной.

— В жизни не было у меня такой радостной ночи, — не в силах одолеть любовного томления и поглощая женщину по спине, воскликнул слепец. — Ведь если сравнить тебя и мою жену с кушаньем, то ты —

медвежья лапа и зародыш барса, а она — лишь постная похлебка из лебеды да жидкая каша!

На рассвете его жена первая прибежала домой. Она закуталась в одеяло и сделала вид, что дремлет.

— Где же это ты почевал? — спросила она слепца, когда тот явился.

— Да был я в гостях у одного министра, читал молитвы. День выдался холодный, и у меня вдруг живот схватило. Пришлось выпить немного подогретого вина.

— Ах ты скотина! — закричала жена. — Не оттого ли у тебя заболело брюхо, что ты обожрался медвежатинной, барсовыми зародышами, похлебкой из лебеды да жидкой кашей?!

А слепцу нечего и сказать было. Он понял, что жена его перехитрила.

Служки дурачат монахов

Издревле обманывали служки монахов. Некий служка сказал однажды монаху:

— Сорока утащила серебряную ложку. Она сидит у себя в гнезде, вон на том дереве перед воротами!

Монах поверил ему и влез на дерево.

— Ау! Наставник! — расхохотался служка. — И зачем это вы влезли на такое высокое дерево? Уж не хотите ли полакомиться птенцами сороки?

Монах так сконфузился, что, слезая с дерева, исцарапал себе все тело об его колючки. Он очень разозлился и жестоко прибил обманщика служку.

А то еще однажды ночью повесил служка над дверью монаха большой котел да как завопит:

— Горит! Горит!

Перепуганный монах выскочил из кельи, ударился головой об котел и повалился наземь. Через некоторое время он поднялся и видит: никакого пожара нет. Монах стал злобно ругаться, а служка, как ни в чем не бывало, говорит:

Там в горах вспыхнуло пламя, вот я и закричал!

Впредь, — наставительно молвил монах, — ты кричи только тогда, когда огонь загорится близко!

А другой служка тоже разыграл одного монаха.

По соседству с моим домом, — сказал он ему, — живет молодая и красивая вдова. Как встретит меня, всегда спрашивает: «Неужто твой наставник один съедает всю монастырскую хурму?». — «Да что вы, говорю, он всегда делится с другими!» А она: «Попросил бы для меня немного. Хочется попробовать!».

Ну, так парви малость да отнеси ей, — разрешил монах.

Служка оборвал в саду всю хурму, отнес ее своим родителям и, воротившись, сообщил:

Вдова сла хурму да нахваливала. Только она опять у меня спросила: «А белые жертвенные хлебцы, что приносит в Япимовый зал храма, твой учитель сам, что ли, все съедает?» — «Конечно, нет, говорю, он все-гда и другим даст!» — «Я бы от них тоже не отказалась, попроси-ка для меня!»

Ну, раз просит, — сказал монах, — возьми да отнеси!

Служка собрал все хлебцы и снова отнес к себе домой.

Вдова с аппетитом поела, — доложил он монаху. Осталась очень довольна. И, между прочим, она меня спросила: «Разве не должна я за все это отблагодарить твоего наставника?». Ну, я, конечно, ответил, что мы были бы не прочь встретиться с нею.

Вдова охотно согласилась. «Только, говорит, дома у меня много родственников и слуг — наставнику нельзя прийти ко мне. Лучше, мол, я улучу момент да сама приду в монастырь!» И я договорился с ней о дне встречи.

Монах даже запрыгал от радости. В условленный день он послал служку за вдовой. А служка зашел к женщине и говорит:

— У моего наставника сильно живот разболелся. Лекарь велел достать женский шелковый башмачок, погреть над огнем и потереть им живот. Сразу, говорит, боль пройдет. Вот я и пришел к вам с просьбой.

Женщина сразу же дала ему свой башмак, служка воротился в монастырь, спрятался и стал подглядывать. Монах чисто вымел келью и заботливо приготовил постель. А затем до ушей служки донеслось радостное бормотание: «Я сяду здесь, она сядет вон там. Я угощу ее, она поест. Ну, а уж потом я возьму ее за руку, увлеку в келью, и мы с ней предадимся любви!». Тут служка подскочил к нему, швырнул наземь шелковый башмачок.

— Все пропало! — закричал он. — Вдова стояла вот здесь, все видела и слышала. Она очень рассердилась и сказала: «Ты обманул меня. Он же сумасшедший!». И с тем убежала. Я хотел было удержать ее, но мне достался только вот этот башмачок!

Монах поник головой и в отчаянии воскликнул:

— А ну-ка стукни меня по губам!

Служка что есть силы хватил монаха мокчимом и выбил ему все зубы!

А один монах уговорил некую вдову выйти за него замуж. И вот перед первой брачной ночью негодник служка сболтнул ему:

— Говорят, если растолочь незрелые бобы, развести в воде и выпить, то от этого прибавляется мужская сила!

Монах поверил, тщательно приготовил снадобье, выпил его и отправился ко вдове. Но еще в дороге у него вдруг так сильно забурчало в животе, что он еле терпел и с трудом добрался до ее дома. Здесь монах сел на пол и боялся даже пошевелиться.

Пришла вдова и спросила, почему это он сидит как истукан. Монах ничего не ответил. А когда она слегка толкнула монаха, безудержный понос пробрал его, и комната наполнилась ужасной вонью. Тут вдова схватила палку и выгнала монаха вон из дома.

И вот среди ночи побрел он один, не зная дороги. Вдруг впереди что-то засветилось. Решив, что это ручей, он разделся и вошел. Оказалось — цветы гречихи! Вскоре раздосадованный монах опять увидел перед собой что-то светлое. «Уж теперь-то я не обманусь!» — подумал он. Пошел вперед, не раздеваясь, но на этот раз то действительно была речка, и он плюхнулся в воду!

Насквозь мокрый, он решил перейти речку по мосту. На берегу несколько женщин промывали рис. Монах, проходя мимо и думая о своих злоключениях, то и дело восклицал: «Ай, горько! Ай, горько!». Не зная, в чем дело, женщины подбежали к нему.

— Люди промывают рис для вина, — закричали они, — а он говорит — «горько». Этого еще не хватало!

Они избили монаха и изодрали на нем всю одежду. Солнце поднялось уже высоко. Монах был до смерти голоден и стал жевать коноплю. Вдруг послышались крики: «Дорогу! Дорогу!» — и показались всадники. То был сам правитель уезда. Монах быстро спрятался

под мост, но тут же надумал выменять у правителя немного риса на коноплю.

Как только всадники въехали на мост, монах вскочил наверх и склонился перед конем правителя. Но правитель сильно разгневался, приказал избить его и ускакал. А монах без чувств скатился под мост. Тут-то его и заметили стражники, как раз в эту пору совершавшие обход.

— Под мостом валяется труп какого-то монаха, — удивились они. — Давайте-ка испробуем на нем свое оружие!

Они подняли копья и припились поочередно колоть ими монаха. А монах так перепугался, что и вздохнуть не смел. Вдруг один стражник сказал, обнажая нож:

— Говорят, из мужского корня буддийского монаха получается отличное лекарство. Отрежу-ка я его, да и пойдем дальше!

Тут уж монах вскочил на ноги и с громкими воплями обратился в бегство.

Только после захода солнца добрался он до своего монастыря. Ворота были уже закрыты. Сколько ни кричал истошным голосом монах, служка не отпирал.

— Наш наставник ушел к своей жене! — наконец крикнул он. — Ты что, негодяй, орешь среди ночи?

Тогда монах решил проползти во двор монастыря через собачий лаз.

— Вечно чья-то собака шляется по ночам и слизывает масло перед изображением Будды, — нарочно громко сказал служка. — Вот и опять прибежала!

Он схватил дубинку и больно избил монаха. Про того, кто попадает в переделку, теперь и говорят: «Он как тот монах, что переходил речку!».

Любовь и гибель Ана

Некто сэн Ан происходил из знатного столичного рода. Числился он в Хакгуэ, однако все время проводил в праздности и развлечениях. Разодетый в великолепные одежды, всюду разъезжал он в роскошной коляске. Рано овдовев, Ан жил совсем один.

Но вот однажды прослышал он, что в восточной части города в одной богатой семье есть красивая девушка, которая служит у министра. Стал посылать Ан дорогие подарки с просьбой отдать за него девушку, но неизменно получал отказ. В конце концов он даже заболел от досады. Тогда вокруг стали говорить, что он, мол, заболел от несчастной любви, и тем самым вынудили родителей девушки согласиться на этот брак.

Девушка, лет семнадцати — восемнадцати, была мила и благодетельна, и Ану, который тоже был молод и хорош собой, она пришлась по сердцу. Любовь их крепла день ото дня. Соседям Ан понравился, а родители девушки и вовсе души в нем не чаяли: постоянно о нем заботились и даже решили выделить ему большую часть своего состояния. Однако другим зятям это не понравилось. Они улучили момент и пожаловались министру:

— Как пришел в дом новый зять, начала наша семья разоряться. Жить становится все труднее и труднее!

— А не говорил ли я, что нельзя брать в семью такого непутевого зятя? — рассердился министр. — Я накажу его, чтобы и другим nepовадно было!

Тут же послал он троих здоровенных слуг схватить и привести к нему жену Ана. Мирно обедал Ан со

своей женой, когда в дом ворвались слуги и объявили волю министра. Испуганные, удрученные предстоящей разлукой, супруги только молча заплакали.

И с того дня молодая женщина была заперта в доме министра. Ограда здесь высокая, ворота снаружи и изнутри крепко заперты. Положение сначала казалось безвыходным. Однако Ану и родителям его жены удалось подкупить слуг и привратников, и Ан стал встречаться со своей женой по ночам. А встречались они обычно в домике, который купил Ан по соседству с домом министра.

Прислали однажды родители своей дочери пару красных туфельек. Туфельки так ей понравились, что она не расставалась с ними; любуясь, то и дело трогала их руками.

— Для кого это ты нарядилась в такие красивые туфельки? — пошутил Ан.

— Не забыла я своей клятвы о супружеской верности, — изменившись в лице, ответила женщина. — Зачем ты так говоришь?

Тут же схватила она нож и на мелкие кусочки изрезала одну туфельку.

А то еще сшила она как-то себе белую кофточку, и Ан опять стал подшучивать над нею. Закрыв от смущения лицо руками, жена его заплакала:

— Я никогда, никогда не изменю тебе! А сам-то ты, наверно, мне изменяешь! — Она сорвала с себя кофту и бросила в канаву.

Ана радовала и трогала преданность жены, он любил ее все сильнее. Каждый вечер встречались они и расставались только на рассвете. Но вот через несколько лун узнал об этом министр. В гневе решил он выдать замуж молодую женщину за другого, за простого слугу.

— Ну что ж, — с притворной покорностью сказала жена Ана, — придется снова выходить замуж!

«А я все-таки сохраняю верность моему супругу!» — про себя решила она. Своими руками приготовила приданое, состряпала вкусное угощение для гостей. Все, конечно, поверили, что она пойдет за другого. А когда настал вечер и нужно было отправляться к новому мужу, женщина незаметно вышла в другую комнату и повесилась.

Ан ничего не знал. Утром он был у себя дома, когда прибежала девочка-служанка и доложила:

— Пожаловала молодая госпожа!

Радостно выбежал он к воротам встречать свою супругу, но служанка неожиданно объявила:

— Молодая госпожа вчера ночью умерла!

Ан не поверил ей, засмеялся. Бегом побежал он в домик, где они всегда встречались с женой. Посреди комнаты на постели под тонким покрывалом лежала она. Ан бил себя в грудь, он рыдал так горестно, что не могли удержаться от слез все соседи.

В ту пору шли сильные дожди, вода разлилась, и родственники умершей не могли пройти в их домик. Ан все, что положено было для погребения, приготовил своими руками, устроил пинсо, утром и вечером ставил перед ним еду и питье. По ночам он совсем не мог спать, а когда чуть-чуть задремал однажды, вдруг увидел свою жену. Совсем как наяву! Вот она входит к нему, Ан идет ей навстречу, он говорит с ней, говорит... и вдруг просыпается! Безмолвны двери и окна, только бумажный полог пинсо слегка колышется от ветра, угас одинокий светильник. И опять плачет он, теряет сознание и снова приходит в себя.

Дня через три тучи рассеялись, дождь перестал. При свете луны Ан отправился наконец домой.

В одиночестве дошел он до восточных ворот дворца Сугангун. Была глубокая ночь. И вдруг он заметил какую-то женщину. Она неотступно следовала за ним, то чуть обгоняя его, то отставая на несколько шагов. Лицо ее было красиво подкрашено и припудрено, волосы собраны в высокий изящный узел. Вот он приблизился к ней. Это покашливание, эти вздохи он ведь слышал уже прежде! Она... Ан пронзительно закричал и бросился прочь. Добежав до какой-то канавы, он обернулся — женщина была рядом! Не оглядываясь, быстро пошел он дальше и, когда подходил к своему дому, заметил, что она сидит у ворот. Ан громко позвал слуг, но женщина вдруг бесшумно исчезла в камнях, не оставив никаких следов.

Душа Ана пришла в смятение, он стал похож на безумца. Прошло немногим более одной луны, и над женой его совершили погребальный обряд и похоронили. А некоторое время спустя умер и сам Ан.

Угнали лошадей

В юности я очень дружил с Пан Ыном. Мы вместе учились и жили вдвоем в скромном домишке. По соседству, в нескольких ли, жил наш приятель Чо Хве, у которого были яблони.

— Все время клонит ко сну, — сказал мне однажды Пан Ын. — Давай-ка сходим к Чо да хоть поедим яблоч!

Мы подошли к дому Чо Хве и увидели, что деревья ломаются под тяжестью совсем уже спелых ярко-красных плодов. Однако ворота оказались наглухо закрытыми, и войти в сад не было никакой возможности. Мы окликнули хозяина, никто нам не ответил, и толь-

ко слышалось, как шумят за воротами подвыпившие слуги. А тут еще хлынул проливной дождь. У ясеня, что рос перед самыми воротами, мы заметили привязанных лошадей — одну большую и три-четыре поменьше. Вокруг не было ни души.

— Хозяин не желает встречать гостей, — воскликнул Пан Ын, — так мы угоним его лошадей!

Я кивнул головой. Мы быстро выбрали себе по лошадке, вскочили на них верхом, сначала поскакали на берег реки, а затем вернулись к себе домой и привязали лошадей в сарае.

— Сейчас я пристукну эту лошадку, — сказал Пан Ын, — и мы съедем ее!

— Да что ты! Ведь тогда мы окажемся настоящими грабителями! — возразил я.

— Всякий знает, что Чо Хве не пойдет жаловаться в управу! — Пан Ын тут же схватил тяжелый пест и хотел было уже ударить лошадь по голове, но я удержал его.

На другой день явился Чо Хве. Глаза ввалились, лицо осунулось.

— Ты чего это так с лица переменялся? — спросил у него Пан Ын.

— Вчера пошли мы все к жениной тетке в деревню Кимпхо, — рассказал Чо Хве, — лошадей привязали за воротами, а ворье проклятое их угнало! Домашние прямо-таки наизнанку выворачиваются от злости, поделили между собой всю округу и ищут лошадей. А сам я сейчас иду из дальних мест — из Кёха, что в уезде Кояи! И все без толку! Ну как тут не горевать?!

Он побыл у нас самую малость. Неожиданно в сарае заржала лошадь. Ын улыбнулся, а Чо Хве кинулся к сараю и видит: да это же его собственные

лошади! Уж он и сердился и радовался, бсылая нас упреками, от которых не мог удержаться. А все, кто видел это, покатывались со смеху.

Пхун Сансу считает по-своему

Некто Пхун Сансу из государевой фамилии был настолько глуп, что не мог отличить бобов от ячменя. В доме у него держали гусей и уток. Так он даже не умел их толком сосчитать: считал по парам.

Однажды слуга зарезал утку и съел ее. Пхун Сансу сосчитал птиц по парам, и осталась одна лишняя.

— Ах, негодяй! — злобно закричал он, колотя слугу. — Ты украл мою утку! Сейчас же верни мне ее!

На следующий день слуга съел еще одну утку, и когда Пхун Сансу сосчитал их по парам, все было в порядке.

— Только палка и помогла, — очень довольный, воскликнул он, — вчера побил этого мошенника, а сегодня он вернул утку!

Грубый Син

Министр Син по натуре был очень груб. Однажды в его миску с едой неожиданно села муха. Как он ни отгонял ее, она прилетала снова и снова. Тогда, сильно разгневанный, министр швырнул миску на землю.

— Зачем это вы изволите так гневаться на несчастное насекомое? — сказала его супруга. — Оно ведь ничего не понимает!

— Ты что заступаешься за муху? — вытаращив глаза, закричал министр. — Она твой муж, что ли?!

Глупый зять

В старину один сонби обзавелся зятем. Зять этот был настолько глуп, что не мог отличить бобов от ячменя. На третий день после свадьбы, когда молодые сидели за столом, зять, указывая на манту, вдруг спросил:

— Это что такое?

— Молчи, молчи! — закрыла ему рот молодая.

Зять разломил манту, увидел в нем кедровые орехи и опять спросил:

— А это что?

— Не говори, не говори! — снова цыкнула на него молодая.

И вот, когда молодожен возвратился к себе домой и родители спросили у него, что он ел в доме жены, он ответил:

— Съел одно молчи, в котором было три не говори.

Родня жены была сильно расстроена глупостью зятя. Никто не знал, что делать. Тогда тесть купил большой дубовый ларь на пятьдесят маль риса и решил, — если зять знает, что это такое, то он не прогонит его. Всю ночь жена учила молодого, как надо отвечать. Наутро тесть позвал зятя и показал ему дубовый ларь. Постучав по ларю палочкой, зять сказал:

— В этот дубовый ларь войдет, пожалуй, полсотни маль риса!

Тесть очень обрадовался, купил еще деревянную бадейку и опять показал зятю.

— В эту дубовую бадейку войдет, пожалуй, полсотни маль риса! — снова постучав по ней палочкой, сказал зять.

У тестя разболелся живот. Зять спросил, где болит. Когда тесть, выставив живот, показал ему, он постучал по животу палочкой и сказал:

— В этот дубовый живот войдет, пожалуй, полсотни малъ риса!

«Неисправимый распутник»

Ан Юльбо, правитель уезда Чиджунчху, по характеру был очень общительный и выпить любил. А напившись, имел привычку брать людей за руки и подшучивать над ними.

Как-то, когда Ан был еще секретарем Ведомства Ритуала, решил он по служебным делам навестить начальника Ведомства Хон Инсана. Хон Инсан угощал его вином. И хозяин и гость — оба умели выпить. К концу дня, когда они уже совсем перепились, вошла красивая женщина. Это была возлюбленная Хон Инсана. Она стала еще подносить им кубки с вином. И тут Юльбо неожиданно схватил ее за руку. Женщина испуганно отдернула руку, и при этом у нее порвался рукав. А Юльбо, совершенно пьяный, вышел во двор, в беспамятстве упал на землю и уснул.

Вскоре хлынул проливной дождь. Одежда Юльбо промокла насквозь, но Хон Инсан приказал слугам не трогать его. Вечером, когда Юльбо проснулся, вид у него был самый жалкий. Так он и возвратился домой.

Хон Инсан послал ему от себя одежду и велел передать: «Ты испортил свое платье только из-за того, что я напоил тебя. Посылаю тебе за это новое. Но и ты должен расплатиться за порванный рукав!».

Ан Юльбо, услышав это, очень испугался и просил передать: «Я совершил по отношению к начальнику

очень грубый проступок. Разве могу я после этого заниматься своей должностью?». Но Хон Инсан, узнав, что Ан Юльбо хочет выйти в отставку, не разрешил ему это.

И вот Ан снова отправился к Хон Инсану, чтобы попросить прощения. Случилось так, что он опять много выпил и сильно опьянел и опять схватил за рукав ту красавицу.

— Да ты неисправимый распутник! — громко рассмеявшись, воскликнул Хон Инсан.

Возлюбленная короля

Король Чхунсон долго жил в Китае во времена династии Юань. Была там у него женщина, которую он очень любил. Когда пришло время возвращаться ему на родину, женщина вышла проводить его. Тогда король сорвал цветок лотоса и подарил ей в знак разлуки.

Но забыть эту женщину он не мог, тосковал по ней с утра до вечера. И в конце концов король послал Икдже разыскать ее. Икдже нашел женщину. Она лежала посреди комнаты и уже несколько дней отказывалась от еды. Язык ее не слушался, она с трудом подняла кисточку и написала:

Лотоса чистый цветок
 вамн оставлен на память...
Он и сейчас не увял —
 цвет нежно-алый хранит.
Сколько прошло уже дней
 с нашей печальной разлуки?
Скоро поблекнет цветок,
 вместе со мною умрет!

— Эта женщина, — возвратившись, доложил Икдже, — пьет вино в кабачке с молодым мужчиной. Я даже не смог встретиться с нею!

Король так огорчился, что даже плюнул в сердцах. А на следующий год, в день рождения короля, когда настал черед Икдже поднести государю кубок с вином, он низко поклонился и сказал, что совершил преступление, за которое достоин смерти. Король спросил, в чем дело. И тогда Икдже подал ему стихотворение его возлюбленной, рассказал, как все было на самом деле.

— Если бы ты показал мне это стихотворение тогда, — обронив слезу, молвил король, — я во что бы то ни стало вернулся к ней. Ты любишь меня, потому и обманул. Вот истинная верность!

О Сукквон

Бессердечный кабан

У буддистов за большую добродетель почитается милосердие. Они никогда не убивают животных.

Однажды некий монах, побиравшийся в провинции Хваихэдо, столкнулся с диким кабаном, которого преследовали охотники. Разъяренный кабан выскочил неожиданно, а монах тут же подошел к нему и, тыча посохом на юг, воскликнул:

— Ай, беда! Ай, беда! Скорее беги в ту сторону!

Но кабан набросился на него и прикончил на месте.

Ким Сисып ругает стихи

Однажды, гуляя в уезде Ёндон, Ким Сисып добрался до Яняна. Там на башне увидел он чьи-то стихи, написанные по-китайски.

— Какой щенок написал тут эти дрянные стихи? — сердито выругался он.

Дочитав до середины, промолвил:

— Впрочем, здесь есть кое-какой смысл!

А дочитав до конца и заметив имя поэта, воскликнул:

— Да ведь эти стихи написаны самим Квидалем!

А Квидаль — это Хамхо Хон.

Круглый дурак

Великий князь Чеан, сын короля Йеджона, был очень глуп. Как-то сидел он у своих ворот и увидел нищего, который просил проса.

— У него нет проса, — сказал Чеан своему слуге, — но ведь он мог бы поесть медовых блинчиков!

По его словам выходило, будто у нищего есть все, кроме проса.

Опять же он оскандалился однажды с женщиной. Это получилось оттого, что за всю жизнь он так и не познал человеческого дао. Сонмё, сетуя на то, что у Йеджона не будет потомков, как-то сказал:

— Если бы кто-нибудь помог Чеану познать человеческое дао, то он заслуживал бы награды!

Одна фрейлина решила попытаться и отправилась к Чеану в дом. В полночь, когда Чеан крепко уснул, она сумела сделать так, что они соединились. Но тут Чеан вдруг проснулся, вскочил с испуганным воплем и принялся тщательно умываться. При этом он кричал, что его осквернили.

А в годы Чжэн-дэ Санныйвон ввел для ношения пояс, украшенный пластинками из рога носорога. Пояс был изумительно красив, и Чеан, присутствуя однажды на приеме в королевском дворце, надел его себе на талию.

— Очень прошу пожаловать мне этот пояс! — возмолвился он после приема.

Чунмё рассмеялся и пожаловал. Кое-кто может сказать: неправда, мол, что Чеан был глупцом. Но если слынешь умным и добродетельным только потому, что приходишь из королевского рода, то — хоть и говорили в древности, что человек всегда скрывает свои недостатки, — твоя слава не будет долговечной.

Что же касается отношений между мужчиной и женщиной, то они — от природы. Нельзя подавлять это человеческое чувство. И если кто-то не сближается с женщиной, считая это страшным грехом, разве он не настоящий дурак?

Чо попадает в беду

В окрестностях горы Пёнсан, что в уезде Хонам, жил сэнвои Чо. Некий сосед-корзинщик занял у него деньги и долго не мог отдать их. Однажды корзинщик пошел к подножию горы нарезать ивовых прутьев. Вдруг он увидел огромного тигра, который лежал под скалой, вытянув все четыре лапы. Обычно, когда тигр съедает собаку, он будто пьянеет и мирно спит. Корзинщик тут же вернулся и сказал сэнвону:

— Я только что нашел в горах убитого тигра. Так вы возьмите его, пожалуйста, в счет долга, который я не могу вернуть!

— Ах! — засуетился обрадованный сэнвон. — Скажи, если его потащат волоком, не попортят ли шкуру?

По совету корзинщика он велел сделать большие носилки и, прихватив с собой пять-шесть слуг, отправился в указанное место. Приблизившись, сэнвон Чо на четвереньках взобрался на скалу, под которой спал тигр. Он

сел, перегнулся вниз и стал глядеть на зверя. А слуги подошли прямо к тигру и с грохотом сбросили носилки на землю. Тигр вскочил, как ужаленный, огласил долину гневным рыком, взметнул песок и, ломая ветви, умчался в горы. А сэнвон Чо в беспамятстве брякнулся вниз со скалы, изранив себе все лицо и руки!

Оказалось, что он даже не может сесть на лошадь. В конце концов ему пришлось лечь на носилки, которые он приготовил для тигра! Таким манером он и возвращался домой. Стояла уже весна, и сэнвон был одет в желтое холщовое платье. Его сыновья, выйдя за ворота, увидели эту процессию издали и приняли своего собственного батюшку за тигра! Они указывали на него пальцами, радостно переглядывались, кричали даже, что тигр, оказывается, не полосатый, а весь желтый. Они побежали навстречу и тут только обнаружили, что на носилках лежит не тигр, а их отец, стонущий от ушибов!

Весь дом переполошился, а сэнвон Чо заперся у себя и только через несколько лун, перепробовав все лекарства, поднялся на ноги. Разве это не хороший урок жадному человеку?

Нечистая сила

В Сеуле, у Малых Южных ворот, в семье одного сонби жила вдова. В особом деревянном сундуке у нее было припрятано огромное богатство, сохранившееся еще от предков: драгоценности, шелка — тонкие, атласные, узорные, украшения из раковин и еще много всякой всячины. Сундук этот, емкостью в десять сом, был окован железом, закрыт на замок и крепко обвязан веревками. Закрывать надежнее его было уже

невозможно. Стоял он на верхнем этаже, в самом дальнем углу.

Прослышали об этом сундуке воры и задумали украсть его. Но такой тяжелый сундук ведь не унесешь, можно похитить только его содержимое. А открыть — тоже никак нельзя. Ничего придумать не могли воры, только переглядывались да слюнки пускали.

Но вот некий вор смастерил более десятка больших и малых ключей. Выбрав время, когда вдова и вся челядь крепко уснули, он с несколькими своими подручными перелез через ограду и проник в дом. Перебрав все ключи, воры в конце концов открыли драгоценный сундук и вытащили оттуда все. Затем главарь шайки надел на себя медвежью шкуру, влез в сундук, приказал своим подручным снова замкнуть его и обвязать веревками. Словом, сделать все как было, а самим уйти.

Сидя в сундуке, вор стал царапать ключом — будто скребется или грызет что-то крыса. Слуги слышали эти звуки, доложили хозяйке. Когда зажгли свечи и открыли сундук, оттуда вдруг с рычанием выскочил медведь! Слуги, бросив светильники, попадали на землю. А вор в медвежьей шкуре, подражая зверю, носился всюду, размахивая лапами. Он то спускался во двор, то снова заходил в дом и при этом рычал не переставая. Все в доме были полумертвыми от страха. А вор, побродив так еще немного, выпрыгнул в окно и сбежал.

Когда рассвело, снова заглянули в сундук. Он был совершенно пуст. «Наверно, мое добро превратилось в злого духа!» — подумала вдова. Она призвала шаманку и слепца и попросила их прочесть заклинание. Она хотела только отвести от своего дома новую беду и совсем не догадывалась, что это проделка воров. А они, как видно, были не простые воришки, а настоящие, хитроумные воры.

Не уступила тигру

Если пройти примерно десятка три ли на юго-запад от города Вонджу, что в провинции Канвондо, можно попасть в деревушку Купха. Несколько лет назад откуда-то забрела и поселилась здесь некая супружеская пара. Однажды ночью, в одиннадцатую луну года капин при короле Мёнджоне, тигр разломал дверь и ворвался к ним в дом. Он убил хозяина и пытался утащить его тело. Жена выскочила вслед за тигром, громко закричала. Но вокруг была тишина, ни один человек не отозвался. А тигр все тащил ее мужа. Тогда женщина крепко обхватила мужа за поясицу, и тигру пришлось протаскивать через дыру в изгороди их обоих.

— Ты убил моего супруга, — кричала женщина, изо всех сил колотя тигра кулаком, — но тело его я тебе не отдам!

До самого рассвета боролась она с тигром. То тигр перетягивал ее, то она перетягивала тигра. А когда настал день, зверю ничего не оставалось, как бросить свою жертву и скрыться. Женщина позвала соседей, похоронила мужа и, распродав хозяйство, совершила жертвоприношение. После этого жила наедине со своей тенью, храня верность мужу. Из деревни не сообщили в управу о подвиге этой женщины, достойной сравнения с добродетельными женами древности. Поэтому она не была удостоена награды. Никто не знал, откуда она пришла и куда скрылась.

Студент Чхэ и незнакомка

Недавно неподалеку от сеульских казарм жил некий студент, по фамилии Чхэ. Однажды в сумерки прогуливался он по улицам. Прохожих становилось все меньше. Взошла тусклая луна, осветив окрестности призрачным светом. Разглядеть лицо на расстоянии было трудно, угадывались лишь смутные очертания человека.

И вот на другой стороне улицы Чхэ заметил какую-то женщину. Она стояла неподвижно. Некоторое время они вглядывались друг в друга, а потом Чхэ медленно направился к ней. Ее искусно подкрашенное лицо, изящный узел прически и стройный стан волновали душу. Чхэ, совершенно очарованный, заморгал глазами, руки у него задрожали, и он невольно приблизился к женщине.

— Этой тихой ночью, — заговорил он, — я случайно встретился с вами. Не могу совладать со своим сердцем и потому так недостойно веду себя. Уповаю только на

то, что вы вспомните старинную историю о секретаре Хане и простите мою бесцеремонность!

При этих словах женщина слегка покраснела. Потом тихо и скромно ответила:

— Кто вы? И почему так пылко разговариваете с женщиной, которую встретили впервые? Право же, мне очень стыдно, но если вы хотите... пожалуйста, проводите меня!

— Конечно, я очень хочу! — безмерно обрадовался студент. — Но что скажут ваши родные? Как осмелюсь я, чужой человек, проникнуть в глубину женских покоев?

— Раз уж я сама позвала, стоит ли вам беспокоиться? — возразила женщина.

И они пошли рядом, касаясь плечами друг друга. Покружив по какому-то извилистому переулку, перешли ручей и подошли к высоким воротам большого, крытого черепицей дома, обнесенного каменной оградой. Женщина велела Чхэ подождать немного снаружи, а сама вошла в дом.

Безлюдно. Из глубины дома не слышно ни звука, и вокруг тишина. Чхэ молча переминался с ноги на ногу, пристально вглядываясь в сумрачные ворота, будто что-то оставил за ними. На душе у него было неспокойно. Через некоторое время появилась молоденькая служанка и, приоткрыв ворота, позвала Чхэ. Следуя за ней, Чхэ прошел через восемь тяжелых ворот. Дом с башенкой наверху поддерживали каменные колонны. Вид его был великолепен. Право, не скажешь, что это творение рук человеческих! В стороне виднелся флигель. Его окна с зелеными рамами и красными, унизанными бисером шторами были чисты и прозрачны и привлекали взор. В дверях флигеля, чуть отступив в сторону, встретила его та женщина.

— Я выжидала, когда в доме уснут, и заставила вас слишком долго ждать. Право, мне очень неловко. Вы, уж верно, подумали, что я испугалась?

Потянув Чхэ за рукав, женщина ввела его в комнату и предложила сесть. Дивные рисунки на ширме и чокджа, прелестные, изящные вышивки на мате и украшения на циновках — такое он видел впервые. Косметические принадлежности и домашняя утварь — все было необычным. Чхэ был потрясен. Конечно, это не мир людей! Уж не обитель ли это бессмертных?

Невольно съезжившись от страха, Чхэ не решался даже пошевелиться. А женщина велела служанке подать вино и закуски. Впервые увидел он столь редкостные яства! Наполнив вином кубок из белой яшмы с ручкой в виде пары драконов, женщина поднесла его студенту, скромно сказала:

— Доля моя — несчастная. Еще ребенком потеряла родителей, а стала взрослой — не имею супруга. С детства меня воспитывала только кормилица, и поэтому я не могла как следует научиться правилам поведения женщины. Когда расцветают цветы и луна становится ясной, погружаюсь я в бесконечную грусть наедине со своей тенью. А сегодня случайно вышла с подругами на улицу. Вдруг с грохотом промчалась повозка, запряженная бешено скачущей лошадью. И, спасаясь от нее, я укрылась в переулке. Подруги куда-то пропали, быстро стемнело. Я в растерянности стояла одна, и тут, к счастью, увидела вас. Если бы вы не сочли для себя зазорным, то, кажется, я могла бы прожить с вами всю жизнь!

Студент принял кубок и выпил. Он даже не находил слов для выражения благодарности.

— И за что только Небо послало мне такое счастье! — едва смог проговорить он.

А женщина все подносила ему вино. Чхэ не отказывался и пил беспрестанно. Счастливый, он снова и снова повторял, как ему повезло.

Когда настала третья стража, Чхэ совсем опьянел и умок. Служанка почтительно приняла его пояс и иляну, повесила на вешалку, приготовила постель и унесла свечу. Студент сразу же обнял женщину, и сердца их слились в радости. Будто встретились влюбленные пчелка и мотылек и утолили наконец свое желание! Разве с этим могла сравниться даже та встреча, когда играли на флейте под луной? И хотя по водяным часам наступил уже рассвет, их сладостный сон не прерывался.

Но вот над головой вдруг грянул гром, и студент в испуге открыл глаза. Что это?! Он лежит под каменным мостом, вместо подушки — камень. Укрыт он старой рогожкой, а одежда его засунута между опорами моста. Да еще в нос ударяет мерзкий запах!

Всходило солнце. На улице появились люди. Вдруг две телеги, нагруженные дровами, с грохотом въехали на мост. Студент испугался и как помешанный бросился прочь от этого места! Только через несколько дней Чхэ кое-как пришел в себя. Однако покоя он не находил и страстно хотел снова встретить ту женщину. «Это чары злого духа», — догадалась его семья и позвала шамана, который прочел заклинание. Затем попросили лекаря сделать студенту прижигание, перепробовали все и еле-еле сняли с него чары.

А мост, под которым проснулся Чхэ, был Тхэпхёнгё, что находится в нижнем течении реки Кэчхон, в самом центре Сеула. Об этом случае со студентом люди подробно рассказали Тхэджё.

— Увы! Подобное случается, — вздохнув, молвил Тхэджё. — Это злой дух в образе женщины соблазнял

человека. Уродливость он являет как красоту, ложь выдает за правду, зловоние — за аромат, грязную путошь — за великолепный дворец. Всячески стремится он застлать человеку глаза, смутить его душу, пробудить похоть. А не имея твердого характера, разве устоишь против его соблазнов?

Если бы даже со студентом, когда он встретил красавицу и влюбился в нее, был рядом человек, который объяснил бы ему, в чем дело, он все равно не поверил бы. А если бы ему захотели помочь против его воли, он рассердился бы и даже мог причинить зло при помощи нечистой силы.

Тогда над мостом был, конечно, не гром, а грохот, сопровождавший превращение злого духа. Однако под небом немало и людей вредных и лживых, не лучше злых духов в образе женщин. А разве мало таких, которые поддаются соблазнам? Поэтому нужно не только освобождать людей от бесовского наваждения и не позволять демонам разных мастей безобразничать среди бела дня, но и не допускать до соблазна таких студентов, как Чхэ, которых много на свете.

Спас девушку

Была в провинции Чхунчхондо одна заброшенная кумирня.

Постепенно она превратилась в руины. Какой-то старый монах решил починить кумирню и провел там однажды целый день, осматривая ее со всех сторон и прикидывая, сколько понадобится труда и материалов.

Место здесь было глухое. Уже смеркалось, и монаху пришлось остаться на ночь в пустой кумирне. Наступила полночь, в горах было тихо, светила луна и мерца-

ли звезды. Вдруг какой-то мохнатый зверь, держа что-то в зубах, перемахнул через ограду и положил свою ношу посреди двора. Отодвинувшись немного, он сел, съежившись и искоса поглядывая на принесенный им предмет. Затем вытянул хвост, подполз к нему и обнюхал. И вдруг, вскочив на ноги, принялся то носиться вокруг, то лениво кружить около, то перепрыгивать через этот предмет. Он будто забавлялся им, будто любовался. Играл с ним, как ворон с крысой!

Монах, наблюдавший за зверем в оконную щель, догадался, что это был большой тигр, который утащил человека. Тогда он быстро сорвал оконную раму и швырнул ее в тигра. В пустынной горной лощине раздался грохот, будто грянул гром. Тигр испуганно отпрянул и исчез. Вокруг было тихо. Монах спустился во двор, стал разглядывать и ощупывать лежащего перед ним человека. Оказалось, что это была молоденькая девушка, лет шестнадцати. Она уже не дышала, но на теле раи не было. Монах подумал, что девушку, пожалуй, еще можно спасти. Он внес ее в помещение и положил на пол. Затем расстегнул на себе и на девушке одежду, прижался грудью к груди и стал согревать, стараясь вдохнуть в нее жизнь. В таком положении они пробыли с рассвета до полудня. Мало-помалу тепло стало возвращаться в тело девушки, а на закате солнца она уже дышала. Монах радовался от всей души. Он напоил ее рисовым отваром и принялся лечить всеми средствами.

Через несколько дней девушка пришла в себя, рассказала, откуда она и чья родом. Оказалось, что дом ее находится в провинции Чолладо — более чем за сто ли от этой кумирни. Тигр унес ее вечером, прямо со свадьбы, а сюда притащил около полуночи. Можно себе представить, как быстро он бежал!

Монах привел девушку в ее деревню, оставил у околицы, а сам, под видом нищего, постучался к ней в дом. А там уже пригласили шаманку, чтобы призвать душу девушки, которую считали погибшей. Шаманка печально пробормотала, что душа умершей девушки уже здесь и ведет себя так, будто ищет свое тело. Значит, объявила она, девушка была съедена тигром! Родители и родственники девушки огласили дом горестными воплями.

А в это время девушка тихонько вошла в ворота. Родители сначала даже не узнали ее. Не сразу поняли, что это их родная дочь. А затем со слезами бросились к ней, стали обнимать и ласкать ее. Уж потом только услышали от нее все подробности. Много и горячо благодарили они монаха за спасение дочери. Девушка оказалась из хорошей семьи. Вести хозяйство ей не приходилось. Она, как говорится, не тратила время на колодец и ступку. Люди в округе восхищались ее красотой и благовоспитанностью.

Монах спас ее потому, что усердно лечил, потому что был добр и чист душой. Он не постыдился прижаться к голой груди девушки. Должно сказать, что такой монах был поистине милосерден и, освободившись от мирских страстей, свято исполнял буддийские заповеди.

Женитьба Пхунсана

У правителя уезда Пиан родился сын-уродец. Имя ему дали Пхунсан. Ростом он был так мал — ну, просто карлик, что выступает на представлениях квандэ! И хотя правитель Пиана был королевского рода Ли, где бы он ни сватал девушку для сына, неизменно получал отказ.

Он не мог женить сына обычным путем и однажды устроил помолвку с девушкой из некой семьи обманом. Обрядив Пхунсана в костюм жениха, отец отправил его в дом невесты со свадебными подарками. Там обман, конечно, обнаружили и хотели было прогнать Пхунсана. Но тот сразу же снял свое жениховское платье и твердо решил не уходить.

В доме невесты ломали головы, как бы снова заставить его надеть свадебный наряд и выставить вон. Собралась вся семья. Но, как ни старались, ничего придумать не могли. И вот один родич-хитрец стал вдруг хвалить Пхунсана, что он-де человек

благовоспитанный и порядочный, сын янбани и знает правила этикета. Смутив этими похвалами наивную душу Пхунсана, родич привел его на женскую половину дома.

— Экое счастье семье привалило, — сказал он Пхунсану, — такого прекрасного зятя заполучили! Но вот какое дело. Бабушке нашей восемьдесят лет. Солнце ее жизни садится уж за горы на западе. Не много дней осталось ей пользоваться всеобщим почтением. Как раз в то время, когда ты пришел и вся семья восхищалась твоим видом и манерами, бабушка выходила по своей надобности. И только она одна, к сожалению, не видела твоего великолепия. Не наденешь ли ты для нее снова то платье, в котором пришел?

Юный карлик от неожиданных похвал так возгордился и обрадовался, что тут же снова облачился в свой жениховский наряд. Тогда, не теряя времени, один здоровяк посадил Пхунсана себе на плечи, вынес его со двора и сбросил на большой дороге. Затем крепко запер ворота. Обратно Пхунсана уже не впустили.

Карлику ничего не оставалось делать, как темной ночью возвращаться к себе домой. Усталый, он подошел к своим воротам. Старый слуга шил в людской, прибавив огонь в светильнике.

— Вот настал день, — бормотал он себе под нос, — когда и господин Пхунсан оженился!

— Я пришел обратно, — прерывающимся голосом сказал карлик, услышав под окном эти слова.

Старый слуга вышел со свечой за ворота и видит: да это же сам Пхунсан!

Поэтому теперь, если какое-нибудь дело не удастся, люди говорят: «Это как женитьба Пхунсана!».

Остался в дураках

В южной школе был один сонби. Всякий раз, как встречал он какого-нибудь студента, прибывшего учиться из провинции, презрительно обзывал его пхосоном.

И вот встретил он однажды некоего студента из Хапсана, который только что поступил в школу.

— Эй, пхосон! Ты откуда взялся? — спросил у него сонби.

А студент вдруг поспешно распростерся на земле перед ним и воскликнул:

— Ой, что вы говорите? Я этого не вынесу!

— А что ты так удивляешься? Почему не вынесешь-то? — спросил сонби.

— Да ведь у нас в деревне, — ответил студент, — внебрачные дети так называли своих отцов!

Сонби стало так стыдно, что он убежал.

Я и сам не знаю толком значения слова «пхосон». Пожалуй, это жаргонное словечко, которым дразнят провинциальных студентов.

На переправе Пённандо

Когда лодка пересекает реку на переправе Пённандо, ее трясет на жестоких волнах, будто корзину для веяния риса, и, кажется, она вот-вот перевернется. Однажды в лодке раздались испуганные голоса:

— О всемогущий Будда! — закричал монах.

— Изыди, изыди, нечистый! — завопил слепец.

— Да здравствует король! — пропищала гадалка.

— Лиджунтан, лиджунтан! — забормотал китайский лекарь.

Лодка, к счастью, не потерпела крушения и благополучно пристала к противоположному берегу. Какой-то сонби на берегу спросил:

— Ну, монах, слепец и гадалка прокричали то, что они кричат всегда, когда чего-нибудь просят. Но почему китайский лекарь воскликнул «лиджунтан»?

— Да потому, — ответил сам лекарь, — что лиджунтан — лучшее средство при поносе!

Проняла-таки лодка живот человеческий! Все, кто слышал это, схватились за животы и принялись хохотать.

Две жены Юнсона

Хон Юнсон был назначен главнокомандующим в Хонам. И вот прослышал он, что в Чонджу у некоего богатого и знатного горожанина — три дочери-красавицы. Юнсон сразу загорелся желанием сделать одну из них своей наложницей и написал об этом губернатору Хонама. Правитель Чонджу, узнав от губернатора о замысле Юнсона, приказал приготовить для него помещение в своем доме. Затем губернатор и правитель уезда вызвали отца девушек и, сообщив ему о письме Хон Юнсона, сказали:

— Если ты откажешь ему, твоя семья лишится состояния и погибнет. Да и нам не поздоровится. Живо возвращайся домой и приготовь все для брачной церемонии!

Горожанину ничего не оставалось делать, и он ушел.

— Вот нарожали дочерей, — плакали они с женой, — а теперь от них семье только вред один.

Младшая дочь спросила, о чем они так тужат. Но отец ответил, что это, мол, не ее ума дело.

— Если дело касается всей семьи, — возразила девушка, — то почему же сыновья и дочери не должны о нем знать?

И тогда отец с горечью рассказал ей, что случилось.

— Так это же легко уладить, — сказала дочь. — Я знаю, что ответить Хон Юнсону. Пожалуйста, не тревожьтесь!

К приходу Юнсона девушка надела свои лучшие украшения и встала у внутренних ворот. Вошел Юнсон, одетый в военные доспехи. Девушка приветствовала его, сложив руки. Глянул Юнсон — ну и красавица!

— Вы, князь, — с поклоном сказала она, — были министром, а теперь вот стали главнокомандующим. Но и я происхожу из семьи, очень уважаемой в уезде. Слышала, будто хотите сделать меня своей наложницей. Разве это не унижительно для меня? Другое дело — стать вашей женой. Тут бы я не задумалась. А наложницей не стану, хоть убейте! Не захотите же вы стать виновником моей смерти?

— Чисто женские речи! — засмеялся Юнсон и с поклоном удалился.

Вскоре он отправил секретное письмо Кванмё, в котором говорилось: «У меня, вашего верного слуги, жена очень глупая и жадная. Давно уже хотелось бы ее заменить. А ныне прибыл в Чонджу, встретил девушку умную и красивую. Прошу позволения взять ее в жены. Почтительно жду решения вашего величества». Государь ответил: «Поступай как хочешь. Почему ты непременно должен спрашивать у меня?».

Юнсон подготовился к брачной церемонии и женился.

После смерти Юнсона первая и вторая жены стали спорить, кто — законная жена, кто — наложница, и долго не могли разобраться.

— Однажды, — заявила как-то вторая жена, — прежний государь во время высочайшего выезда остановился в нашем доме и велел мне принести вина. В Королевской канцелярии непременно имеется подневная запись, и там, конечно, сказано, что вино приносила именно супруга! Разве там речь идет о наложнице?

Она просила показать ей этот документ, и там действительно было написано: «В такой-то год, луну и день государь во время высочайшего выезда остановился в доме Хон Юнсона, где был устроен прием, и во время угощения государь велел послать супругу Юнсона за вином».

Так было и доложено здравствующему королю. Король повелел: «Вторую жену считать законной!».

Рассказ об этом я слышал от посыльного южного гарнизона Син Нипа.

Девичья честь

Во время правления Сонмё один придворный женился вторым браком на дочери некоего сановника.

— Невеста оказалась не девственницей! — три дня спустя доложил он королю и просил разрешения прогнать ее.

Сонмё, однако, усомнился и приказал старой лекарке осмотреть девушку.

— Раздела девицу, осмотрела ее, — доложила лекарка. — Золотое девство у нее не нарушено, куриный глазок должным образом цельный. За это ручаюсь!

Сонмё остался глубоко удовлетворен, богато одарил старуху и повелел:

— Так вот. Мужу и жене жить вместе. Что же касается виноватого, то девушка очень молода, а мужчина был пьян и не разобрал, что к чему!

Как хорошо, что Сонмё усомнился в словах придворного и призвал лекарку: семья девушки избежала дурной славы!

Опозорился

Сок Кёниль служил гражданским чиновником в Рённаме. Это был человек недалекий и простоватый. С детства он ушел с головой в учение. Решил каждый день выучивать по сотне иероглифов и прекращал занятия только после того, как повторит их тысячу раз. Так провел Кёниль более десяти лет. Иероглиф за иероглифом прошел он от начала до конца «Сышу» и «Саньцзин», свободно мог прочесть их и понять. В результате он выдержал экзамен по древней китайской литературе. Успешно продвигаясь по службе, Кёниль вскоре стал секретарем в школе Конфуция и одновременно занимал должность учителя.

Однажды на рассвете убежала его лошадь. Кёниль испуганно вскочил с постели. Лошадь надо было быстро поймать. Впопыхах он набросил на голое тело женскую лиловую накидку, нахлобучил на голову ночной чепец своей наложницы и помчался вдогонку за лошадыю. А лошадь прискакала на школьный двор.

Когда Кёниль добежал до школы, уже совсем рассвело. В таком виде он не мог ни войти в школу, ни вернуться домой. Его ждал позор. В замешательстве стоял Кёниль перед воротами, как вдруг вышел школьный писарь. Глянул он — да это учитель Сок!

— Господин чинса, — воскликнул писарь, пораженный непристойным видом Кёниля, — да что же это такое! Среда бела-то дня! Люди ведь смеяться будут. Извольте подождать немного, я принесу из дома чиновничье платье, и вы сможете вернуться к себе!

И Кёниль остался на улице в женской накидке и ночном чепце, даже без штанов и босой. Помереть со стыда можно! «О! О!» — стонал он, не подымая глаз. А его уже окружили зеваки. «Сумасшедший! Сумасшедший!» — кричали они и показывали на него пальцами.

Наконец явился писарь, обрядил Кёниля в чиновничью одежду и отправил домой. Об этом случае, конечно, узнали все школьные сонби. Они стали всюду о нем рассказывать, рисовать Кёниля в непристойном виде, сделали его посмешищем. И карьера его была испорчена.

Гнев Будды

Ха Гёнчхон происходил из семьи, не имевшей ни должностей, ни большого достатка. Однако был он силен духом, во всяком деле проявлял смелость и упорство. Гёнчхон дружил с ныне уже покойным Сон Гу. Они выросли в одной деревне. Когда дед Сон Гу был назначен правителем в Анджу, он взял с собой и его и Гёнчхона. Вскоре юноши отправились в Нёнбён для обучения в буддийском храме. В этом большом и зна-

менитом в провинции Квансо храме было очень много монахов.

У одного нёнбёнского чиновника из управы, несметно богатого, не было сына. Решив сына вымолить, он объявил, что намерен произвести большое моление перед Буддой и сделать богатые жертвоприношения. Все монахи провинции — мужчины и женщины, старые и молодые, даже из соседних уездов, — услышав эту новость, захотели во что бы то ни стало полюбоваться великим зрелищем. Наперегонки устремились они к месту моления. Вся округа была наводнена людьми.

Настала ночь, когда должно было совершиться моление. Делались последние приготовления. И вот Гёнчхон, этот юнец, взял да и спрятался под изваянием Будды. Когда совсем стемнело и стихли человеческие шаги, он осторожно вышел из своего убежища, исцарапал и изрезал ножом лицо Будды, выковырял ему глаза. Затем вернулся к себе и, как ни в чем не бывало, лег спать. Сон Гу был рядом, но даже он ничего не заметил.

Была, пожалуй, уж полночь. Молельщик и монахи хлопотали вовсю. Они совершили омовение и переоделись. Вот уж звон колокола и песнь «Хвала Будде» сотрясли горную долину. Ярко запылали факелы и свечи. Стало светло, как в полдень! И тут все увидели изваяние Будды. Изрезанное, изуродованное, вид оно имело ужасный. Уши, глаза, рот и нос были обезображены, на туловище зияли дыры. Торчал лишь бесформенный ком глины, глядя на который, невозможно было понять, что это такое!

Монахи переглянулись и зарыдали от страха. У супругов-молельщиков перехватило дыхание. Они тоже горько рыдали, не в силах уразуметь, что случилось.

— Большая беда для храма, — сказал старый монах. — Ясно, что это сделал разгневанный Будда!

Монахи посетовали, что супруги-молельщики зря потратились на такие богатые жертвоприношения, убрали изображение Будды и моление отменили совсем.

Более десяти лун прожили юноши в Анджу, а Гёнчхон не сказал даже Сон Гу о своем поступке. Рассказал он ему об этом, только когда они отправились в Сеул. Вот каковы были его смелость и выдержка!

Змей монастыря Хваджанса

В большой скале за храмом Хваджанса была пещера. Никто не знал ее глубины. В пасмурные дни из пещеры вырывались клубы синего пара и медленно таяли в воздухе. По словам старых монахов, то дышал большой змей, свернувшийся в глубине пещеры. Сначала люди им не верили. Но однажды, когда кончился затяжной дождь и всюю палили горячие лучи солнца, из пещеры осторожно высунуло голову какое-то существо и стало осматриваться. По виду голова напоминала конячью, но была покрыта поблескивающей чешуей. К пещере слетелись сороки и другие птицы. Кружа в воздухе, они подняли гвалт. Перенуганные монахи не решались подойти поближе и рассмотреть это странное существо. И только когда из пасти этого необычайного создания высунулся тонкий извивающийся язык, все поняли, что это огромный змей!

С тех пор монахи, заболевшие лихорадкой, подавив страх, стали подходить к пещере. Удивительно, что, посидев немного у входа в пещеру, они выздоравливали. И люди поверили, что этот змей — чудотворный. Новость распространялась все шире, доверчивые жители из ближних и дальних мест приходили сюда вымали-

вать исцеление. Всегда приносили они с собой хлеб и хорошую еду. Били в барабан, змей выползал и все съедал. Для людей это стало обычным делом. Так прошло лет пятьдесят.

И вот как-то раз манхо Пак из Чандана проезжал это место на своем резвом скакуне. Он увидел одну деревенскую старушку с больным ребенком на руках, которая поклонялась змею. Змей высунул голову и сожрал принесенную ему еду. Манхо Пак очень удивился, почувствовал отвращение. Он выхватил стрелу с белым оперением, прицелился в голову змея, выстрелил и убил его. Монахи страшно перепугались. Они подошли к мертвому змею, стали в растерянности ему кланяться. А манхо, ничуть даже и в лице не переменившись, вскочил на коня, взмахнул плетью и усакаал. Так искоренил он зло в храме Хваджанса.

Прошло после того более десятка лет. Манхо Пак, послужив во многих уездах и состарившись, возвращался домой с несколькими своими односельчанами. По пути он снова заехал в храм Хваджанса. Седые волосы его развевались, вид он имел величавый. Приглядевшись к Паку, монахи спросили у его слуг:

— Этот старец не тот ли самый манхо, который когда-то убил змея?

И, услышав в ответ, что это он самый, монахи переглянулись. Они с жаром заговорили о нем, восхищаясь его былым подвигом.

— Около этого храма, — сказал манхо, оглядев сидящих людей, — некогда жил прожорливый змей. Я убил его с одного выстрела. Монахи думали, что со мной непременно стрясется беда. Но я жив-здоров и чины имею большие. Разве может такое ничтожное существо, как змей, давать человеку счастье или несчастье? Наоборот, как видите, счастлив тот, кто убил

вредного змея. А страх глупых монахов был поистине смешон!

Все — и гости и монахи — с одобрением слушали его. Кто такой был манхо Пак, какова его история — неизвестно. Но был он, конечно, человеком многомудрым и выдающимся. Он не поддавался суевериям своего времени. Слышал я, что сыновья и внуки его процветают, что сейчас у них большие семьи.

Голый чедок в сундуке

Был в недавние годы один человек из гражданских чинов, которого назначили чедоком в Кёнджу. Всякий раз, когда он отправлялся в свою округу и ему встречалась кисэн, он презрительно восклицал:

— Эй, ты! Бесовское отродье, исчадие ада! Таких, как ты, и близко-то к себе подпускать нельзя. А те, кто любит вас, и не дети человеческие вовсе!

При этом он непременно постукивал кисэн трубкой по голове. Было так не раз и не два. Его возненавидели не только все кисэн, но и сам губернатор терпеть его не мог. Собрал он как-то нескольких кисэн и сказал:

— Ах, если бы которая-нибудь из вас смогла проучить этого человека. Право, не пожалел бы я для нее хорошего подарка!

И одна молоденькая, прелестная кисэн вызвалась сделать это. Чедок поселился с мальчишкой-посыльным в помещении храма Конфуция. И вот стала к ним навещаться та молоденькая кисэн, переодетая в

деревенское платье. Подойдет к воротам храма и, будто украдкой, вызывает мальчика-посыльного. То незаметно войдет, то только заглянет в ворота. А сама старается привлечь внимание чедока. Выйдет посыльный — она начинает о чем-то шептаться с ним, кокетливо улыбается. Она приходила каждый день, иногда по два раза. Так продолжалось несколько дней.

— Эй, что это за женщина? — спросил чедок у мальчика. — Приходит каждый день и зачем-то тебя вызывает!

— Она моя сестра, — ответил тот. — Муж ее вот уж год как уехал по торговым делам и не возвращается. Живет она совсем одна и каждый день просит меня присмотреть за домом, когда ей надо куда-нибудь отлучиться.

Вот однажды вечером мальчик куда-то ушел, а чедок сидел один в пустой комнате для занятий. Молодая женщина пришла опять. Прислонившись к воротам, она несколько раз окликнула посыльного. И тут чедок пригласил ее войти. Сделав вид, что стесняется, женщина поколебалась немного и все-таки вошла.

— Мальчишки как раз нет, — повел чедок такую речь. — Я выкурю трубку, а ты принеси-ка жаровню. Подойди сюда, сядь, — продолжал он, когда женщина принесла жаровню, — выкуришь и ты одну трубочку.

— Осмелюсь ли я, ничтожная?

— Никто ведь не увидит. Да и что ж тут особенного? Ну-ка, живо иди сюда!

Снова сделав вид, что не смеет послушаться чедока, женщина подошла и села. Чедок заставил ее выкурить трубку.

— Много видел я красивых женщин, — дружелюбно сказал чедок, — но такую красавицу встретил впервые. Как увидел тебя однажды, потерял аппетит и сон. Ду-

маю только о тебе. Легко ли это? Вот было бы недурно, если бы ты пришла ко мне потихоньку ночью. Сильно я здесь один, и никто не узнает.

— Да как же это можно?! — притворно испугалась женщина. — Вы — начальник, благородный янбань, а я — презренная простолюдинка. Да и как вы могли сказать такое? Вы надо мной насмехаетесь!

— Да нет же, нет! Говорю тебе от чистого сердца. Какая же тут насмешка?! — нетерпеливо воскликнул чедок и даже поклялся, что не лжет.

— Сказать по правде, я сама влюблена сильно. Да и приказа послушаться не смею...

— Встреча с тобой — это счастливая судьба! — радостно воскликнул чедок.

— Одно только меня смущает. Это помещение находится в храме Конфуция и считается священным. Ведь непристойно здесь спать с женщиной. Не решусь я прийти сюда!

— Ого! — хлопнул себя по коленкам чедок. — Для деревенской женщины ты рассуждаешь совсем не глупо. Это верно. Но как же нам устроиться?

— Вы, начальник, ведь уже сказали мне о своем желании. Я вам поверила и осмелюсь предложить вот что. Мой дом всего в двух-трех шагах от ворот храма. Живу я совсем одна, и ночью вы могли бы прийти ко мне незаметно. А с братишкой я прислала бы вам простую шерстяную поддевку и шляпу. Если кто и встретит вас ночью, ни за что не узнает!

— Чудесный план! — несколько раз радостно повторил чедок. — Так и сделаем. Смотри же, не нарушай уговора! — и с тем отпустил женщину.

А кисэн и в самом деле жила в одной из лачужек недалеко от храмовых ворот. Ночью она дала мальчишке одежду и велела отнести чедоку. Тот, как было

условлено, переоделся и пришел к ней. Женщина встретила его, зажгла свечу, приготовила вино и закуски. Они сели друг против друга и, весело обмениваясь чарками, стали пить и есть. Вскоре чедок разделся, первым забрался под одеяло и позвал женщину. А та нарочно старалась оттянуть время. И вдруг за дверью кто-то заорал. Женщина испуганно прислушалась.

— Ах, вот беда! — зашептала она. — Это мой первый муж — Чхольхо. Прежде он был слугой в управе, и я, несчастная, жила с этим негодяем. Он — мерзавец, каких нет в целом свете. Он уже убил нескольких человек. Два-три года назад я едва от него отвязалась и вышла за другого. И чего это он вдруг пришел сегодня? По голосу слышно, что пьяный. Если вы здесь останетесь, он непременно оскорбит вас. Как же быть?! — Женщина быстро встала и проговорила в сторону двери: — Ну, чего ты шумишь среди ночи? Все ведь спят уже!

— Эй, баба! — вдруг опять заорали за дверью. — Ты что, не узнала мой голос? Живо отворяй!

— Да кто ты мне такой? Мы же давно с тобой разошлись. Чего безобразничаешь по ночам?!

— Ты бросила меня, мерзкая баба, — еще больше разъярился при этих словах Чхольхо, — а теперь небось спуталась с другим? Меня все время душит злоба, и сегодня я пришел поговорить с тобой!

Пнув ногой дверь, он уже входил в дом. Женщина поспешно вошла в комнату и зашептала чедоку:

— Господин начальник! Спрячьтесь где-нибудь поскорее. Ах, в моей комнате, размером с черпак, и спрятаться-то негде. Ну, вот хотя бы в этот сундук. Мне страшно! Скорее, умоляю вас!

Подгоняя чедока, кисэн подняла крышку. И тот, до смерти перепуганный, как был нагишом, залез в сун-

дук! Женщина быстро захлопнула крышку и тут же закрыла сундук на замок. С пьяным брызжанием в комнату вошел Чхольхо. Женщина сразу же набросилась на него.

— Мы с тобой разошлись три года тому назад! — закричала она. — Ну, зачем ты пришел опять и оскорбляешь меня?!

— Ты, конечно уж, спуталась с другим. Я хочу забрать платья и посуду, что купил тебе!

— На, все забирай! — закричала женщина и принялась швырять ему какие-то вещи.

— Сундук тоже мой, — вдруг говорит этот мерзавец. — Я и его заберу!

— Как это твой? Два куска материи ведь я за него отдала!

— Да один кусок был мой, дура. А раз так, я сундука не оставляю!

— Ты бросил меня, и еще из-за какого-то куска материи хочешь отобрать сундук? Да пусть я умру, а сундука не отдам!

Так ссорились они из-за этого сундука, пока Чхольхо не сказал:

— Я тебе сундук не оставляю. Придется идти жаловаться в управу!

Скоро наступил день. Чхольхо, взвалив сундук на спину, понес в управу. Вслед за ним пришла женщина, и они стали жаловаться друг на друга губернатору. Тот выслушал их и вынес такое решение:

— Муж и жена сообща купили сундук, равно истратив на него по одному куску материи. А посему закон велит: разделить сундук пополам!

И тут же он приказал разрубить сундук большими топорами на две равные части. Стражники схватили топоры, встали по обе стороны сундука и принялись

рубить. Но как только застучали топоры, из сундука донесся истошный крик:

— Не убивайте! Не убивайте человека!

— В сундуке кто-то есть, — сказал губернатор с притворным удивлением. — Живо открыть крышку!

Стражники сбили замок и, быстро откинув крышку, опрокинули сундук. Выскочил совсем голый человек и встал посреди двора. И был это не кто иной, как сам чедок! И начальники и подчиненные управы удивились еще больше. Они не могли без смеха смотреть на такое поразительное зрелище и хохотали, зажимая себе рты.

— Да это же господин чедок! — восклицали в толпе. — Как же он нагишом попал в сундук? Уму непостижимо!

По приказу губернатора голый чедок, прикрывая обеими руками низ живота и согнув спину, поднялся на возвышение. Сидя на циновке с низко опущенной головой, он выглядел жалким и убитым. Губернатор и служащие управы вдоволь над ним посмеялись, и только потом губернатор приказал принести ему одежду. Тогда кисэн, которые всегда ненавидели его, нарочно принесли ему длинное женское платье. В женском платье, с непокрытой головой, босиком прибежал чедок в храм Конфуция и в тот же день куда-то скрылся. А в Кёнджу его прозвали «Чедок в сундуке», и стал он посмешищем всего уезда.

Заупрямилась

Хан Мёнхве был заслуженным государственным чиновником первого ранга при короле Седжо. Никто из подданных короля не пользовался большей любовью и

доверием, чем он. Ну и понятно, что Хан, уповая на свои заслуги перед Седжо, чинил произвол, совершенно ни с кем не считаясь. Даже при дворе и в Трех учреждениях никто не осмеливался пожаловаться на него королю.

Когда Хан был назначен губернатором провинции Квансо, он еще более беззастенчиво стал творить беззаконие. Тех, кто противился его воле, немедленно пытали и предавали смерти. Множество людей погибало от его руки, падая, как скошенная конопля. Все трепетали перед ним, как перед тигром.

Однажды Хан услышал, что в уезде Сончхон в семье чвасу есть прелестная девушка. Хан вызвал чвасу в свою губернаторскую резиденцию и без обиняков приказал:

— Говорят, у тебя красивая дочь. Так вот, я хочу взять ее в наложницы. В ближайшее время буду объезжать провинцию, сам заеду к тебе и заберу ее. Я тебя предупредил, имей в виду!

— Моя недостойная дочь, — трепеща от страха, ответил чвасу, — жалкая замарашка. А что болтают о ее красоте, так это враки. Но раз вы изволили приказать, смею ли я послушаться?

Чвасу вернулся домой в мрачном настроении, по лицу было видно, что стряслась большая беда.

— Батюшка, — спросила дочь, — а зачем вас вызывал губернатор? Вид у вас такой печальный. Что-нибудь случилось? Скажите, что вас тревожит.

А у чвасу даже слова с языка не шли. Дочь несколько раз принималась настойчиво расспрашивать его. Наконец он глубоко вздохнул и сказал:

— Мы в самом деле попали в большую беду. Не знаю, как от нее и избавиться. Губернатор хочет сделать тебя своей наложницей. Разве это добрая весть?

Не пойдешь — непременно убьет. А пойдешь, так станут болтать по всей округе, что, мол, семье невтерпёж стало — отдали девушку в наложницы. Какое ужасное несчастье!

— Ой, батюшка! — выслушав его, рассмеялась дочь. — А я-то думала, что за беда. Да зачем вам из-за какой-то девчонки рисковать жизнью? От дочери ведь можно и отказаться. Разве должна погибать из-за меня вся семья? Не печальтесь. А если со мной что случится, значит, так уж суждено, и вам нужно смириться. Положитесь на меня!

— Ф-ф-у! — облегченно вздохнул чвасу. — После твоих слов и на душе будто полегчало.

Однако с тех пор вся семья жила в тревоге и страхе. Одна дочь была спокойна и даже посмеивалась, как ни в чем не бывало. Вскоре в Сончхой прибыл губернатор.

— Пусть дочь твоя принарядится, — вызвав чвасу, сказал он, — и ждет меня!

Вернувшись домой, чвасу занялся свадебными приготовлениями.

— Батюшка, — обратилась к нему дочь, — хоть я иду в наложницы, мне бы хотелось, чтобы и место и стол — все было приготовлено должным образом, как при настоящей свадьбе.

И чвасу устроил все, как она просила. На следующий день губернатор явился к ним домой. На нем была волосяная шляпа и простая одежда. Встречать его вышла сама девушка. Она встала перед губернатором, вместо веера прикрыв лицо мечом, который вращала обеими руками так быстро, что, казалось, голубой туман окутывал ее! Однако было видно, что и лицом и станом это поистине несравненная красавица.

Губернатор удивленно спросил, зачем она взяла меч. А девушка велела подружке передать ему такие

слова: «Я хоть и бедная провинциалка, но из либансей. А вы, уважаемый сановник, хотите сделать меня своей наложницей. Разве это не обидно? Вот если бы вы взяли меня в законные жены, по всем правилам, то всю жизнь верно служила бы я вам. А заставьте пойти наложницей — перережу себе горло вот этим мечом. Для того и взяла его. От одного слова вашей светлости зависит — жить или умереть мне, слабой женщине. Решайте же мою судьбу!».

Хан вообще-то собирался взять женщину без брачной церемонии, незаконно. Однако он был покорен ее пленительной внешностью, поражен смелостью, и сердце его переполнил восторг. Он ответил: «Какая у женщины сила духа! Вот такая-то жена мне и нужна!».

И тогда девушка передала ему: «Если вы говорите серьезно, то, надеюсь, сейчас уйдете отсюда. Составьте по всем правилам брачный договор, приготовьте гуся, шелк, сделайте другие брачные церемонии. А также обязательно наденьте чиновничью шляпу и пояс. После этого приходите, и пусть будет произведена церемония поклона и стола!».

Хан устроил церемонию по всем правилам и женился. По красоте и добродетели это была женщина, которую редко встретишь в мире. После того как Хан привел ее к себе в дом, он совершенно охладел к своим прежним жене и наложнице. А эту жеиу очень любил, делил с ней и постель и стол.

Каждый раз, когда новая жена видела, что поступки Хана неправильны или недостойны его, она осторожно поправляла мужа, и он ее слушался. Добрая слава о ней разнеслась далеко по свету. Однако вела она себя как единственная законная жена. Первая жена стала относиться к ней с неприязнью. Вся семья и близкие родственники тоже не признавали ее законной женой.

Король Седжо во время своих тайных выездов часто останавливался в доме Хана. Хан обычно устраивал для него угощение. Он встречал короля, а чашу с вином подносила ему вторая жена. Поэтому Седжо, будучи уже хорошо знаком с этой женщиной, называл ее тетушкой.

Однажды Седжо явился, как всегда пил вино и весело проводил время. А женщина вдруг спустилась во двор и почтительно склонилась перед ним до земли.

— Что это с вами, тетушка? — удивленно спросил Седжо. — Зачем вы так?

И женщина подробно рассказала о том, как она стала женой Хана. Плача, горько сетовала она на свою судьбу:

— Я ведь не простолюдинка, хоть и бедного рода. Супруг мой совершил брачную церемонию и обязался считать меня законной женой. Он не должен превращать меня в наложницу. Только потому, что в нашей стране нет закона брать вторую жену, люди придумали название — наложница. Разве это не обидно? Умоляю ваше величество хорошенько разобраться в этом деле! — горячо просила она, не переставая кланяться.

— Твое дело правое! — выслушав ее, неудержимо расхохотался Седжо. — Только зачем же ты лежишь на земле и так убиваешься? Вот я сейчас все улажу. Быстро поднимись сюда!

И король тут же, не сходя с места, написал такую бумагу: «Повелеваю эту женщину считать законной женой, а сыновьям ее и внукам предоставить возможность занимать высокие должности. Впредь не чинить им препятствий». Крепив это своей королевской печатью, он передал бумагу ей.

С тех пор она окончательно утвердилась как законная жена и, наравне с первой женой, была возведена

в звание ее мужа. И не было человека, который осмелился бы сказать хоть что-нибудь против. Говорят, что ее сыновья и внуки держали экзамены и, проходя по доброму чиновничьему пути, не встречали ни малейших помех.

Довкая выдумка

Распутство короля Ёнсана росло день ото дня. Ничего подобного не видано было с древности. К примеру сказать, он подсылал евнухов и дворцовых слуг к женам сановников. И если ему сообщали, что женщина хороша собой, он тут же приглашал ее во дворец и без стеснения разглядывал, будь она даже из семьи первого министра или высшего чиновника. Затем начинал вести себя как животное. Если женщина сопротивлялась, он грубо насиловал ее. А уклониться от его приглашения не было никакой возможности.

Он обнаглел до того, что открыто заявил однажды, будто жене старого министра Пак Суный так понравились его объятия, что она изъявила желание жить во дворце. Об этом узнали в Чонвоне, и сплетня, которую уже нельзя было пресечь, распространилась повсюду, вызывая страх и всеобщее негодование. Если маломальски привлекательную женщину неожиданно вызывали во дворец, она испытывала ужас и смятение, а народ возмущался все больше. Вот до чего упала добродетель государя! И в результате произошел переворот Чунджона.

В те времена жена одного известного молодого санбю по красоте не имела себе равных. И вот однажды ей передали приказ явиться во дворец. Обычно женщины, когда их вызывали, очень пугались, плакали и кричали,

будто шли на смерть. А жена сонби была спокойна. Она не проявила ни страха, ни растерянности. Согласно этикету, она красиво подкрасилась и причесалась, надела новое платье и предстала перед Ёнсаном.

Ёнсану она сразу понравилась, и, обрадованный, он велел ей подойти поближе. Но что это? Как только прелестная, нарядная женщина приблизилась, в нос ему ударила такая вонь, что он чуть не задохнулся!

— Фу! Мерзость! — закричал Ёнсан, плюясь и прикрывая нос веером. — Да эту бабу и близко подпустить нельзя. Сию же минуту гоните ее вон отсюда! — приказал он приближенным.

Так и не удалось ему осквернить эту женщину, избежала она позора. А было вот как. Заранее зная, что ее вызовут во дворец, она взяла да и сгноила два куска мяса. А перед уходом из дома засунула по куску себе под мышки. Потому-то от нее и исходило такое злое воние.

Все ее родственники и односельчане были в восхищении от такой ловкой выдумки, которая, как говорится, не обошлась без помощи Неба.

Решительная Лю

 Начальник Ведомства Юн Гап в шестьдесят лет, будучи уже дедом, решил взять¹ в наложницы девушку из семьи Лю в Ёнине. В назначенный день Юн прибыл в деревню, где проживали Лю. А девица Лю передала ему со слугой такие слова: «Я всего лишь недостойная женщина из бедной семьи. И, конечно, испортить вам поездку — большая подлость с моей стороны. Разве вы, пожилой человек, не измучились в дальней дороге? Мне и стыдно и страшно, но все же я скажу вот что. Дом наш хотя и беден, однако мы янбани. И если я однажды стану наложницей, то уж на веки вечные не смогу освободиться от этого звания. Потом пойдут дети и внуки, у которых не будет никаких прав. К тому же из-за меня, непочтительной дочери, будут опорочены даже ворота родного дома. Как подумаю об этом, горько становится. А вы, ваша светлость, дослужились до министра и уже в почтенном возрасте. Если немного и пострадаете из-за моего

отказа, честь ваша большого ущерба не понесет. Войдите вы в положение глупой женщины! Вот если бы вы решились, совершив надлежащую церемонию, взять меня в законные жены, то это лишь прибавило бы славы вашему роду. Хотя слова мои, идущие к вам из девичьей, и очень дерзки, однако, невзирая на стыд и страх, смею надеяться на осуществление моей заветной мечты».

Когда начальнику Ведомства передали это, он подумал: «Она рассудила очень разумно. Почему бы не сделать, как она хочет?». Тут же написал он и отправил брачное письмо. Затем, облачившись в чиновничье платье, велел приготовить свадебный столик. Словом проделал все, как полагается.

Однако, переспав одну ночь с молодой женой и снова все хорошенько обдумав, Юн почувствовал на душе тяжесть, радость от нового брака вдруг исчезла. Тогда он тут же возвратился в Сеул и пропал, не подавая о себе никаких вестей.

— Если бы ты сразу согласилась стать его наложницей, — стали укорять свою дочь супруги Лю, — такой беды не приключилось бы. Из-за своей дерзости ты испортила себе всю жизнь. На кого ж теперь пенять?

Так попрекали они ее постоянно. Прошел год. И вот дочь попросила родителей собрать ее к переезду в дом мужа.

— Юн же совсем не любит тебя. С каким лицом ты к нему явишься? — отговаривали ее родители.

— Ну и пусть не любит, — ответила дочь. — Но раз уж я стала его женой, то перееду к нему, даже если мне придется умереть. Надеюсь, вы дадите мне несколько слуг.

Тщательно собравшись в дорогу, госпожа Лю прибыла в Сеул и подъехала к дому Юна. На вопрос слуг

Юна: «Кто эта госпожа?», слуги Лю ответили, что прибыла новая супруга начальника Ведомства. Слуги Юна удивленно переглянулись и не пожелали встречать ее. Тогда госпожа Лю приказала своим слугам освободить одну комнату в помещении для прислуги, высадилась из паланкина и вошла в дом.

В ту пору старший сын Юна, чипхён, уже умер, второго, сынджи, и третьего, кёри, не было дома. Госпожа Лю распорядилась немедленно прислать к ней сыновей Юна, как только они вернутся. Через некоторое время пришли сыновья. Заметив у ворот паланкин, лошадь и шумевших слуг, они спросили, в чем дело. Им доложили, что из Ёнина прибыла новая супруга их батюшки. Они хотели было сначала пройти к отцу в саран и справиться у него самого, но тут им сказали, что вас, мол, зовет госпожа Лю. Старший сын не обратил на это никакого внимания. Тогда Лю приказала своему слуге схватить его и привести к ней. Попав в такую неожиданную переделку, растерянный и недоумевающий, старший сын покорно пошел к госпоже Лю. Слуга вывел его во внешний двор, заставил снять шляпу и поклониться госпоже Лю. А Лю сидела, опершись на подоконник.

— Род мой хотя и ниже вашего, — строгим голосом сказала она, — однако батюшка твой произвел шесть обрядов, сделал меня своей законной женой. И вам я теперь мать. Ваша родная мать живет менее чем в ста ли отсюда, а вы за целый год ни разу не навестили ее, не подали никакой весточки. Ваш батюшка уже переменял свое отношение ко мне. А как встречаете меня вы? Разве порядочные люди так поступают? Просто поразительно! Вы ведь знали, что я приехала и сижу здесь. Но вместо того чтобы раньше поздороваться со мной, вы помчались прямо в саран!

Выслушав эти справедливые упреки госпожи Лю, старший сын почтительно склонил голову и признал себя виноватым.

— В порыве гнева я хотела наказать вас палками, — продолжала Лю, — по оба вы являетесь слугами государя, высокими придворными чиновниками. Могла ли я побить вас? На этот раз прощаю. Встань, надень шляпу и войди в комнату!

Так она сказала, позволила подойти к себе ближе, участливо расспросила о здоровье Юна, о том, как он ест, как спит. И братьям пришлось по душе, что она говорит так дружелюбно, так заботливо обо всем расспрашивает.

А Юн велел своим слугам подглядывать и немедленно сообщать ему, как ведет себя госпожа Лю, водворившаяся в людской. Когда ему передали, что его старший сын по приказу Лю насильно приведен к ней, он очень разгневался.

— Деревенская баба! Будто она смеет здесь распоряжаться. Нашла тоже повод для скандала. Да что, она всю семью нашу опозорить решила? Ах, мерзкая баба! — сокрушенно вздыхал он.

Но когда ему доложили, что Лю бранит его сыновей, что в ее словах есть здравый смысл — она требует соблюдения долга и справедливости, Юн хлопнул себя по коленям:

— Ну вот! А я-то бросил такую добродетельную супругу. Как дурно я с ней обошелся. О, позднее раскаяние!

Он тут же велел чисто прибрать женскую половину дома и сам ввел туда госпожу Лю. А потом заставил всю семью — старых и молодых — почтительно приветствовать ее.

Их супружеская любовь была крепка, семья жила в полном согласии. А госпожа Лю и домашнее хозяйство вела очень хорошо. Она родила двоих сыновей. Старший — Чинн — стал начальником Военного ведомства, сын младшего сына — Чигёна, ее внук Ён, также дослужился до начальника Ведомства.

Удивительная судьба

Во времена правления короля Ёнсана у помощника начальника Ведомства Мэге Чо Ви уже в старости родился сын. Когда ребенку едва исполнилось четыре-пять лет, бездарное и жестокое правление Ёнсана, день ото дня становясь все более хаотическим, ввергло народ в глубокую нищету и бедствия. Но короля это не тревожило. Тогда Чо Ви, хорошо понимая, что рискует жизнью, решил все-таки его образумить.

Беспокоило Чо Ви только то, что не на кого оставить ребенка. А тут как раз навестил его один монах с горы Пукхансан, с которым он давно дружил. Чо Ви радостно встретил его и, тайно поведав о своем замысле, попросил взять сына на воспитание. И монах, вполне разделяя его возмущение правлением Ёнсана, к счастью, согласился.

Чо Ви дал монаху большой сверток, в котором было много денег, золотых вещей и шелка. А когда он посадил сына ему на спину, мать сунула мальчику в карман пару яшмовых перстней, наказав бережно хранить их. И со слезами на глазах тайком проводили они сына.

После этого кон Чо составил послание Ёнсану, в котором открыто осудил его. Ёнсану это, конечно, пришлось не по праву. Сильно разгневавшись, он приказал избить Чо Ви палками и отправить в изгнание в Ёйджу.

Что Ви умер, так и не возвратившись из ссылки, а супругу его отослали в Чеджу простой служанкой в управу.

Монах, взявший ребенка, добросовестно воспитывал его при храме, обучал грамоте. У мальчика был проницательный ум и доброе сердце. Когда ему исполнилось лет тринадцать-четырнадцать, он стал просить монаха разыскать его родителей. И тогда монах рассказал ему все, как было. Потрясенный горем, мальчик попросил показать ему хотя бы место, где жили его родители. Монах сказал, что на том месте уже болото и от дома ничего не осталось, но мальчик снова и снова просил его. В конце концов монах привел его в город и указал на развалины дома. Горько плакал мальчик, ударяя себя в грудь кулаками. Как ни старался монах, утешить его не мог. Наконец монаху это надоело. «Ну что смотреть, как он плачет? Пойду-ка я!» — подумал он и укрылся в каком-то кабачке.

Поплакав, лежа на земле, немного времени, мальчик поднялся и увидел, что монах исчез. Он попытался сам найти обратную дорогу, но не знал даже, в какую сторону идти. А тут еще стало смеркаться. Отчаявшись, он пошел наугад. И вот в одном месте до него отчетливо донесся чистый женский голос: кто-то читал книгу. Он прошел еще немного вперед, на голос. Заметив в маленьком садике флигель, подошел прямо к нему и заглянул в окно. Там одиноко сидела девочка и читала при свечнике «Правила поведения в семье». Лет ей на вид четырнадцать-пятнадцать и красива, как фея! Мальчик сразу в нее влюбился. Он незаметно бросил в окно один из яшмовых перстней, всегда хранившихся у него в кармане.

Девочка крикнула служанку и выглянула в окно. Но мальчик уже успел спрятаться в саду. Затем вышел

на улицу, разыскал монаха, и они возвратились в монастырь.

«Откуда это вдруг тихой ночью ко мне упал яшмовый перстень? — подумала девочка. — Ясно, что это по воле Неба. Спрячу-ка я его хорошенько!» А была она дочерью начальника королевской канцелярии Чхое Бу. Кони Чхое тоже погиб за правду, сказанную Ёнсану. Дочь его приютил двоюродный брат, проживавший в Муджанхёне.

В год пёнин произошёл переворот Чунджона. Чунджон издал особый указ, по которому дети и внуки лиц, преследовавшихся при Ёнсане, могли занимать государственные должности. Поэтому сын Чо Ви сразу же выдержал экзамен. Он был назначен правителем Муджана, взял к себе мать и проявлял к ней всяческое почтение.

Но вот перед правителем Чо, который был все еще холост, встал вопрос о женитьбе. Кто-то сказал ему, что в одной деревне живет необыкновенно красивая девушка, дочь сэвона Чхое. А Чо все еще не мог забыть незнакомую девочку, которой когда-то бросил яшмовый перстень. И он послал сваху к Чхое — разузнать, не та ли это самая девушка. Свахе он дал оставшийся у него перстень, чтобы в случае чего можно было сличить оба перстня. Оказалось, что это именно та самая девушка. Чо очень обрадовался, а люди говорили, что у него удивительная судьба. Немедленно выбрали счастливый день, совершили свадебный обряд, и молодая переехала в дом мужа.

Госпожа Чхое была и лицом красива, и хорошо воспитана, и характер у нее был покладистый. Чо ее очень любил и доверял ей. Однако, хотя со дня свадьбы прошло уже много времени, женщина никак не могла забеременеть. И, очень обеспокоенная этим, она предложила

кону Чо взять наложницу. «А не ранит ли это душу моей жене?» — подумал Чо и отказался. Но супруга снова и снова настойчиво его убеждала, и в конце концов он взял в наложницы женщину по фамилии Тхэ.

И вот вскоре после того, как пришла Тхэ, госпожа Чхое наконец забеременела, а кону Чо спешно пришлось отправиться с посольством в Китай. Он даже не успел узнать о беременности жены. А Тхэ от природы была коварной и злой. Завидую беременности Чхое, она распустила слух, что-де отец ребенка, которого вынашивает Чхое, вовсе не господин Чо. Затем принялась строить злые козни, чтобы устранить Чхое. Тайно сговорилась Тхэ со своим старшим братом, чтобы ночью он незаметно пробрался в спальню госпожи Чхое и спрятался за ширмой. А когда свекровь подойдет к комнате невестки, пусть неожиданно выскочит оттуда. После этого Тхэ торопливо, будто страслась какая-то беда, донесла старой госпоже:

— Только что зашла в комнату Чхое и заметила тень какого-то мужчины. Вот неожиданность. Очень странно.

— Да не может этого быть. Не болтай зря! — рассердилась свекровь.

— Если не верите, то пойдите и посмотрите сами!

Она так пристала к свекрови, что старуха была вынуждена пойти с ней. Только это свекровь открыла дверь в комнату Чхое и хотела уже войти, как вдруг негодяй выскочил из-за ширмы и убежал. А свекровь от неожиданности так перепугалась, что даже на ногах удержаться не могла.

— Да можно ли терпеть в именитой семье такую непорядочную женщину?! — поддерживая старую госпожу, воскликнула Тхэ. — Вот уж, право, человека сразу не раскусишь! — то и дело повторяла она.

Однако свекровь, зная, что Чхое добродетельна и чистоплотна, не поверила во все это. Тогда Тхэ решила пустить сплетню через слуг. Но и слуги знали о добродетельном поведении госпожи Чхое и отказались признать ложь правдой. К тому же за ее доброту все они были ей преданы.

— Да нет, разве это возможно?! — не верили и они.

А Тхэ через некоторое время придумала вот какую пакость: она изучила почерк свекрови и могла его подделывать. Зная, что свекровь собирается отправить с оказией письмо в Китай, она написала подложное письмо, подучила своего старшего брата, как подменить его. Брат, получив богатые подарки, последовал за человеком, который вез письмо свекрови в Китай, опоил его отравленным вином до беспамятства и осторожно подменил письмо.

Вот что было написано в том подложном письме: «После того как ты уехал, я узнала о столь постыдном поведении твоей жены, что и передать не могу. Однажды почью я застала прелюбодейку врасплох. Она оскверняет и позорит семью, разве это не прискорбно? Скрывать очень трудно. Ты должен немедленно прогнать ее!».

Получив письмо, Чо очень удивился. «Письмо как будто писала матушка, — подумал он, — но что-то тут не так». И он ответил: «Тысячу раз обдумывал ваше письмо, и мне кажется, что вы ошибаетесь. Прошу пока не подымать шума, беречь будущего ребенка, а когда он родится, оказать помощь!» Так он заботливо распорядился.

А Тхэ, дождавшись ответа, снова написала подложное письмо и также заставила брата подменить в пути письмо Чо. В ее письме говорилось: «Ни минуты нельзя

оставлять такую блудницу в доме. Прошу вас немедленно прогнать ее!».

Старая госпожа, прочитав это письмо, от растерянности и испуга не могла вымолвить ни одного слова. «Вот хорошо-то!» — подумала Тхэ, всплеснула руками и воскликнула:

— Да, нет дыма без огня! Имей она даже сто ртов, сможет разве теперь оправдаться?

Потом Тхэ взяла письмо и, придя к госпоже Чхое, сказала:

— Кон Чо прислал письмо. Велит прогнать тебя. Что ты собираешься делать?

— Уже давно со стыда умереть готова. Что тут скажешь? — печально ответила Чхое, а сама подумала: «Я невинна и ношу во чреве единственную плоть и кровь свою. Могу ли я допустить, чтобы прервался род господина Чо?».

Она взяла с собой служанку Чхуволь, покинула ночью дом господина Чо и направилась к своему дяде в Муджан. Никем не замеченные, быстро шли они по дороге. Когда, совсем сбившись с ног и едва не падая от усталости, они добрались до Чиксана, госпожа Чхое почувствовала, что начинаются роды. Поэтому им пришлось зайти в первый попавшийся деревенский дом.

Это был дом вдовы Мин. Госпожа Чхое рассказала о том, что с нею случилось. Хозяйка-вдова пожалела и приютила ее. И в ту же ночь Чхое благополучно родила сына. Так ей и пришлось остаться в этом доме. Хозяйку-вдову она очень полюбила, называла ее ма-тушкой. Она стала зарабатывать на жизнь шитьем, прервала всякую связь с домом Чо и утешалась только своим ребенком.

А когда воротился из Китая кон Чо, преступная клевета Тхэ была разоблачена. Чо сильно разгневался

и прогнал Тхэ, а брат ее был брошен в тюрьму, где и умер. Чо приложил много сил, чтобы узнать, куда ушла Чхое. Он съездил даже в Муджан, но следов ее не нашел.

Шло время. Вот уж сыну госпожи Чхое исполнилось пять лет. Он всегда ходил играть на берег озера с деревенскими ребятами. Как-то один ребенок упал в воду и утонул. Мальчишки, как только увидели это, в испуге разбежались и попрятались. А сын госпожи Чхое — он был среди них самый маленький — будто оцепенел и остался один на берегу озера. Через некоторое время прибежала мать утонувшего ребенка, схватила его за руку и отвела в управу.

— Разве можно наказывать пятилетнего ребенка? Отпустить его! — приказал начальник управы.

Однако мать утонувшего стала подавать бесчисленные жалобы, и начальник был вынужден до поры до времени заключить сына госпожи Чхое в тюрьму.

Как раз в это время кон Чо был назначен оса в провинцию Хосо. И вот, проезжая через ту местность, где поселилась госпожа Чхое, от жителей уезда он услышал такие слова:

— Случаются в мире всякие удивительные вещи, но кто слышал когда-нибудь о пятилетнем узнике?!

И оса, которому по долгу службы приходилось расспрашивать, как служат чиновники, как живет народ, узнал всю правду. Войдя в ту же ночь в уездный город, он предъявил знаки оса.

А госпожа Чхое, услышав, что прибыл оса, быстро написала жалобу и велела служанке Чхуволь подать ее. Как только оса увидел эту женщину, он сразу узнал в ней служанку своей жены. Обрадовавшись, он подозвал Чхуволь, обо всем расспросил ее. Тут только он и узнал, что пятилетний узник — это его собственный

ребенок, которым была беременна супруга, когда он уезжал в Китай. Подивившись, он посадил сына на спину Чхуволь, и они отправились к госпоже Чхое. Супруги обнялись, они смеялись и плакали от радости. А стали рассказывать друг другу о себе, и опять не могли удержаться от горестных вздохов. Оса приказал начальнику управы приготовить повозку, чтобы отправить жену и сына домой.

— Если бы не моя хозяйка-вдова, — горячо сказала госпожа Чхое своему супругу, — разве смогла бы я перенести все это и дожить до сегодняшнего дня? Пять лет помогала она мне как мать родная. Хотелось бы отблагодарить ее за такую доброту. Есть у нее дочь, которую никто не берет замуж потому, что они бедные. Хорошо бы, вы проявили к ней благосклонность да взяли себе в наложницы. Вот и вознаградили бы и мать и дочь за их доброту!

— А разве прежний пример, — спросил Чо, — не пугает мою супругу?

— Все прошлые невзгоды — это уж судьба моя несчастливая, — ответила госпожа Чхое. — Могут ли быть в мире две такие женщины, как Тхэ?

— Пожалуй, так и надо сделать, — проговорил Чо.

Госпожа Чхое очень обрадовалась и вместе с девушкой Мин возвратилась домой.

А оса, справив свои государственные дела, тоже приехал домой и в конце концов сделал девушку Мин своей наложницей. Госпожа Мин была тоже добродетельной и разумной. На женской половине дома воцарилось согласие. Госпожа Чхое одного за другим родила сына и дочь, а госпожа Мин тоже родила двоих сыновей. Кон Чо, состарившись, отказался от должности и наслаждался счастьем, а дети и внуки его тоже процветали.

Порядочные люди

 Несколько поколений Ли из Очхона жили в Се-уле, и род их разбогател. Однако положение правнуков пошатнулось, и они вынуждены были продать дом господину Хону. Хон купил дом и поселился в нем. Но вот одна из колонн вдруг покосилась, и дом грозил обрушиться. Когда стали починять колонну, под ней неожиданно нашли пятнадцать тысяч лян серебром! Подумав, что деньги, конечно, являются собственностью предков господина Ли, Хон позвал его и хотел отдать деньги.

— Если даже это серебро и принадлежало моим предкам, — возразил Ли, — то ведь это не засвидетельствовано ни в одном документе. К тому же дом продан вам, а значит, и серебро ваше!

Словом, взять деньги он отказался. Не хотел оставить у себя серебро и Хон. Так препирались они без конца, отказываясь от денег в пользу друг друга. Об

этом пошла молва, узнали в управе. Там доложили двору, а потом об этом стало известно и государю.

— Вот ведь какие порядочные у нас есть люди! — воскликнул король. — Кто сказал, что они уступают древним? — И повелел: — Серебро поделить между этими людьми пополам!

А еще им обоим пожаловал должности.

Нападение разбойника

Девушку из одной деревушки в Чонпхуне выдали замуж в том же уезде. Муж ее был еще совсем ребенком, не мог даже выполнять супружеские обязанности. Однажды случилось ей с мужем проезжать через некую глухомань, чтобы сократить дорогу. И вот в одном месте — людей не было ни души — из леса вдруг выскочил разбойник. Он ударил мужа дубинкой, и тот свалился на дорогу. А женщина хлестнула коня плетью и, бросив мужа, поскакала прочь.

«Не упустить бы мне эту бабенку!» — подумал разбойник. Оставив ее мужа, он погнался за ней и скоро приблизился на расстояние в два-три кан. Женщина вдруг остановила свою лошадь, оглянулась назад.

— Зачем ты за мной гонишься? — крикнула она. — Хочешь взять лошадь или меня?

— Тебя! — ответил разбойник. Женщина тут же слезла с лошади.

— Сравнишь ли с вами этого мальчишку? — дружелюбно сказала она и кокетливо засмеялась. — Ну, какой он мужчина? Я хоть признавала его своим мужем, однако в душе мне было противно служить ему. Уж давно подумывала, как бы от него избавиться, да случая подходящего не было. А сегодня, к великому сча-

стью, встретила с вами, и вот этот случай наконец представился. Я совсем не прочь последовать за вами. Если вы меня хотите, то почему я должна отказать?

Разбойник, обрадовавшись, тут же набросился на женщину и хотел было удовлетворить свою похоть.

— Считайте, что я уже ваша, — отстранила его, однако, женщина. — Так не лучше ли увидеть вместе радостный сон, дождавшись ночи? Зачем же это делать в спешке, прямо на обочине дороги? Да еще с женщиной, которую вы едва увидели и с которой, как говорится, нужно будет прожить сто лет? Настоящие мужчины так не поступают!

Она увлекла разбойника в сторону от дороги, усадила и сказала:

— Есть у меня вкусное вино и мясо. Выпейте-ка немного да покушайте вволю!

Живо развязала она свой дорожный мешок, вынула из него кувшин с вином и, нарочно поставила на землю, чуть наклонив его. Кувшин упал, вино стало выливаться, источая аромат. У разбойника вмиг разыгралась жажда, и он быстро подхватил кувшин.

— Вот только чарки нет, — сказала женщина, — придется пить прямо из кувшина.

Она попросила у разбойника меч, осторожно нарезала тонкими ломтиками мясо. Когда разбойник стал пить, похваливая вино, кувшин был наполовину порожним. Поэтому, держа его обеими руками, разбойник невольно запрокинул голову. Тогда, собрав все свои силы, женщина ударила этого негодяя мечом по горлу и убила его.

Затем быстро побежала к своему мужу. А тот лежал без сознания, испускал слабые стоны и, казалось, вот-

вот кончится. Но тут как раз случился какой-то проезжий, супруга погрузили на лошадь, вернулись домой и привели в чувство. Из уезда об этом сообщили королю. Женщине был присвоен почетный титул Добродетельной жены, а семью их освободили от налога и трудовой повинности.

Лим Дже явился на чужой праздник

Известно, что Лим Дже был весьма благовоспитанным сонби. Но однажды в юности с ним произошел такой случай. Он шел со своим другом по улице и заметил, что в доме некоего министра происходит большое празднество. Лим Дже был совсем незнаком с хозяином дома, даже в лицо его ни разу не видел. И вдруг он говорит своему приятелю:

— Я еще с давних пор дружен с хозяином этого дома. Нельзя же пройти мимо. Не хочешь ли и ты зайти вместе со мной?

— Да, конечно, хочу! — ответил приятель.

— Только ты подожди немного у ворот. Сначала войду я, а потом позову тебя!

Приятель остался стоять у ворот, а Дже спокойно вошел в дом, поздоровался с хозяином и гостями, молча сел с краю. Когда чарка с вином обошла три-четыре раза по кругу, один из гостей шенотом спросил хозяина:

— А что, этот человек — ваш друг?

— Нет, — ответил хозяин и также шепотом стал спрашивать у гостей: — Это ваш друг? Это вы привели его?

— Нет, нет, — отвечали один за другим гости.

Так, пошептавшись друг с другом, хозяин и гости выяснили наконец, что Дже — человек совсем посторонний. Переглядываясь между собой, они стали над ним подсмеиваться. И тогда только Дже открыл рот:

— Господа! Вот вы надо мной смеетесь, а ведь есть человек, который находится в еще более смешном положении. Он давно уже стоит за воротами, глядит с завистью мне в рот, да только и мечтает, как бы поскорее вышить и закусить!

При этих словах и хозяин и гости громко расхохотались. Тут пошли рассказывать разные истории а, узнав, что перед ними знаменитый сонби, пригласили и его приятеля. До глубокой ночи все весело развлекались. А приятель, который так долго прождал за воротами, так никогда и не узнал, что был обманут.

Судьба Чинбок

Чинбок была дочерью паложницы первого министра. Она сбилась с пути, и теперь уж вряд ли кто-нибудь знает, чья она дочь и как ее звали. Когда Чинбок была еще грудным ребенком, мать нежно любила ее, просто с рук не спускала. Очень любил девочку и отец, первый министр.

Однажды позвал он гадалку и попросил предсказать судьбу дочери.

— Если девочка останется у родителей, — заявила гадалка, — то с ней произойдет несчастье. Нужно отдать ее кому-нибудь на воспитание!

А в те времена в Сеуле, в переулке Чикджори, жила одна богатая старуха. Она была дружна с матерью Чинбок, по праздникам посылала ей в подарок разные вещицы, и виделись они часто. Детей у старухи не было. И вот рассказала ей как-то наложница министра о предсказании гадалки и попросила взять Чинбок на воспитание. Старуха с радостью согласилась. Она сказала даже, что будет считать девочку своей приемной дочерью и оставит ей все свое состояние. И очень довольная, что так обернулось дело, женщина отдала этой старухе свою Чинбок.

Прошло время, Чинбок исполнилось шестнадцать лет. Личико ее, словно цветок, было прелестно, гибко и строен был стан. Старуха любила ее как родную дочь. Однако многочисленные родственники старухи вознегодовали. Каждый из них тайно надеялся, что богатая бездетная старуха примет на воспитание его ребенка. А она взяла совершенно чужую девочку! Злобно кривили они губы, исподволь строили всякие козни, стараясь нарушить доброе согласие между Чинбок и старухой. Уж они пытались повлиять на старуху лестью, сладкими ублажали речами, но та и слышать ничего не хотела.

И вот тогда замыслили они погубить Чинбок. Как-то зашел к ней один из них, самый велеречивый.

— Некий молодой чиновник, — сказал он Чинбок потихоньку, — чусо из Королевской канцелярии, проходил на днях перед домом барышни, заметил ее у ворот и потерял сердце. «Чья же это красавица? — в восторге говорил он. — Вот уж ничего не пожалел бы, чтобы назвать ее своей второй женой. Если бы она согласилась, то в самом скором времени прислал бы я за ней лошадей!». Другой такой случай не представится. Старуха-то ведь жадна до денег. Она и не собирается

выбрать в мужья для барышни образованного юношу. Хочет выдать ее за сына купчихи и всюду ведет переговоры о браке. Но может ли дочь первого министра стать женой торгаша? Миновал уже год шпилек, и пора барышне хорошенько подумать о своем будущем!

А Чинбок смутилась очень и ничего не ответила. Однако эти слова запали в ее наивную девичью душу. К тому же родственник старухи с тех пор стал часто заходить к ней и искушать ее снова и снова. Юная душа Чинбок пришла в смятение. Видя, что ее родная мать, наложница первого министра, богата и пользуется почетом, она подумала, что не лучше ли и ей выбрать тот же путь. В конце концов эта мысль овладела ею, и она поддалась уговорам.

И вот однажды Чинбок сказали, что лошадь чует ее в переулке. Чинбок тщательно подкрасилась и припудрилась, нарядилась в новое платье. Дождавшись темноты, она вышла из дома и села на лошадь. Вместе с провожатым по извилистому переулку выбрались они на широкую улицу и вскоре подъехали к какому-то дому. Высокие ворота были распахнуты настежь.

Чинбок спешила у деревянной ограды и в сопровождении своего спутника прошла через широкий двор. Здесь в большом пруду зеленели лотосы. На берегу стоял флигель, обнесенный красной оградой. Он был пуст. На верхней площадке виднелась круглая ширма. Провожатый отвел девушку за ширму и скрылся.

А через некоторое время во флигель ворвался какой-то мужчина. Был он бос и одет в холщовую одежду. Волосы его были всклокочены, а огромная бородаща развевалась, что лошадиная грива. Грубо набросившись на Чинбок, он вволю натешился ею и ушел. Как ни

отбивалась она от него, как ни звала на помощь — все было напрасно!

Чинбок выросла в шелковой глубине девичьих покоев, никогда не уходила дальше ворот своего дома. Откуда и куда ведут тысячи улиц и переулков столицы? Сама она не могла отыскать свой дом, а спросить было не у кого. Долго плутала Чинбок по городу, потом остановилась на обочине дороги и заплакала. Когда настал наконец день, она спросила у какого-то человека, кому принадлежит тот дом, где ее обесчестили. Оказалось, что это Верховный суд, а негодяй с растрепанными волосами — тамошний служитель.

Солнце уже садилось, когда она вернулась домой.

— Что же ты скажешь нашему министру? — в отчаянии спросила у нее старуха.

А министр, узнав, что случилось, от Чинбок отказался. Опозоренная, всеми отвергнутая, она попала в безвыходное положение. Ну, что делать? Ведь в конце концов нельзя же исправить того, что с нею случилось! И Чинбок стала кисэн, всю жизнь не имела мужа, скиталась то здесь, то там и умерла в нищете.

Увы! Ведь не всегда же Чинбок была падшей! Как несправедливо, что из-за одной ошибки женщина должна терпеть позор и бедствия всю жизнь. Жестокие нравы, и зависть, и ложь делают человека бесконечно несчастным. Разве это не страшно?

«Верной жене»

Некий сеульский муса имел усадьбу в Мильсоне и часто разъезжал между уездами Сонджу и Санджу. По пути он всегда останавливался на почлег в доме одного сонби, с которым был очень дружен. Но вот случилось

так, что в течение четырех-пяти лет муса не смог ни разу съездить в Мильсон из-за неотложных дел. Когда ему наконец удалось туда отправиться, он поспешил к своему старому другу. Однако оказалось, что тот уже три года назад как умер. Было поздно, другого места для почлега муса не знал, и, развязав свой дорожный мешок, он решил хоть немного отдохнуть здесь.

А жена сонби, как только услышала у себя в покоях, что прибыл друг ее покойного мужа, горько расплакалась. Она приказала слуге прибрать флигель для гостей и предложила муса переночевать.

Муса вспоминал о своем друге, его одолевали разные думы, и он не мог уснуть до глубокой ночи. С северной стороны флигеля возвышалась ограда, во дворе густо разросся бамбук, образовав небольшую рощицу. Тускло светила луна. Вдруг муса услышал шорох и заметил, что меж деревьев кто-то ползет. «Либо тигр, либо барсук!» — подумал он и, притаившись, стал наблюдать. И тут, к своему великому изумлению, он увидел: какой-то монах воровато высунул голову из-за деревьев, внимательно огляделся, потом вдруг вскочил на ноги и вбежал прямо в женскую половину дома!

Стараясь не шуметь, муса последовал за ним. За окном ярко горело пламя светильника. Муса послуновил палец, проткнул оконную бумагу и заглянул в комнату. Молодая вдова, накрашенная и напудренная, была одета в красивое платье. Она обжарила на углях сверкающей бронзовой жаровни мясо, подогрела вино и, кокетничая, стала угощать монаха. Тот поел и принялся слишком уж вольно заигрывать со вдовой.

Не в силах побороть справедливого негодования, муса вынул стрелу и, зарядив лук, выстрелил в окно. Испустив душераздирающий крик, монах замертво повалился на пол. А муса возвратился во флигель и,

притворившись спящим, захрапел. Немного погодя из женских покоев донеслись вопли хозяйки, которая звала слуг. В доме поднялся переполох, сбежались соседи. Муса, притворно удивившись, спросил, что случилось.

— Хозяин наш умер, — доложили ему слуги, — и госпожа хранит ему верность. А сейчас в дом ворвался какой-то сумасшедший монах — хотел ее обесчестить. Но госпожа убила мечом этого негодяя и в гневе порубила его тело на куски. Она порывалась даже покончить с собой от обиды, еле-еле ее удержали!

Муса подавил улыбку, вздохнул и покинул этот дом. А на следующий год, когда он снова проезжал через эту деревню, там уже гордо высилась арка — «Верной жене».

Не мне — так внукам моим

Хван Нин был старшим братом министра Лима. Он не смог выдержать экзаменов, хотя и отличился тем, что написал хорошее сочинение под навесом. Когда около своего дома в уезде Янджу он построил маленький флигель и во дворе его сам посеял кедровые семена, ему было уже за пятьдесят.

— Кедр растет очень долго, — говорили ему люди, — пройдет десять лет, а орехов еще не увидишь. Зачем же вам, старику, сажать их? Бросьте это занятие!

— В древние времена, — возразил Нин, — То-ши выточил иглку из железного песта, а Юй-гун голыми руками срыл горы. Они были старыми, но думали о далеком будущем и к делу относились серьезно. К тому же нельзя знать пределов жизни человеческой. Неверно это, что раз человек состарился, он должен бездельничать целыми днями. Пусть сам я не дождусь орехов, но разве плохо подумать о внуках моих?

Когда ему было уже за восемьдесят, кедры выросли, на них стали созревать орехи, и он ел их каждый год. А нынешние люди начинают трястись еще до наступления настоящей старости. Они не только не стараются продлить свою жизнь, но, почувствовав некоторую усталость, теряются и перестают трудиться. Так пусть же этот факт из жизни Хвап Нина послужит им уроком!

Черепаховый суп

Чхонган Ли Джесип с юных лет дружил с братьями Ким — Хэном и Докёном. Все вместе они учились, вместе держали экзамены и вместе, собрав сочинения по управлению государством, составили книгу, которая известна под названием «От сожжения кораблей до сидения на подушке».

Будучи в столь близких отношениях, они вместе и развлекались, нередко весело подшучивая друг над другом. Братья Ким очень любили черепаховый суп и частенько им лакомились. Однажды Ли Джесип, увидя, как они едят этот суп, сплюнул и воскликнул:

— И как это вы, образованные люди, можете брать в рот такую гадость? Да разве кто-нибудь, кроме варваров, питается черепахами? Никогда не ешьте эту дрянь, как бы ни были вы голодны!

— Вечно он про это, — перемигнулись братья. — Попробуем-ка накормить его черепахой. Посмотрим, что он скажет! — тайком стоворились они.

Лесной домик Докёна стоял особняком над озером Сонсанхо. Однажды друзья договорились все втроем:

— Давайте-ка половим рыбу в Сонсанхо да полюбуемся цветами лотосов. Проведем хорошо денек!

Собрались в тот же день. Пригласили и гостей, народу пришло много. Докён угощал обедом. Под видом

куриного был подан отлично приготовленный черепаховый суп. Суп был заправлен имбирем, черным перцем и другими необходимыми специями. Он распространял такой чудесный аромат, что не отведать его было невозможно! И все трое незаметно съели по полной большой чашке.

— Мой дом беден, — обратился затем Докён к Джесину, — никаких деликатесов нет. Последнее время питались все больше просом, а нынче вот зарезали эту жирную курицу. Нам с братом суп понравился. Мы поели с удовольствием. А что скажет дорогой гость?

— Никогда в жизни не ел такого вкусного куриного супа! — воскликнул Джесин. — И на вопрос Докёна, не хочет ли он еще, ответил: — Честное слово, на редкость вкусно. Если пальете еще чашечку, я не откажусь!

Ему дали еще чашку. Джесин залпом выпил бульон, пустую чашку поставил на стол и опять воскликнул:

— Вот это суп!

— Ну как, — со смехом спросили у него братья, — он вкуснее черепахового?

— Я так славно поел, — всплеснул руками Джесин, — к чему вспоминать о такой гадости?!

— Эх ты, — засмеялся Докён, — суп-то был черепаховый!

Тут все гости захлопали в ладоши и разом громко расхохотались. Тогда Джесин понял, что его разыграли, встал на четвереньки и сделал вид, будто его тошнит.

Отказался от наложницы

Супруга чхомджи Лю Чхунхона, госпожа Хо, была дочерью начальника ведомства Хо Гваиа. Юность провела она в девичьей в Наджу, была прекрасно воспи-

тапа и строго блюла добродетель. Чхунхон, за которого ее выдали, обращался с пей очень хорошо, уважал и почитал, как самого дорогого гостя. И супруга платила ему тем же. Одежда в доме всегда содержалась в полном порядке, еда была вкусно приготовлена. Чхунхону никогда не приходилось недовольно хмурить брови. И лишь одно сильно тревожило Чхунхона — не было у жены детей.

И вот подыскал он себе на стороне наложницу. А супруга, проведав об этом, ничего ему не сказала. Мало того — она постаралась узнать и тот день, когда Чхунхон условился впервые встретиться с наложницей. Затем, втайне от него, приготовила одежду и угощения, необходимые для брачной церемонии.

Наступил этот день. Чхунхон приказал подать коня и уже собирался ехать. Тогда супруга его велела служанке вынуть из сундука новую одежду и облачить в нее Чхунхона. А потом велела приготовить столик для новобрачных и накрыть большой стол, обильно уставив его вкусными кушаньями. Словом, она устроила все так, как бывает при совершении брачной церемонии. Чхунхон удивился и спросил, в чем дело.

— Когда я вступала в брак с вами, господин, — улыбнулась супруга, — делались точно такие же приготовления. Теперь вы вступаете во второй брак, и здесь ведь тоже не обойтись без церемонии!

Чхунхон отказался от наложницы.

Дар Каннама

Матушка Каннамдок — жена Хван Бона, судовладельца с реки Согаи, что в столице. Дом его был расположен на горе Чамду, а сам он торговал всюду на

своим корабле. Однажды, в годы правления короля Сонджо, Хван Бон вышел в море, попал в тайфун и не вернулся. Жена его, считая мужа погибшим, спила себе белую одежду и соблюдала трехлетний траур. Бездетная, в полном одиночестве жила она, испытывая всевозможные житейские трудности. Так прошло несколько лет.

Но вот однажды нежданно-негаданно от Хван Бона пришло письмо из Китая. «Тогда тайфун подхватил корабль, — писал он, — и прибил его к побережью Китая. Сейчас я служу работником в доме простолюдина».

Получив письмо, — не сон ли это? — его жена удивилась и обрадовалась. Она плакала и смеялась, сделала как безумная. Она-то думала, что муж ее погиб в море, а он, оказывается, жив и находится в Китае! Да пусть ей даже придется от деревни к деревне побираться с сумой, она все равно отправится к своему мужу! «Пусть даже в дороге случится несчастье и я погибну — все равно пойду!» — твердо решила женщина.

Когда об этом узнали родственники, они стали горячо ее отговаривать:

— Да ведь на границе с Китаем есть заставы, свободный проход через них запрещен. Человек, не знающий языка, в иноземной одежде, не сможет проникнуть в Китай. А нарушителей границы строго наказывают. Невозможное это дело — одинокой женщине пройти через заставу и отправиться на тысячи ли в глубь чужой страны. Ты, конечно, не сможешь добраться до места и будешь валяться на какой-нибудь дороге безвестным трупом. Откажись-ка от этой затеи!

Так они ее предостерегали и удерживали. Но жена Хван Бона твердо решила идти. Она даже и вида не делала, что слушает родственников. Смело покинула она дом, тайком переправилась через реку Амнокган

и вступила на китайскую землю. Одежда ее превратилась в лохмотья, волосы спутались, по лицу грязными ручейками стекал пот, покрасневшие икры были неприкрыты.

Вот в таком виде, прося милостыню, скиталась она по далекой чужбине и только через год добралась до провинции Каннам. Женщина каждый день обходила прежде всего волости и поселки на морском побережье. Она искала, искала и в конце концов в одной волости нашла своего мужа.

Тогда оба они покинули Каннам и отправились на свою дорогую родину. В пути жена Хван Бона забеременела и, возвратившись в дом мужа, родила дочь. Ее назвали Каннамдок, что значит — «Дар Каннама», и жители той местности стали называть жену Хван Бона — матушка Каннамдок.

Скажут, пожалуй, что о таком можно прочесть только в книжке. Несмотря на строгую, как во время войны, охрану границы между Кореей и Китаем, испытывая лишения и голод, одинокая женщина побывала в Китае, будто в соседней деревне, и разыскала-таки своего мужа на далекой чужбине. Неслыханное дело! Такая смелость и супружеская верность — хороший пример трех добродетелей как для древних времен, так и для нынешних. Матушка Каннамдок покинула этот мир в преклонном возрасте — восьмидесяти лет.

Записано летом в тринадцатый год правления короля Кванхэ.

Хван Сусин убивает своего коня

Хван Сусин, сын министра Хван Хыя, в юности был очень влюблен в одну кисэн. Узнав об этом, отец его, Хван Хый, сурово отчитал его. Однако сразу оборвать

горячую страсть было нелегко. Сусин понимал, что поступает нехорошо, но по-прежнему продолжал бывать в доме кисэн.

Однажды Хван Сусин, как обычно, возвратился от нее домой. Отец, в парадном чиновничьем платье, встретил своего сына с почетом, как высокого гостя. Не понимая, что это значит, Сусин очень удивился и испугался. Поклонившись отцу до земли, он спросил, что случилось.

— Я обращался с тобой, как с родным сыном, — отвечал отец, — но ты меня не слушался. Значит, ты не считаешь меня своим отцом. Я больше не могу встречать тебя иначе, как гостя!

Беспрестанно кланяясь до земли, каялся и просил прощения Сусин. С тех пор он перестал посещать кисэн и ничего даже не слышал о ней. Но однажды, будучи сильно пьяным, он сел на коня — и дальше уже ничего не помнил.

В полночь Сусин немного отрезвел, открыл глаза и видит: горит свеча, а рядом с ним — красавица кисэн, в которую он был влюблен прежде! Мило улыбается, держится скромно.

— Зачем ты пришла сюда? — удивленно спросил Сусин. Сознание еще не прояснилось, и он считал, что лежит у себя дома.

— А куда же мне идти из своего дома? — нежно улыбнулась кисэн.

Тут только он совсем пришел в себя и внимательно огляделся. Ну конечно, он находится у нее! «Как бы ни был я пьян, я не должен был приходить сюда. Виноват, конечно, подлый слуга!» — подумал Сусин. Он рассвирепел и, кланя слугу, хотел убить его.

— Вчера, на обратном пути, — сказал в свое оправдание слуга, — конь повернул к этому дому. А я, пи-

чтожний, решил, что господин, верно, сам потянул за уздечку!

А было вот как. Еще в те времена, когда Сусин часто ездил к своей возлюбленной, коня здесь хорошо кормили. Он, конечно, запомнил сюда дорогу и невольно привез Сусина к этому дому. Слуга тут был ни при чем. Поняв это, Сусин выхватил меч и отрубил голову своему коню!

Играют в чанги

Некто Со Чхоннён из королевского рода Ли хорошо играл в чанги. «Я самый лучший игрок на Востоке!» — говаривал он, похваляясь, что нет ему в мире достойного противника.

Один старый солдат, прибывший из провинции на обучение в сеульские казармы, зашел как-то к Со Чхоннёну, ведя под уздцы великолепного коня.

— Слышал я, что вы здорово играете в чанги, — сказал он, — может быть, соблаговолите сыграть со мной, ничтожным? Проиграю — отдаю коня!

И они сразились. Из трех сыгранных партий солдат проиграл две. Без колебаний отдал он коня Со Чхоннёну.

— Только, прошу вас, хорошенько его кормите, — прибавил он при этом. — А кончится срок обучения, — надеюсь, своего коня отыграю!

— Будь спокоен! — засмеялся Со Чхоннён и с радостью согласился.

Он кормил солдатского коня даже лучше, чем остальных своих лошадей. И скоро конь стал выглядеть сытым и упитанным. А солдат, когда истек срок, действительно пришел снова и предложил сыграть

в чанги. Они сыграли. На этот раз солдат выиграл все три партии.

— Я, ничтожный, очень люблю своего коня, — сказал он. — Но, отведи я коня в казармы, смог бы развезти здесь, на чужбине, хорошо кормить его? Вот и решил оставить его у вас на некоторое время. Вижу, что конь ухожен, вид у него такой сытый. Я очень доволен.

С этими словами солдат сел на коня и уехал.

Стала знаменитой певицей

Сок Кэ была служанкой в доме Соя Ина, зятя короля Чунджона. Лицо у нее было как у старой обезьяны, а глаза — что горящие стрелы! Ребенком она пришла сюда из провинции и была в доме на побегушках. Поскольку семья Соны приходилась родней королю, она жила в большом достатке. Дом был переполнен прелестными, будто распутившиеся цветы, женщинами. Женщин было так много, что всех и не сочтешь. Голоса их звенели всюду, как ручейки. Поэтому не было никакой необходимости приближать такую, как Сок Кэ.

Сок Кэ велели взять бадью и таскать воду. А она, придя за водой, ставила бадью на сруб колодца и целый день только и делала, что пела песни. У песен ее не было никакой определенной мелодии. Не походили они ни на песни деревенских мальчишек-дровосеков, ни на песни крестьянок. Возвращалась она затемно, с пустой бадьей. И хотя ей всегда пребольно доставалось палками, она была неисправима — то же самое повторялось и на следующий день.

Тогда Сок Кэ перестали посылать за водой и велели убирать овощи в поле. И вот, захватив большую плетё-

ную корзину, Сок Кэ вышла в поле. Там она собрала большую кучу камешков и стала после каждой песни бросать их по одному в корзину. Когда же корзина наполнилась, Сок Кэ опять-таки после каждой песни брала камешки по одному из корзины и выбрасывала их в поле.

Так проделала Сок Кэ два-три раза, и день кончился, стало смеркаться. Домой она воротилась с пустой корзиной, и опять ее побили. Ничего с ней нельзя было поделать, так продолжалось день за днем.

Чунджон, прослышав об этом, подивился и отдал ее учиться пению. В конце концов Сок Кэ сделалась самой знаменитой певицей в столице, и о ней стали говорить как о великой певице, которая сто лет не могла выдержать экзамен.

Да, в этом мире добиться успеха можно лишь в том случае, если приложишь все силы. Разве это касается только одной Сок Кэ с ее песнями? Если ты слаб и безволен, то ни в чем не добьешься успеха.

Упал в грязь

Жил один человек, который не имел ни должности, ни средств к существованию. Если хотите знать, чей он родом, я скажу вам: он был сыном правителя Хонджу. Его отец служил во многих уездах, а сам он с малых лет грамоте не учился, всюду был известен только как «сын господина правителя». Рос он, как говорится, в шелковых одеждах да на белояшмовом рисе. Оттого был высокомерен, говорил громко, со слугами обращался грубо, думал только о себе. Особенно же был он прихотлив в выборе пищи.

Когда он только что прибыл в Хонджу, перед ним полным-полно было наставлено всевозможных сортов великолепных кушаний — из рыб морских и дичи. Он же выволоч повару во двор, швырнул его на колени и заорал:

— Что это за еду ты мне приготовил? Неужели я должен есть какую-то вонючую рыбку требуху?

— А что же еще я, ничтожный, мог приготовить? — в страхе ответил повар. — Тут разные рыбы морские, мясо косули, оленя, кабана, горные фазаны. Да смею ли я плохо приготовить кушанье для сына нового правителя?

Не обращая внимания на слова повара, сын правителя приказал слугителям управы всыпать ему пятьдесят ударов.

После смерти отца он быстро разорился. Однажды, в поношенной одежде, верхом на тощей лошаденке и в сопровождении одного только мальчика-слуги ехал он по дороге. Пошел дождь, дорогу развезло, и лошадь заскользила по глинистой жиже. Мальчик не смог удержать ее, и сын правителя упал в грязь.

И тут один случайный прохожий схватил коня под уздцы и вытащил его. Сын правителя почувствовал в душе глубокую благодарность к нему. Но, глянув в лицо прохожему, он вдруг узнал в нем того самого повара, которому когда-то в Хонджу, во дворе управы, досталось от него по ягодицам! Сын правителя и хотел бы поблагодарить его, но от стыда сделал вид, что не узнал. Так и уехал.

Увы! Люди не стремятся к самоусовершенствованию. Надеясь на родителей, пока те живы, они кичатся своим положением. И почти нет среди них таких, которые в конце концов не упали бы в грязь. Ах, если бы они задумывались над своим поведением!

Жил в Намвоне человек по фамилии Чон, а имя его теперь уж забыто. С малых лет хорошо играл он на бамбуковой флейте и пел песни, нрава был общительного и веселого, а вот к учению оставался равнодушным. Чон посватался в одной семье, проживавшей в соседнем городе, и помолвка состоялась. Девушку звали Хондо. Уже приближался день свадьбы, как вдруг отец Хондо заявил, что Чон, мол, необразованный и распущенный юноша и что следует расторгнуть помолвку. Но сама Хондо была не согласна со своими родителями.

— Если брак совершается по велению Неба, — сказала она, — то можно ли нарушить его волю, менять решение на полноту, когда уже назначен день свадьбы?

Слова эти произвели должное воздействие, и отец Хондо выдал-таки дочь за Чона. Через два года у супругов родился сын. Имя ему дали Монсок.

В Империю войну Чон участвовал в обороне страны от японцев. В год чоню, когда союзные китайские войска под командованием Ян Хао обороняли Намвон, за стенами города были и Чон и Хондо, которая, переодевшись в мужское платье, вместе с мужем поступила на военную службу. В армии никто не знал, что Хондо — женщина. А сын их, Монсок, вместе с дедом ушел в горы Чирисан и там укрылся от бедствий войны.

В конце концов под натиском врага крепость Намвон пала. Чону, который присоединился к войску Ян Хао, удалось вырваться из города, но в суматохе он потерял Хондо и не знал, где она находится. Подумав, что жена скорее всего ушла с китайскими войсками, возвращающимися на родину, он решил во что бы то

ни стало отыскать ее и вместе с одним из китайских отрядов вступил в Китай.

Побираясь и бедствуя, пришел Чон в провинцию Чжэцзян. Всюду искал он свою жену, но нигде не мог найти. Однажды случилось ему плыть на корабле с военным начальником Чжэцзяна. Сияла луна, а на душе у Чона была печаль. Он вынул бамбуковую флейту и заиграл. И вдруг с корабля, который проплывал мимо, донеслись слова:

— Что я слышу? Ведь это бамбуковая флейта. И мелодия знакомая!

«Кто эта женщина? — вздрогнув от неожиданности, подумал Чон. — Не моя ли жена? Откуда чужой женщине знать эту мелодию?!» И он пропел каза, которое певали они с женой в былые дни.

— Ну конечно, это мой муж! — закричали с того корабля.

Чон удивился и обрадовался, хотел было тут же последовать за проплывавшим мимо кораблем, но начальник не позволил.

— Это торговое судно южных варваров, которые действуют заодно с японцами, — сказал он. — Сейчас пересаживаться на него бесполезно и даже опасно. А завтра что-нибудь придумаем.

На другой день на рассвете начальник дал своим людям несколько десятков лян денег, велел договориться с южными варварами и вызволить женщину. Это и в самом деле была жена Чона. Супруги взялись за руки, и все, кто видел, как они плакали, тоже пролили слезы.

Оказалось, что сначала, когда пал Намвон, Хондо попала в плен и была увезена в Японию. Она была в мужской одежде, японцы считали ее мужчиной и поэтому поместили вместе с пленными солдатами. Затем

Хондо продали на торговое судно, и она плавала всюду, помогая матросам. Она страстно мечтала возвратиться на родину, рассчитывая попасть из Японии к южным варварам, а от них — в Чжэцзян.

Чоп и его жена пока остались жить в Чжэцзяне. Люди жалели их, каждый давал им деньги и зерно, и они могли сводить концы с концами. У них родился сын, назвали его Монджином. Вот уж исполнилось ему семнадцать лет, приспело время женить его, но никто не соглашался отдать за него свою дочь, потому что он был корейцем.

Жила в тех местах одна девушка. «Мой отец во время Имджинской войны ушел с нашим войском в Корею и пропал без вести, — подумала она. — Если я выйду замуж за этого корейца, то когда-нибудь непременно попаду в Корею. И если мой батюшка скончался, разыщу место, где он похоронен, буду заботиться о его душе — совершать жертвоприношения. Если же по счастливой случайности батюшка мой пребывает среди живых, то встреча с ним — мое самое заветное желание в жизни!» И она согласилась выйти замуж за Монджина.

В год муо, когда войска Нурхацзи, бывшие в северо-восточных районах Китая, вторглись на территорию Минского государства, Чоп вступил в войска военного губернатора Южных провинций Лю Тина и отправился на войну. Однако войско Лю Тина в бою было разбито и сам он погиб. Воины Нурхацзи стали истреблять остатки разбитой минской армии. «Я не китаец! Я кореец!» — что есть мочи закричал Чон. К большому счастью, будучи уже на краю гибели, он спасся и даже сумел вернуться на родину.

Когда он добрался до уезда Нисанхёи в провинция Чхунчхондо, от долгой ходьбы у него сильно заболели ноги, и он обратился к лекарю. Лекарь был китайцем,

который пришел в Корею с минскими войсками еще в Имджинскую войну и во время отвода войск отстал от строя. А когда Чон узнал, как его звать и откуда он родом, то оказалось, что это не кто иной, как отец его невестки! Они обнялись, горько поплакали и вместе отправились в Намвон.

В Намвоне Чон встретил своего старшего сына — Монсока. Монсок был женат и имел сына. Чон стал жить вместе с Монсоком и тестем Монджина. Это, конечно, радовало его и утешало, но ведь он снова потерял свою жену, которую с таким трудом нашел, и не было никакой возможности узнать о ее судьбе. Даже во сне грустные думы не оставляли его. Так прошел год.

А в Чжэцзяне его жена Хондо, ничего не зная о муже, изнывала от горя. К тому же она тосковала по родине и горячо поддерживала желание невестки отыскать отца. Поэтому Хондо распродала хозяйство, купила лодку и, вместе с сыном и невесткой покинув Чжэцзян, направилась в Корею. Они припасли в дорогу и две смены одежды — китайскую и японскую, чтобы, по обстоятельствам, выдавать себя за китайцев или за японцев.

Когда миновала одна луна и двадцать пять дней, они подплыли к острову Кагадо, что относится к провинции Чеджудо. Риса у них оставалось всего шесть хып.

— Ну как плыть дальше с шестью хып риса? — горестно сказала Хондо своему сыну. — Тысячи бед и лишений претерпели мы, добраясь до этого места. Если умрем в лодке, так нас съедят рыбы. Не лучше ли выйти на берег и умереть на суше?

— Если варить каждый день жидкую похлебку из одного хып риса, — услышав слова свекрови, сказала невестка, — то можно продержаться шесть дней. Небо

на востоке чуть светлее, похоже, что земля близко. Нужно перетерпеть голод, ведь некоторая надежда на спасение у нас есть. Нам может случайно встретиться какой-нибудь корабль.

При этих словах мать Монджина вновь обрела бодрость, и они поплыли дальше. И вот через пять-шесть дней им встретился корабль тхонджеса. Хондо все рассказала ему. И о том, как они с мужем потеряли друг друга в Намвоне во время Имджинской войны, и как муж, с которым она встретилась в Чжэцзяне, снова ушел в Северный поход, и теперь неизвестно, жив он или умер, что она возвращается на родину, чтобы разыскать старшего сына. Моряки, выслушав ее рассказ, проявили к ней сочувствие, они привязали лодку к своему кораблю и доставили путников к земле Сунчхон.

А когда Хондо с сыном и невесткой вернулась в свой родной Намвон, то увидела — явь ли это, сон ли? — что ее муж, старший сын Монсок и тесть Монджина живут вместе! Вся семья собралась в их доме, пришли даже дальние родственники. Радость их, как говорится, была подобна легкому ветерку ясным весенним днем.

Кореец Чон потерял свою любимую жену на войне и разыскал ее в далеком Китае. Дважды в огне войны теряла мужа Хондо. Скитаясь по трем странам, переодеваясь в мужскую одежду, она вынесла все невзгоды и бедствия и снова встретилась с мужем. Жена Монджина добровольно вышла замуж за чужестранца, чтобы отыскать могилу своего батюшки, а встретила его живым и здоровым. В одном месте, в одном доме сошлись все шесть человек.

Пожалуй, скажут, что этим людям, будто ураганом разбросанным в разные стороны, просто повезло. Ведь у них было так мало вероятности встретиться. Но раз-

но это произошло не в результате их разумных и упорных усилий? И все-таки это самый удивительный случай с древних времен и до наших дней.

Сон Санволь и суеверный студент

Сон Санволь, кисэн из Сонджу, попала в столичный город Сеул и вскоре приобрела там широкую известность благодаря своим необыкновенным талантам и редкой красоте. Прелестная, стройная, с чистым и нежным лицом, она была незаменимой на всех пирушках и великолепных празднествах, которые устраивала столичная знать. Не было ни одного столичного модника, который не мечтал бы хоть разок добиться ее благосклонности, однако это было не так-то просто.

Однажды янбани и сонби пригласили Сон Санволь покататься на лодке по Хангану. И вот, когда гуляки опьянели, она сбежала от них. На обратном пути в столицу Сон Санволь попала под проливной дождь. Одежда ее промокла насквозь, было холодно, день клонился к вечеру. Когда она добралась до Южных ворот, оказалось, что они уже закрыты.

«Неужели здесь негде переночевать?» — подумала Сон Санволь и огляделась. И тут у лotosового пруда в маленьком окошке блеснул огонек, послышался голос — кто-то читал вслух. Сон Санволь подошла к окошку, проткнула бумагу и заглянула в комнату. Какой-то молоденький студент читал книгу. Она тихонько кашлянула и осторожно постучала в дверь. Студент перестал читать, прислушался.

— Я кисэн из города, — негромко обратилась она к нему. — Сбежала от попойки. Вот попала под дождь, и мне негде переночевать. Будьте добры, пустите меня

на ночь в какой-нибудь уголок! — попросила Сон Саиволь.

Студент открыл дверь, но, неожиданно увидев молодую, очаровательную женщину, испугался: «Ведь не могла же прийти такая красавица к какому-то бедному сонби. Конечно, это злая фея!». Он наотрез отказался ее впустить, прищелкивая пальцами, пробормотал заклинание и завопил истошным голосом:

— Ах ты нечистая сила! Как ты посмела сюда явиться? Не смей соблазнять меня!

— Да я обыкновенная женщина! — воскликнула кимсэ. — Видно, вы, юноша, не знаете правил приличия. Разве можно так невежливо себя вести!

Но сколько ни втолковывала она ему, что попала в затруднительное положение, студент трусил все больше. Он никак не мог прийти в себя и только твердил названия двадцати восьми созвездий.

Сон Саиволь ничего не оставалось делать, как усесться у ворот. Дожидаясь рассвета, всю ночь она не сомкнула глаз. А утром открыла окно, стала насмехаться над студентом, осыпая его упреками:

— Жалкий школяр! Неужто ты никогда не слыхал о знаменитой столичной невице Сон Саиволь? Пусть-ка теперь какой-нибудь студент попробует пригласить меня погулять при чистом небе да ясной луне! Я еще погляжу, не такой ли он суеверный невежда, как ты! Промокшая, я умоляла впустить меня погреться на одну только почку. Но ты отказался. Вот уж, право, скучный мужчина! Да погляди ты на меня хорошенько. Разве похожа я на злую фею?

Студенту было очень стыдно. Он краснел и боялся даже глаза поднять на Сон Саиволь. А был этот студент не кто иной, как Ким Еджон, который впоследствии стал гражданским чиновником высшего ранга!

Как принимать гостей

В недавнее время жил один человек, который отращивал себе хорошую длинную бороду. Достатка он был небольшого, однако, когда являлся гость, волею-неволей приходилось выставлять угощение. Вот и сговорился он со своей женой однажды:

— Послушай-ка, не можем мы принимать всех гостей одинаково. Давай условимся так: придет высокий гость, я возьмусь за верхнюю часть бороды, средний — за середку, низкий — за самый кончик. А ты увидишь, за какую часть бороды я взялся, и угощать будешь по чину!

Об этом уговоре между супругами знал и кое-кто из посторонних. Вот приходит к ним однажды гость. Хозяин схватился за кончик бороды. Жена приготовила вино и закуску для «низких гостей». Выпили по три-четыре чашечки, хозяин намекнул, что он, мол, человек бедный, угощать больше нечем, и тут же велел убрать столлик.

Потом пришел другой гость, который знал о бороде и о приходе первого гостя. Хозяин опять схватился за самый кончик бороды.

— Послушай-ка, — воскликнул гость, — а первого-то гостя ты ставил немного выше!

Хозяин не знал, куда деваться со стыда.

Между прочим, оттого нынешние люди и говорят про выпивку — «поддержаться за бороду»!

Длиннобородый и китайский посол

В древности один китайский посол прибыл в нашу страну. «Корея — страна культурная, — размышлял он, — здесь непременно должно быть много людей

выдающихся!» И вот, проезжая по дороге, он стал внимательно приглядываться к встречным.

Случилось это как раз, когда кортеж китайского посла проезжал район Пхеньяна. У дороги стоял какой-то криксистый мужчина. Ростом он был чуть не восемь члок, длинная борода свисала до живота. Словом, вид у него был весьма внушительный. Он сразу привлек внимание китайского посла. Посол хотел было перекинуться с мужчиной словечком, но, не зная корейского языка, решил объясниться жестами.

Он сделал из пальцев кружок и показал длиннобородому. Мужчина без колебаний поднял руки, сложил пальцы углами и построил квадрат. Весьма заинтересованный, посол закивал головой и загнул три пальца. Мужчина сразу загнул пять пальцев. Посол изумился еще более и взял себя за рукав. Длиннобородый немедленно ткнул пальцем себе в рот.

Посол был в восторге. Побеседовав так с длиннобородым, он распрощался с ним и прибыл в Сеул.

— Еще в Китае слышал я, — сказал он кванбану, — что Корея — страна очень культурная. А нынче имел случай убедиться, что это не пустая болтовня. На дороге, где-то в окрестностях Пхеньяна, встретил я одного мужчину. Вид он имел необыкновенный, и я решил испытать его. Делаю из пальцев кружок — небо, мол, круглое. Вот. А мужчина, несколько не колеблясь, показывает из пальцев квадрат — а земля-де квадратная. Тогда я загибаю три пальца — существуют, мол три начала. А он тут же загибает пять пальцев — есть-де пять достоинств. Я трогаю себя за рукав — в старину, мол, говорили, что миром можно править, даже не сходя с места и спустив рукава. А он живо указывает себе на рот — во времена-де упадка пустую болтовню считают делом! И я подумал, что если уж

первый встречный, необразованный простолюдин, так разбирается в сути вещей, то каковы же здесь многочисленные сановники!

Кванбан, услышав рассказ посла, очень удивился, быстро-быстро вызвал того бородача из провинции Хёпнандо, богато одарил его и спросил, что он имел в виду на самом деле.

— Когда посол показал мне из пальцев кружок, — ответил тот, — я сразу понял, что он любит круглые пирожные. Тогда я сделал квадрат — а по мне, мол, хоть побольше бы квадратиков простого хлеба. Как только посол загнул три пальца, я сразу догадался, что он ест три раза в день. Ну, а я загнул все пять — мол, я-то хотел бы есть пять раз в день. Посол ухватился за рукав — ясно, что для него хорошая одежда важнее всего. А я ткнул себе в рот — ну, для меня-то главное — поесть!

Так объяснил свои жесты длиннородый, и все, кто слышал его, громко расхохотались. Китайский посол, однако, ничего не понял.

— Удивительный человек! — воскликнул он в восхищении.

Китайский посол обратил внимание на длиннородого, привлеченный его внушительной внешностью. Но только ли в этом дело? Конечно, нет. Просто он слышал ранее, что Корея — страна культурная, имел предвзятое мнение и по-своему, в столь высоком смысле, истолковал жесты длиннородого.

Камень жизни

В окрестностях одной деревни уезда Асан пара журавлей свила гнездо на большом дереве и высиживала птенцов. Еще до того, как появились птенцы,

озорники мальчишки утащили из гнезда одно яйцо. Они разбили его и увидели, что покрытый пушком, птенец вот-вот готов был вылупиться. Деревенские старики, узнав об этом, обругали мальчишек и велели положить птенца обратно в гнездо. Но птенец сдох. Журавли — и самец и самка, — увидя, что детеныш их погиб, жалобно закричали. Вскоре отец-журавль куда-то улетел, а мать-журавлиха осталась стеречь гнездо. Вернулся журавль только через три-четыре дня. И, удивительно, спустя некоторое время подошедший птенец вдруг ожил и теперь пищал вместе со своими уже вылупившимися братьями!

Один старик пошел и заглянул в гнездо. И что же он видит: лежит посредине прозрачный синий камень! Старик подивился, взял камень и спрятал его в коробку.

Спустя несколько лет сын его, военный чиновник, сопровождая в Китай посла, прихватил с собой этот камень. В Пекине вынес его на базар и стал продавать, чем привлёк очень много любопытных.

— Где это вы его достали? — спросил один купец, внимательно разглядывая камень.

— В журавлином гнезде, — ответил чиновник. Купец покачал головой и предложил ему тысячу монет.

— Я сейчас пойду за деньгами. Заверните хорошенько камень и бережно храните. Ждите меня! — наказал купец и ушел.

Тут чиновник понял, что у него в руках редкое сокровище, и очень обрадовался. Он тщательно промыл камень в чистой воде, почистил его песком, твердым камнем сбил небольшие пупырышки, похожие на дроздовые глазки. Затем завернул его в шелк и положил в резной деревянный ларец. Через некоторое время пришел купец и принес деньги.

— А камень-то потерял всю свою силу! — раскрыв ларец, сокрушенно сказал купец. — Он превратился в пустую безделушку. Чем отличается он теперь от обыкновенной гальки? Экая досада!

Удивленный чиновник спросил, что значат его слова. Купец ответил:

— Камень этот взят из зыбучих западных песков. Его называют камнем жизни. Если положить его на грудь умершего, тот сразу оживет. Но раз камень очистили песком и стерли глазки, чудодейственная сила его пропала. Увы! Впрочем, камень этот все же вещь редкая, из дальних стран. Он не создан человеческими руками. Хоть он и бесполезен, я возьму его, как любопытную вещицу!

И купец дал за камень всего десять монет. Так чиновник вместо тысячи получил только десятку. Не зная достоинств и настоящей цены вещи, он своими руками испортил ее.

Лисий перевал

К югу от Хангана, к северу от Чхонге находится управа Квачхона. И там, где большая дорога позади управы подымается в гору, есть перевал, который зовется Лисьим.

Как-то в старину проходил здесь один путник. Вдруг он услышал звуки: «тук-тук, тук-тук!». При дороге стояла маленькая хижина в два-три кан. Звуки доносились оттуда. «Что бы это могло быть?» — подумал путник. Он вошел в хижину и увидел, что седовласый старик мастерит из дерева коровью голову.

— Для чего вы это делаете? — спросил путник.

— Да уж на что-нибудь сгодится! — ответил старик.

Через некоторое время старик закончил работу и, передавая гостю готовую голову, сказал:

— Моему гостю, наверно, скучно. Попробуйте-ка шутки ради надеть эту голову на себя!

Он дал гостю голову, да еще и коровью шкуру. Считая все это безобидной шуткой, гость снял шляпу, разделся, надел коровью голову, а на голое тело натянул шкуру.

— А теперь попробуйте-ка все это снять! — рассмеялся старик.

Как ни старался гость, все его усилия были напрасны — он превратился в корову. Старик привязал корову на скотном дворе, а на следующее утро сел на нее верхом и поехал на базар продавать. Как раз приближалась весна — время пахоты. Крестьяне, желая купить корову, наперебой набавляли цену.

— Я не корова! Я человек! — кричал несчастный, но его никто не слышал. Только кто-то сказал в толпе:

— Либо у этой скотины теленок дома остался, либо стельная она. А то чего бы ей все время мычать?

Старик долго торговался и наконец продал корову за пятьдесят кусков холста.

— Только смотрите, — сказал он, — не подпускайте эту корову к редьке. Как поест редьки — тут же подохнет. Будьте осторожны!

Новый хозяин возил на корове тяжести, пахал на ней землю. А когда корова начинала спотыкаться от усталости, ей доставались побои. Изнемогая от мучений, корова жаловалась хозяину, но тот, конечно, не понимал ее. А она-то ведь была человеком — самым разумным существом на земле! Потеряв человеческий облик, превратившись в животное, несчастный не мог даже покончить счеты с жизнью. День за днем задыхался горемыка от непосильной работы.

Но однажды хозяйский мальчишка памыл редьки и сложил ее в корзину недалеко от хлева, где стояла корова. Человек сразу вспомнил слова старика, что если корова поест редьки, то тут же подохнет. Решив умереть во что бы то ни стало, он сильно боднул корзину. Редька рассыпалась по земле. Он быстро схватил несколько штук и съел. Но как только он сделал это, коровья голова и шкура упали сами собой, и корова вдруг оборотилась голым человеком! Хозяин сначала страшно перепугался, а придя в себя, стал расспрашивать. И человек рассказал ему все от начала до конца.

Тогда они направились на перевал, чтобы найти старика. Однако ни хижины, ни хозяина там не было. Только под камнем нашли они два-три куска холста! Вот с тех-то пор и стали называть этот перевал Лисьим.

Мудрые люди сказали бы так: «Конечно, рассказ этот — выдумка. Но ведь в нем правдиво показаны отношения между людьми. Очень многие, попав в переделку, теряются, ведут себя неразумно. Если бесчестные люди обманом впрягают их в работу — как, скажем, в этом рассказе, — они всю вину стараются свалить на других. Но — увы! — кто станет им сочувствовать?».

Принял за золото

В Ханяне жил один студент, по прозванию Генерал Хан. Он был очень жаден. Однажды, в начале первой луны, отправился он к себе домой в Наксандон поздравить родных с Новым годом. Проезжая ночью через речку Кэчхон на мосту Инсугё, он вдруг заметил, как в воде что-то блеснуло. Хан остановил коня и обратился к слуге:

— Эй, ты, видишь, там что-то блестит? Наверно, это золото!

— Конечно, золото! — подтвердил слуга. — Только, говорят, золото имеет свойство быстро исчезать. Его надо хватать сразу. Снять бы чамбани, да и прыгнуть за ним!

Эти слова еще сильнее разожгли алчность студента. Он быстро соскочил с коня, скинул чамбани и, плюхнувшись в воду, жадно схватил блестящую вещь. Дрожая за свое сокровище, Хан быстро спрятал его за пазуху, боясь показать даже слуге. Вылез из воды. Одежда его была насквозь мокрой. Торопливо вытащил из-за пазухи свою находку, внимательно рассмотрел: да это вовсе и не золото, а всего лишь собачье дерьмо!

— Эх, — в сердцах воскликнул Хан, — у такого неудачника, как я, и золото превращается в собачье дерьмо! — И он не мог удержаться от горестного вздоха.

На следующую ночь Хан сехал обратно берегом реки и пристально вглядывался в воду. И вот на том же самом месте он снова увидел нечто блестящее. Оказалось: свет в доме на берегу, пробиваясь сквозь щель в окне, отражался в воде!

Образумил влюбленную

Важный саповник Чон Нинджи из Хадона рано потерял отца, жил с матерью-вдовой в бедности и лишениях. Однако, обладая твердым характером и большими литературными способностями, быстро добился успехов в учении. Лицом же он был красив, как яшма.

В юности Нинджи жил один в саране. Уйдя с головой в учебу, до глубокой ночи читал он книги. А за

оградой, в соседнем доме, жила девушка, находившаяся в самом цветущем возрасте. И лицом и станом была она прелестна. Семья ее была богата и знатна. Каждый вечер слышала девушка голос юноши. Наконец, не в силах побороть любопытства, она проделала дырочку в ограде и заглянула во двор. И что же видит: прекрасный юноша звонким голосом читает книгу.

Девушка влюбилась в него без памяти, но юноша не обращал на нее никакого внимания. Однажды она перелезла через ограду, предстала перед Чон Нинджи подкрашенная и напудренная и хотела тут же отдать ему свою любовь. А когда Нинджи, приняв строгий вид, от этого отказался, она дошла уж совсем до крайности. Тогда Нинджи стал мягко увещевать ее.

— Ты ведь дочь янбани, а я еще зеленый мальчишка, и жениться мне все равно рано, — так говорил он ей. — Да и дом наш беден, мать у меня — вдова. Посватайся я, за меня все равно никого не отдадут. Ты, конечно, уже невеста, да еще такая красавица! Матушка-то моя обрадовалась бы, скажи я ей, что хочу на тебе жениться. Плохо ли было бы заключить нам с тобой по закону, как говорится, счастливый союз на сто лет? Но если сейчас не побороть мимолетное чувство и сойти с пути добродетели, то ты все равно не будешь счастлива, а я не смогу считать себя порядочным человеком. К тому же, если мы не поженимся и людям станет известно, что ты уже была с мужчиной, судьба твоя будет загублена. Давай подождем до завтра и скажем родителям. А вдруг обе семьи воспротивятся нашему браку?

Девушка выслушала Нинджи, пыл ее охладел, и она ушла. А он на следующий день все рассказал своей матери, и они вскоре перебрались в другое место, подальше от дома этой девушки.

Переводчик Сип Ынджу — сын Сип Ёна, начальника переводческого приказа. Неоднократно бывал он в Китае и дослужился до больших чинов. Кроме того, он торговал и потому был очень богат. Его отец, Сип Ён, уже не служил — ему было восемьдесят лет, — жил отдельно и мог рассчитывать только на поддержку своего сына. Сам-то Ынджу был хорошим сыном, а вот жена его была женщиной жадной и злой.

Когда в доме варилась еда, Ынджу велел жене посылать и отцу. Но та, договорившись со служанкой, скормливала все своей дочери.

— Свекор хорошо поел, — показывала она Ынджу пустую посуду. — Видите, ничего не осталось!

А тот этому верил. И еще: когда Ынджу каждые три луны получал жалованье очищенным рисом, он непременно приказывал отделять часть риса для отца. А жена его от отцовской доли рис отсынала, в остаток на каждый малъ подменивала по два-три тве песку. Ынджу и тут ни о чем не догадывался.

Однажды Ён зашел к сыну. «День велик, — подумал Ынджу, до ужина еще далеко, а батюшка, наверно, проголодался!»

— Сейчас я должен кое-куда сходить, — сказал он жене. — Отец, паверно, проголодался. Угости его, приготовь закусить и выпить!

Когда Ынджу ушел, Ён стал ждать, не покормят ли его. Но вот уже наступил вечер, а поесть все не предлагали. Тогда, поняв, что невестка угощать его не собирается, Ён взял свою палочку и ушел голодный.

Когда Ынджу узнал об этом, он стал укорять жену. А та разозлилась, замахала руками.

— Да разве могла я допустить такое? Да пусть меня убьет молнией, если я его не накормила! — кричала она.

На следующий день Ынджу отлучился из дома, остались только жена, дочь да служанка. Вдруг черные тучи надвинулись со всех сторон, хлынул проливной дождь, и средь бела дня в деревне стало темно, как ночью. Загрохотал гром, и молния ударила прямо в дом Ынджу. Трижды грохнуло так, будто раскололось небо и разверзлась земля! А затем небо вдруг прояснилось. Когда соседи зашли в дом Ынджу, они увидели, что его жена, дочь и служанка лежат рядышком, голова к голове, и все мертвые. А черепица на крыше целехонька, ни одна не расколота!

— Ынджу был непочтительным сыном! — стали кричать люди. — Он совсем распустил свою жену и дочь. Оттого так и получилось.

В результате Три учреждения во всем обвинили Ынджу, и он умер под палками.

Как сватали мышонка

Тот, кто рассчитывает возвыситься при помощи брака, как правило, терпит неудачу.

В старину у некой пары супругов — полевых мышей было чадо, которое они страстно любили. И вот настало время женить его.

— Эй, матушка! — сказал однажды папаша-мышь, поглядев на мышью-мамашу. — Мы родили нашего сыночка, берегли его пуще золота, пуще яшмы, прекрасно воспитали, и теперь он стал совсем взрослым. Пришла пора женить его. Впрочем, в целом свете не вижу я пары для нашего драгоценного мальчика. Я женю

его только на такой девушке, чья семья не имеет себе равных по знатности!

И с тем папа-мышь отправился сватать сына. А в мире не имеет себе равных лишь Небо. «Породнюсь-ка я с Небом!» — решил папа-мышь.

— У меня родился сын, — обратился он к Небу. — Я лелеял его, как драгоценное сокровище, ни с чем в мире не сравнимое, отлично воспитал. Потому и женить его должен на девушке, род которой не имеет себе равных в мире. А разве есть другой такой род, кроме вашего? Если бы вы согласились, я с удовольствием породнился бы с вами!

— Я простираюсь над землей, создало все сущее в мире, и пет надо мной никого, — ответило Небо. — Но Облако может закрыть мой лик, мне с ним не справиться!

И тогда мышь-отец пошел к Облаку.

— У меня есть сын, — сказал он ему. — Я люблю его, как бесценное сокровище. Он хорошо воспитан. Поэтому хочется мне породниться с семьей, не имеющей себе равных в мире. Говорят, что, пожалуй, только вы непобедимы. Не хотите ли породниться с нами?

— Я могу заполнить собою весь мир, — ответило Облако, — а когда закрываю солнце и луну, все на земле погружается во мрак. Однако Ветер может меня рассеять. Только Ветру не могу я противиться!

И тогда мышь-отец направился к Ветру.

— Своего любимого, единственного сына, — сказал он Ветру, — я хочу женить на девушке из рода, не имеющего себе подобных. Видно, только ваш род таков в поднебесье. Нельзя ли к вам посвататься?

— Я могу ломать большие деревья, — ответил Ветер, — сметать огромные дома, разрушать горы и волновать море. Там, где я пролетаю, — все уничтожаю на

своим пути. Только вот Милосердного Будду, что стоит в поле у Квачхона, мне никак не повалить. Куда мне против квачхонского Милосердного Будды!

Мышь-отец, подумав, что Ветер, наверно, прав, явился к квачхонскому Милосердному Будде и в тех же словах предложил с ним породниться.

— Я возвышаюсь посреди поля, — ответил Милосердный Будда, — пройдут тысячелетия, а я все буду незыблем. Вот только боюсь я полевых мышей: разроют они землю у меня под ногами — я непременно упаду. Могу ли я устоять против полевых мышей?!

Услышав эти слова, мышь-отец немедленно возвратился к себе домой. Он решил, что и в самом деле только его род в поднебесье не имеет себе равных, и женил своего сына на такой же точно мышши-полевке.

А бывает, что и люди тщетно тратят силы в погоне за легкой долей. Разве в этой истории со сватовством мышей они не узнают себя, как в зеркале?

Чон Джадан

Это было время, когда в нашей стране вновь начались гонения на ученых. Многие сонби от отчаяния иногда опускались до лжи и распутства, а иные, чтобы спастись, прикидывались сумасшедшими.

Сонби Чон Джадан, от природы веселый и радужный, был известен как отличный сочинитель прозы и стихов. Но даже и ему случалось притворяться безумцем.

В саду некоего министра росло удивительное грушевое дерево: только с наступлением осени оно густо покрывалось золотистыми цветами.

Однажды ночью Джадан прогуливался с друзьями около этого министерского сада. Светила ясная луна.

— Кто может нарвать груш? — спросил кто-то.

— Я могу! — живо выступив вперед, бездумно воскликнул Джадан.

— Министр — человек очень злой. За малейшую оплошность он забивает своих слуг до смерти. Поймают — беды не миновать! — предостерегали друзья, недоверчиво поглядывая на Джадана.

— А чего мне его бояться? — громко рассмеялся Джадан, сбрасывая с себя одежду.

С мешком в руках перескочил он нагишом через ограду и взобрался на грушевое дерево. Спокойно срывая груши, наполнил мешок. От яркой луны было светло, как днем.

А у министра находился какой-то важный гость. Как раз в это время он захотел полюбоваться луной, и все расположились именно под этим грушевым деревом. Сюда же перенесли и столики, а кисэн стала разливать вино. Вот уж чарка несколько раз обошла по кругу. И вдруг кисэн — она как раз стояла перед гостем и подносила ему вино — неудержимо расхохоталась! Министр страшно разгневался, позвал слугу. Тот грубо подтащил кисэн к министру и бросил ее перед ним на колени.

— Как ты посмела смеяться перед таким высоким гостем? — грозно закричал министр.

— Конечно, я веду себя неприлично, — оправдывалась кисэн, — и надо бы меня строго наказать, убить даже. Но ведь странно, что на дереве сидит какой-то совершенно голый мужчина и подглядывает за нами. Глупый смех невольно вырвался у меня, прежде чем я успела доложить вам об этом!

Министр глянул на дерево, несказанно удивился и приказал человеку спуститься вниз. Джадан спустился

с дерева и, почтительно сложив руки, приветствовал министра. Он нисколько не смутился, держался так, будто вокруг не было ни души. Министр спросил его имя и узнал, что перед ним Чон Джадан. А в то время о замечательных сочинениях Джадана все уже были наслышаны — и знать и простые люди.

— Как ты посмел средь ночи воровать груши в чужом саду? Это же вопиющее беззаконие! — бранился министр. — Ну да ладно, — неожиданно смягчился он, — поскольку ты сонби, придется тебе откупиться стихами!

Он задал Джадану такую строку и приказал сочинить дальше:

Осень прохладу опять
в села несет и в предместья...

Как только прозвучала эта строка, Джадаи тут же закончил стихотворение. Министр и гости очень хвалили его, усадили на почетное место, угощали вином и всю ночь весело развлекались.

Среди стихов, которые сочинил Джадаи, были и такие строфы:

Ночью сидел Су Цзы-чжань,
книгу читал у окна.
Ветер средь сосен свистел,
дождь не стихал над горами.
Осенью той Бо Лэ-тянь
гостя в ладье провожал.
Клены шумели во мгле,
тихо тростник шелестел.

Дальше забыл, не могу вспомнить. У нас на родине очень любят произведения Джадана.

Еще в молодости, когда Джадап выдержал экзамены, он был назначен чиповником в хранилище королевских рукописей. Однажды он ехал верхом по улице Сеула. В одном из домов женщина жарила гороховые лепешки и тут же выкладывала их на столик под окном для продажи.

У Джадана мгновенно разыгрался аппетит. Он спешился и потихоньку подошел к воротам. Незаметно вытащив из штотры камышинку, он ловко подцепил ею лепешку, затем еще и еще. Он стоял, как ни в чем не бывало, и поедал лепешки одну за другой.

Кончив печь, хозяйка вышла на улицу и вдруг увидела пустой столик. Удивившись, она заподозрила соседей, но те сказали:

— У ворот стоит какой-то человек. Не он ли перетаскал ваши лепешки?

Хозяйка схватила Джадана за полу и стала яростно браниться.

— Да, спасибо, спасибо! — дурачился Джадан. — Вы, конечно, хотите угостить меня еще и вином. Но лепешки я люблю, а вот вина терпеть не могу. Отпустите меня, пожалуйста!

Вот таким веселым и добродушным был он всегда. Когда Джадану пришлось отправиться в ссылку, случилось ночевать ему в каком-то доме на берегу реки. Во сне он увидел государя. Взволнованный, Джадан сочинил такое стихотворение:

Я владыку любимого
встретил во сне,
Утомленным, усталым
он был, как и прежде.
Я проснулся, увидел:
лежу у окошка...

Ветер злобно хлестал
 опустевшую реку,
Месяц скрылся в потемках
 за горной вершиной.

А некоторое время спустя Чон Джадан покинул этот мир.

Поэты видят одинаково

В прошлом году я однажды ночевал в храме Сон-чхонджонса. В полночь я вдруг проснулся и услышал звук, напоминающий шум дождя.

— Что это? Дождь? — спросил я.

— Нет, — ответил монах, — это шумит водопад.

И я тут же сочинил такое стихотворение:

В третью луну
 в отдаленных горах
Слышится
 жалобный голос кукушки.
Дремлет отшельник
 среди облачных круч,
Сон не несет ему
 успокоенья.
В полночь, проспавшись,
 услышал он гул:
— Это не дождь ли
 шумит над горами?
— Это не дождь, —
 отвечает монах, —
Это по скалам
 бежит водопад!

Потом пришел какой-то путник и прочел такую строфу из стихов Сонгана Чон Чхоя:

Шум я слышал
 в пустынных горах:

Дождь ли тревожит
опавшие листья?
Вместе с монахом
мы вышли, глядим —
Это ручей
меж деревьев струится!

Говорят, что поэты видят одинаково. Поистине вер-
ные слова!

Неизвестные авторы

Выдал замуж пятерых девиц

У Ли Гванджона, уроженца Ёнана, второе имя было — Докви, а псевдоним — Хэго. В год кею правления короля Сонджо он стал чинса, а в год кёнин выдержал и чиновничьи экзамены. Когда Ли Гванджон стал правителем уезда Янджу провинции Кёнгидо, держал он одного сокола и каждый день отправлял сокольников охотиться на фазанов.

Один раз сокольник отправился на охоту, да и пропал на всю ночь. Вернулся он только утром, хромя на одну ногу. Ли очень удивился и спросил, что случилось. И сокольник, смеясь, рассказал ему вот что:

— Вчера на охоте пустил я сокола, но фазана не взял, да и сам сокол куда-то запропастился. Ходил я, ходил вокруг, искал, искал, а он, оказывается, сидит себе на верхушке дерева перед воротами какого-то дома. Хозяином того дома оказался чвасу Ли. С превеликим трудом подманил я сокола, взял на руку. Тотчас собрался я возвращаться, да вдруг услышал за изгородью

звонкие голоса. Я заглянул в щель. Пятеро бойких девиц, здоровенных, как лошади, сбились в кучу, а потом вдруг ринулись в мою сторону! Вид у них был такой устрашающий, что я испугался — не побиили бы палками! Хотел было спрятаться, да поскользнулся и поранил ногу о камень.

Солнце уже село, становилось темно. На душе было беспокойно. Однако из любопытства я спрятался в деревьях у ограды и стал подглядывать.

«Как скучно! — говорили девицы друг с другом. — Не сыграть ли нам в тхэсу?»

Все дружно согласились. Одна из девиц, с длинными, до земли волосами и увядшим лицом, стала тхэсу. А остальным девушкам выпало быть: одной — чвасу, другой — хёйбаном, третьей — кыпчханом, четвертой — сарёном.

Девушка-тхэсу села на высокий камень, остальные окружили ее.

— Арестовать и привести сюда чвасу! — приказала тхэсу.

Хёйбан тут же вызвала кыпчхана и передала приказ. Та, в свою очередь, передала приказ девушке-сорёну. Сорён схватила чвасу и бросила ее на колени перед тхэсу.

— Брак — дело очень важное в жизни человека, — начала обвинительную речь тхэсу громким голосом. — А ведь твоей младшей дочери уже более двух десятков лет. Сколько же тогда старшим? Почему ты вынуждаешь бессмысленно стариться в девичьей своих пятерых дочерей? Ты что, хочешь сделать их калеками? Да за такое преступление тебя надо казнить!

— Разве я, жалкий простолюдин, не понимаю этого? — оправдывалась чвасу, распростершись в поклоне. — Но хозяйство у меня бедное, а дочерей-то пятеро.

Не могу я сделать им приданое и справить свадьбу. Вот как получается!

— Да если бы ты вовремя позаботился об этом, так нашлись бы и средства. Одежду можно было бы одолжить, а вместо угощения обошлись бы и миской воды. Это не помешало бы брачной церемонии. Так что твои слова не оправдание! — бранилась тхэсу.

— У меня, ничтожного, дочерей не одна и не две. Всем и женихов-то не подыщешь! — продолжал оправдываться чвасу.

— Если бы ты как следует пас сватал, — снова прикрикнула тхэсу, — то уж давно нашел бы женихов! И у всех твоих пятерых дочерей были бы теперь мужья. Говорят, что в такой-то деревне живут чвасу Сон, пёльгам О, чхангам Чхое, в такой-то деревне — чвасу Ан, в такой-то деревне — пёльгам Ким. И у всех у них есть сыновья-женихи. Они могли бы стать мужьями твоих дочерей. И родом они для тебя подходящие. Так что никаких препятствий быть не должно!

— Я попробую действовать по вашему приказанию, — смиренно сказала чвасу, — но они ведь непременно ответят, что, мол, я беден. И ничего из этой затеи не получится!

— Да, уж конечно, ты должен как следует постараться. Стоило бысыпать тебе хорошенько, но, принимая во внимание твое положение, пока прощаю. Живо заключай помолвку и устраивай свадьбу! А не сделаешь этого — будешь строго наказан! — И тхэсу велела увести чвасу.

Все пятеро девиц дружно рассмеялись. Зрелище было поистине забавным. Пока я смотрел, как играют в тхэсу, настала ночь. Пришлось мне остановиться в трактире. Вот только что вернулся!

Выслушав рассказ охотника, Ли Гванджон от души расхохотался. Он вызвал деревенского старосту, спросил его о семье чвасу Ли, о его дочерях.

— Чвасу Ли, — ответил тот, — хоть и является главой округи, хозяйство имеет бедное, сыновей нет, а дочерей целых пятеро. Все они перестарки, по бедности их никак было не выдать замуж.

Ли Гванджон тут же послал чиновника отдела церемоний за чвасу Ли.

— Я позвал тебя, — сказал он, когда тот пришел, — чтобы кое о чем посоветоваться, поскольку ты имеешь опыт службы в деревне.

Потом он спросил о его семье.

— Нелегкая у меня судьба, — пожаловался чвасу, — нет ни одного сына, только пятеро никчемных девок!

— И всех замуж выдал?

— Да ни одной не смог выдать!

— А по сколько же им лет?

Уж и самое крайнее время ушло!

Продолжая расспрашивать, Ли Гванджон выяснил, что все ответы девушки-чвасу в игре, о которой он только что слышал, полностью совпадают с действительностью. Он напомнил чвасу Ли и о женихах в соседних деревнях, о которых говорили девицы:

— Почему ты не посватал дочерей в этих домах? — спросил он.

— Так ведь они не захотят женить своих сыновей на моих дочерях: я человек бедный.

— Я сам выдам твоих дочерей замуж! — заявил Ли Гванджон и тотчас же вызвал тех пятерых чиновников из соседних деревень. — Говорят, что у всех у вас есть взрослые неженатые сыновья, — обратился он к ним, — Так ли это?

— Да, есть.

Они уже помолвлены?

Пока еще нет.

Слышал я, — сказал тогда Ли Гванджон, — что в некоей деревне, в доме у чвасу Ли, пятеро дочерей. Думаю, что и его семья и ваши семьи одинаково родопиты и положение у вас равное. Почему бы вам не породниться? Я сам и сватом мог бы быть и свадебной церемонией распорядиться. Что вы на это скажете?

Все пятеро в нерешительности молчали.

— Ваши семьи подходят друг другу, — продолжал Ли Гванджон, — и раз вы не хотите женить своих сыновей на девушках из хорошей семьи, значит, дело только в их бедности? Что же, по-вашему, девушке из бедной семьи только и остается, что состариться с заплетенными косами, сидючи в родительском доме? Впрочем, я уже огласил помолвку, не осмелитесь же вы теперь возражать! — Он вынул пять листов бумаги, положил перед ними и строго сказал:

— Напишите саджу и подайте мне!

— Почтительно повинуюемся! — с поклоном ответили все пятеро.

Каждый составил саджу и передал Ли Гванджону. А он, узнав возраст женихов, распределил между ними девушек и приказал готовиться к свадьбе.

— Свадебные наряды должны быть приготовлены в домах женихов. Чвасу Ли не смейте беспокоить! — распорядился он на прощанье.

Свадьбу Ли Гванджон приказал устроить не позднее, чем через десять дней. Велел доставить в дом невест тканей, денег и риса из домов женихов, словом — все, что нужно для свадебной церемонии. А в день свадьбы он сам явился в дом господина Ли, распорядился установить ширмы, а всю утварь для церемонии

взять из управы. Во дворе были установлены пять столов, и все пять пар одновременно свершили брачную церемонию. Зрители стояли вокруг стен, и не было ни одного человека, который не восхищался бы поступком Ли Гванджона.

Потомки Ли Гванджона преуспевали в жизни, достигая блестящих успехов на службе. И, как говорили люди того времени, все это происходило потому, что много добрых дел совершил Ли Гванджон в жизни. А сам Ли Гванджон был внесен в списки «Безупречных чиновников» и назначен начальником Ведомства и членом совета Киса.

Наказан розгами

Начальнику Ведомства Хон Увону в юности, еще до экзаменов, случилось отправиться в некую сельскую местность. День клонился к вечеру, а до постоянного двора было еще далеко. Хон Увон добрался до маленькой — в два-три дома — деревушки при дороге, зашел в один дом и попросился переночевать. Хозяин пустил его. А в семье было всего три человека: старики муж с женой да молодая сноха.

— Нынешней ночью надо прилосить жертвы душам усонших родственников, — сказал после ужина старик хозяин, — и нам с женой нельзя не пойти. Молодой снохе придется остаться дома одной. Мне очень неловко, по прошу вас — присмотрите хорошенько за домом! — попросил он Хон Увона. А снохе наказал: — Пока нас не будет дома, изволь позаботиться о госте! — и ушел вместе со старухой.

Сноха проводила стариков, заперла ворота. Затем в маленькой — всего в один кан — комнатушке она

уложила гостя спать, а сама села рядом и стала прясть при светильнике.

Тайная мысль не давала покоя Хон Увону: «Женщина хоть и деревенская, но уж так хороша собой! А дома никого нет, мы вдвоем в одной маленькой комнатушке. Она ведь тоже молоденькая...». И он решил испытать женщину. Притворившись спящим, подвинулся к ней и положил ногу ей на колени. «Измучился, бедный, в дальней дороге. Как спит беспокойно!» — подумала женщина и осторожно обеими руками сняла ногу Хон Увона со своих колен. А он немного погодя опять положил на нее ногу. И женщина снова сняла ее. «Не очень-то решительно она противится!» — неверно истолковав поведение молодой женщины, подумал Хон Увон и в третий раз положил ей ногу на колени.

Тут только женщина и догадалась об истинных намерениях гостя. Она стала сердито его расталкивать, но Хон Увон притворился крепко спящим. И только после того как она несколько раз сильно встряхнула его, он потянулся и что-то, будто сквозь сон, пробормотал.

— Вы ведь янбань и книжки читаете. Должны бы иметь понятие о чести! — воскликнула женщина, подымая и усаживая Хон Увона. — Да вы что, не знаете, как мужчина должен вести себя с женщиной? Родители-то мужа вам доверились, даже присмотреть за домом просили. А вы, затаив на сердце недоброе, так позорно себя ведете. Разве это достойно янбана? Вас непременно нужно побить по икрам. Извольте сейчас же выйти и принести розгу!

Так сурово она его разбранила. А Хон Увон, слушая ее, не знал, куда деваться от стыда, — лицо его залила краска. Убоявшись суровых и справедливых слов этой женщины, он вышел и принес розгу.

— Засучите штаны! — строго приказала женщина.

Хону ничего не оставалось делать, как повиноваться. Сильно отхлестав его по икрам, женщина пообещала:

— Вот вернутся завтра родители мужа, я непременно им все расскажу. А сейчас извольте спать! — И она снова принялась пряхь, как ни в чем не бывало.

— Хорошо ли, гость, отдохнул у нас? — спросили Хона вернувшиеся наутро старики супруги.

А Хон даже и ответить ничего не смог, сидел молча. Тогда сноха доложила им о ночном происшествии.

— Ты честная женщина, я об этом знаю, — сказал старик, — потому и оставил тебя наедине с гостем. Но что ты наделала? У мужчины дрогнуло сердце при виде такой красотки — что ж тут удивительного? Могла бы по-хорошему вразумить его. Как же ты посмела побить гостя?!

Приказав ей заголить икры, он отхлестал ее той же самой розгой, которой она побила Хон Увона.

— Деревенская женщина, — сказал он Хону, — по невежеству своему осмелилась оскорбить гостя. Позор мне!

Хон смущенно поблагодарил хозяина и ушел. В этот день он снова прошел несколько десятков ли. И, когда стемнело, ему опять пришлось зайти в один деревенский дом переночевать. В этом доме жили только молодые супруги.

— Мне по спешному делу надо пойти в одно место, — сказал хозяин Хону, когда они отужинали. — В десятке ли отсюда. Вернусь завтра, рано утром. Надеюсь, гость будет почивать спокойно. А ты, — приказал он жене, — хорошенько ухаживай за гостем! — и ушел.

Комната состояла из верхней и нижней половин, отделялись они раздвижной стенкой. Хозяйка легла на

нижней половине, Хон — на верхней. Он был жестоко наказан прошлой ночью и даже думать не смел о чем-нибудь подобном.

— Эй, гости! — окликнула Хона женщина, как только стемнело. — Наверху неудобно, да и холодно. Идите-ка спать ко мне!

— Да нет, мне не холодно! — ответил Хон, и хотя женщина еще два-три раза звала его, он и слышать не хотел.

Но тут вдруг он почувствовал, что женщина открывает к нему дверь! Он не поднялся, только крепко припер дверь спиной, не позволив ее открыть. Женщина принялась громко стучаться. Она не могла пересилить свою похоть, на все лады соблазняла Хона и даже попыталась раздвинуть стенку. А убедившись, что это ей не удастся, женщина рассердилась.

— Да что это за мужчина? Я таких еще не видывала! — насмешливо крикнула она. — Ну, если не ты, так разве нет других?! — Пнув ногой наружную дверь, она вышла на улицу.

Вскоре женщина вернулась с каким-то проходимцем. Они сразу же принялись распутничать. А потом, уgomонившись, захрапели. Немного погодя появился муж. Он кинулся прямо в свою комнату и зарезал ножом обоих. Потом быстро вышел, встал под окном той комнаты, где спал Хон, и тихим голосом окликнул его:

— Гость, вы спите?

— Кто это?

— Это я, хозяин. Пожалуйста, откройте мне вашу дверь!

Хон, зная, что этот человек только что совершил убийство, сильно перепугался. Но ведь за ним не было никакой вины, и потому он открыл дверь.

— Вы поистине великий человек! — восхищенно во-

скликнул хозяин. — Да много ли найдется молодых мужчин, которые не впали бы в искушение, оставшись вдвоем с молодой женщиной ночью, в спальне, разделенные лишь тонкой перегородкой? А тем более, если женщина их соблазняет? Я давно уже подозревал эту мерзкую тварь. Все хотел поймать с поличным, да случай не представлялся. А вчера, как увидел вас, так и подумал, что, мол, внешность у него привлекательная и эту бабу непременно к нему потянет. Поэтому я нарочно сказал, что ухожу, а сам спрятался под окном и все видел. Эта подлая тварь вас всячески соблазняла, но вы не поддались. Тогда, не сумев обуздать свою похоть, она привела соседского парня. Увидя, как спят эти распутники, в порыве гнева я зарезал ножом обоих. А ведь поддайся вы этой бабе — страшно сказать! — и вам не миновать бы моего ножа! Много видывал я разных людей, но такого благородного, честного человека, как вы, встретил впервые. Теперь вам нельзя здесь оставаться. Идемте, нам надо уйти до свету!

И Хон последовал за этим человеком.

— Я забыл кое-что сделать, — сказал хозяин, пройдя несколько шагов. — Пойду подожгу дом. Подождите меня немного!

Тут же он повернулся и вошел в свой дом. А Хон, решив, что ждать этого человека нет никакой надобности, пошел один. И когда, отойдя немного, оглянулся, — увидел, как вдалеке пламя взметнулось к небу!

Впоследствии Хон Увон держал экзамены, был назначен губернатором провинции Канвондо. Следуя к месту назначения, среди людей, расчищающих дорогу, неожиданно встретил того человека. Он стоял у дороги с метлой в руках. Они побеседовали, вспомнили о прошлом. А после вступления в должность Хон Увон послал ему богатые подарки.

Свинья съела водопад

Некоего человека назначили правителем Чиинна. Был он жаден и жесток с подчиненными. В алчности своей он зашел так далеко, что даже деревья и дикие плоды с гор приказывал тащить к себе. Не брезговал он и овощами с чужих огородов. Не оставлял в покое даже буддийские храмы.

Однажды встретил он монаха из храма Ун-мунса.

— А что, — неожиданно спросил правитель, — ваш водопад у храма в эту пору, верно, очень хорош?

Перепуганный монах, решив, что правитель опять чего-то потребует, впопыхах брякнул:

— Куда там! Его еще летом сожрала дикая свинья!

Горная беседка Хансон является достопримечательностью Квандона. Поэтому повозки и верховые лошади приезжающих на прогулку чиновников скапливаются здесь постоянно. И вот приготовление угощений, подарков, связанные с этим издержки и всевозможные работы так надоели местным жителям, что они стали недовольно ворчать: «Пришел бы однажды тигр да утащил бы куда-нибудь беседку этих бездельников!». А потом слова эти, вышедшие из уст народа, как-то сами собой вылились в стихи:

Вот ведь смогла же свинья
целый сожрать водопад?
Что же беседку Хансон
тигр не утащит от нас?

Если бамбук твой

В старинной деревушке Чуджин жил один человек, которого называли сонсэн Ун Су. Был он со странностями. Построил себе здесь крытый соломой домишко в два-три кан, по примеру Тао Юань-Мина выращивал хризантемы, а в пруду, будто Чжоу Мао-шу, разводил лотосы. Ун Су очень любил природу. Он срывал банановые листья и кормил ими оленей. Он приручал журавлей, бросая им сосновые семена. Временами, праздно развались, читал Ун Су главу «О продлении жизни» Чжуан-цзы либо цитировал «Рассуждения об удовольствиях» Чжун Чжан-туна. Любил он свежий ветерок по утрам в саду, вечерами любовался опускающимся за вершины гор солнцем.

Шляпа соломенная одна —
это лесной отшельник.
Множество чайничков,
полных вином, —
Это даос
захмелевший.
В небе пустынном
сверкает луна,
Мчит
журавлиная пара...
Дерево персика
в зелени все...
Сколько цветов зацвело!

Вот даже и в стихах говорится, что, покинув суетный свет, как это сделал Ун Су, можно попасть в совершенно иной, неземной мир. А еще раздобыл где-то Ун Су необыкновенный бамбук и посадил его у себя в саду. Колена бамбука были причудливо изогнуты, каждый побег кривился как-то по-особенному. И если был он вывезен не из Цзяюй, то уж непременно из Аншаня!

Ун Су неустанно над ним трудился — унавоживал, окучивал, подрезал. День и ночь любовался он бамбуком, на все лады его лелеял.

Ясной ночью
чист его шелест,
Душным летом
он свежесть приносит!

Красота-то какая! Да можно ль без такого друга прожить хоть один день?

Без еды —
человек похудеет,
Без бамбука —
душа оскудеет...
Будет пища —
он вновь пополнеет,
А бездушье —
оно не исчезнет!

А еще Ун Су любил цветы сливы, как Линь Бу. Подобно господину Ли, обожал он необыкновенные камни!

И вот этот самый бамбук вдруг пророс сквозь ограду и пустил побеги в чужом дворе. Разрастаясь мало-помалу, новая поросль оказалась еще лучше, чем была у Ун Су.

А вообще-то Ун Су был человек туповатый и не сразу сообразил, что к чему. Но потом вдруг его пробрало.

— Семена-то ведь мои, — сказал он соседу, — и как же это получается, что владеешь бамбуком ты? — И, отыскав столь веский довод, Ун Су вознамерился было срезать соседский бамбук.

— Семена, конечно, твои, — возразил ему, однако, старик сосед, — но ведь они проросли в моем дворе. Чей же может быть бамбук, как не мой?

Так, препираясь друг с другом, уподобились они княжествам У и Чу, оспаривавшим шелковицу, что росла на границе. Ссорились они, будто Юй и Жуй из-за пограничной грядки. И трудно было разобраться, кто из них виноват, кто прав. Кто мог разрешить их спор? Сцепившись, как птица-рыболов с моллюском, они не могли оторваться друг от друга. И хотя прошло уже полдня, конца сражению было не видать. А ночью Ун Су все-таки срезал бамбук у соседа.

После этого случая прошло, пожалуй, около года. И вдруг соседский бык покрыл корову Ун Су. Когда корова отелилась, мигом прибежал старик сосед, схватил теленка на руки и понес к себе.

— Ты что же это средь бела дня хватаешь чужого теленка? — рассвирепел Ун Су.

— В прошлом году, — спокойно возразил сосед, — ты срезал на моем дворе бамбук, который вырос из твоих семян. Ну что же, пожалуй, ты был прав. Этот теленок — от моего быка. Разве не справедливо, что я беру его?

И тогда они пошли с жалобой в уездную управу.

— У каждой вещи есть свой хозяин, — решил правитель, — и если хозяин потерял ее, то она должна быть ему возвращена. И бамбук и теленок возвращены каждый своему хозяину. На что же вы теперь жалуетесь?

Лим Дже

История цветов

Фамилия Доблестного царя государства Глиняный Горшок была Слива, имя — Цветок, а второе имя — Первый по весне. Был он родом с гор Лофу. Один из его предков — Чернослив — оказал помощь династии Шан: при государе Гао-цзуне он служил приправой к царской похлебке, что варилась в котле, и за эту заслугу был пожалован уделом в Глиняном Горшке. Потомок рода Сливы из позднейших поколений был отвергнут чуским сановником Цюй Юанем, который в своей поэме «Лисао» назвал все цветы, кроме него. Тогда этот потомок поселился за стенами города Дом, потому-то все его правнуки здесь и живут.

Прошло несколько поколений, и вот старый князь Кратегус взял в жены дочь господина Улинского Персика. Она родила ему трех сыновей (в «Шицзине» сказано: «Плодов у персика три»). Доблестный царь был старшим из них. Госпожа Персик от природы была

красива и добродетельна и в день свадьбы навела порядок в своем доме. За это поэт восславил ее в стихах:

Персик прекрасен и нежен весной —
Ярко сверкают на солнце цветы.
Девушка, в дом ты встунаешь женой —
Дом убираешь и горницу ты ¹.

Однажды госпожа Персик увидела во сне, будто гуляет она у Яшмового пруда и Ванму дарит ей ветку с алыми плодами. Она проглотила их и зачала. В тот день, когда пришло ей время родить, дивный аромат разлился по дому и не пропадал целый месяц. Люди говорили: «Благоухающее дитя родилось». Сын вырос и расцвел. По природе и свойствам этот цветок был истинное дитя своих родителей, безыскусственный в своей внешней белизне. Он обладал изящной наружностью и сумел унаследовать славные дела своих предков. До близких и дальних донесся аромат его цветения, все оказалось под его влиянием, и не осталось таких, которые не пришли бы к Сливе, поддерживая старцев и ведя за руку детей.

К этому времени тирания Снега стала нестерпимой, и все живое под небом возронтало. Тогда владетель Одинокый Бамбук и сановник Сосна, «Пожаловавшая государем Цинь», выдвинули цветок Сливы и возвели его на престол. Государь установил столицу в городе Дом, а царству дал название Глиняный Горшок. При нем царила стихия дерева, вторую луну — время цветения сливы — он сделал началом года, число пять использовал как главное (в основу счета была поло-

¹ Перевод А. А. Штукина.

жена пятерка, потому что у цветка сливы пять лепестков), и выше всех цветов ставил белый.

В начальном году правления под девизом «Цветущее спокойствие», зимой, в двенадцатой луне, государь, подобно Божественному земледельцу Шэнь-пуну, ввел обычай приносить жертвы всему живому; он хлестнул красным бичом и узнал, какие травы вредны, а какие полезны. Начальный год правления называл «Цветущее спокойствие», при этом двенадцать дней считал за целый год, а день называл луной в соответствии с принципом, о котором в «Шицзине» сказано: «Месяцы стали как дни», — и в дальнейшем все пошло по его стопам.

Во втором году правления под девизом «Цветущее спокойствие» царь взял в жены госпожу Корицу и сделал ее государыней. Родом государыня была из Лунного дворца. Она отличалась спокойным нравом, обладала чистотой и целомудрием, слыла искусной рукодельницей, и когда она стала государыней, люди сравнивали ее с чжоуской Тай-сы.

Подданный-историк замечает: «Процветание и гибель правящей семьи или царства начало берут от мужа с женой. «Шицзин» воспевает признак обновления царства благодаря образцовой государыне, чей образ явлен в песне «Стебли простерла далеко кругом конопли». Пророчества же говорят о признаке гибели правящей семьи из-за дурной государыни, чьи дела предсказаны в песне «Лук из горного тута и колчан из стеблей травы в самом деле погубят царство Чжоу». У царя владения Глиняный Горшок была мать Персик, да еще он полу-

чил в жены Корицу. Воистину ему должно было возвыситься!».

На третьем году правления государь пожаловал Черному Бамбуку должность первого министра.

Второе имя Бамбука — «Этот владетель», как некогда называл его в стихах Ван Си-чжи. Родом он из области Сян, что в княжестве Чу. Бамбук был спокоен в своем зеленом убранстве, полный внутри и потому бесстрастный сердцем, прямой и честный, он не имел желаний, был чист душой и себя умел соблюсти. Прозвали его «Все постигший отшельник». Еще в детстве он переселился с реки Сян в княжество У и стал любимым другом всех игр государя — его бамбуковой лошадкой. Даже Снег, прослышав о его мудрости, пожаловал ему титул «Владетеля Одинокого Бамбука» (в танских стихах об этом сказано: «Студеный снег бамбука наградил»), однако Бамбук отказался от титула. Как только Снег поднял мятеж, он тотчас же выступил перед князем Глиняного Горшка и сказал ему: «Снег очень жесток и приносит много зла народу. Вой его ветров всех заставляет дрожать от страха. Травы захирели и увяли, подданные мерзнут и голодают. Повсюду в Поднебесной только и слышны стенания погибающих. В Среднем царстве с надеждой ждут сияния радуги среди туч. Хотя у Снега несметные богатства — дворцы из жемчуга и залы из нефрита, вот-вот можно ожидать его гибели. Князь, вы, обладая силой воли, источаете несравненный аромат, выдающиеся мужи смотрят на вас с надеждой. Если сейчас вы из своего дома кликнете незаурядных людей, разве откажется прийти хоть один из них? И я, ваш слуга, хотел бы достичь хоть чего-то и

оставить память о моем имени и скромных заслугах на бамбуке и шелке».

Государь Слива был очень доволен и не отпускал Бамбука от себя никуда, говоря: «Без этого владельца не обойтись мне и дня!».

Государь назначил его первым министром и дополнительно пожаловал ему тысячу дворов (есть стихотворение в прозе, а в нем сказано: «А дому Бамбука пожалована тысяча дворов»).

Подданный-историк замечает: «В древности, когда возвышались владыки или цари, у них непременно бывали достойные помощники. Действительно, шанский Тан помощь имел от И Иня, который нахал землю в Синье; циский Хуань — от Гуань Чжуна, ханьский Гао — от Сяо Хэ, а Чжао-ле — от Чжугэ Ляна. Они встретились друг с другом, как лодка с рекой, как рыба с водой. Государь может требовать от своих помощников успехов, а подданные сумеют до конца проявить чистоту преданных и искренних людей лишь в том случае, если те, которых используют на службе, не ведут себя двоедушно, а назначенные на должность, не вызывают подозрений. Только тогда все дела в государстве увенчаются успехом, а царское имя прославится.

Царь Глиняного Горшка всего один раз услышал речи Бамбука и сразу понял, что тот обладает талантом служить истинной опорой престола. Он назначил его военачальником, целиком полагаясь на его достоинства. Здесь видна недюжинная мудрость государя, который многое сумел совершить; разве это не превосходно? Из этого ясно, что цари последующих поколений, которые стремились навести порядок в государстве, не назначая на должности мудрых помощников, ничем не

отличаются от тех, кто пытается ловить рыбу на деревьях!».

В четвертом году правления под девизом «Цветущее спокойствие» Сосна и Кипарис наконец одержали полную победу над Снегом и за это были пожалованы великими воеводами.

Второе имя Сосны, «Пожалованной государем Цинь», было «Густая». Ее предок получил от первого императора Цинь титул сановника — вот откуда взялось ее имя. Росту она высокого, но согнулась от старости, носила темную бороду, колючую, похожую на трезубец. Она обладала стойким характером и потому всегда могла служить доброй опорой царскому дому. Даже после того, как все вокруг увяло, Сосна и в одиночестве оставалась неизменной. В эти тяжелые времена только она да Кипарис продолжали честно нести свою службу на границах государства, ни днем, ни ночью не покидая своего поста.

Как-то Снег на своей колеснице ночью неожиданно напал на город Дом. Оба отважных воеводы надели латы, натянули луки и подняли ввысь свои ветви. Вот так, вздымаясь над каменными стенами, встретили они врага. Их громкий клич и величественная осанка так устрешили Снег, что он подъехал к степам города на своей белой колеснице, запряженной белыми конями, и безропотно сдался. Остальные мятежники были укрощены и повсюду установился порядок. В тот же день на бамбуковых рожках по всему царству протрубили победу и доложили об этом государю. Государь очень обрадовался и пожаловал Сосне звание иянского воеводы, а Кипарису — суншаньского воеводы (говорят,

что в Ияне растет могучая сосна, а в Сушпани — кипарис-богатырь).

Кипарис Прямой — родом из Вэй, второе имя его — «Приятный». По природе он прям и плодов имел много. Скромный по натуре, Кипарис никогда не хвастал своими заслугами. Даже одерживая победы над врагами, он каждый раз отказывался от почестей в пользу Сосны. Люди говорили, что у него манеры «воеводы большого дерева».

Государь издал указ о пожаловании титулов Оливе, Камелии, Гардении, Старой Сосне и Пальме.

Когда Снег поднял мятеж, почти всех сановников двора окружили враги. Олива, Камелия и другие тоже оказались в кольце разбойников, угроза была велика, но они смело выдержали натиск, даже в лице не переменились, и разбойникам пришлось отступить. Государь был очень доволен и, хваля их стойкость, повелел каждую из них повысить в чине на одну ступень.

В пятом году правления под девизом «Цветущее спокойствие», весной, во второй луне, государь возвел в ранг удельных князей своих родственников. Как великий император Шунь, он возвел старшего брата Пестика в сан великого князя удела Би. Младшего — Венчика — сделал князем области Ян, где некогда поэт Хэ Сунь любовался цветением слив. Двоюродному брату — Цветоножке — пожаловал титул князя озера Сиху. Здесь когда-то поэт Линь По насадил вокруг дома сливовые деревья и воспевал их цветение. Племянника — Благоухание — государь сделал князем реки Ба: однажды на ее мосту сам Мэн Хао-жань сложил стихи о сливе. Остальным родственникам даны были титулы князей второго и третьего рангов — всех их не перечесть.

Царский указ гласил: «Увы! Мне даны всего один корень и слабый ствол! Я унаследовал славные дела своих предков и сумел обновить старое царство и паи былой аромат. И вот владею миром — как будто упавшее дерево снова дало росток и высохшая тыква вновь пустила плети. Я ввел законы о пожаловании уделов, дал во владение выделенные вам земли; ступайте каждый в свой удел. Но берегитесь, чтобы земли ваши не поросли сорняками! Да будут крепкими ваши корни, пусть вечно произрастают ваши ветви, пусть во веки веков благополучие воцарится на землях ваших!».

На шестом году правления, зимой, в десятой луне, государь Слива отправился на прогулку в У, поднялся на гору в беседку Цзинтин и велел варвару играть на свирели циньские напевы; государь заслушался, но сильный порыв ветра заставил его укрыться во дворце. Он занемог и решил совершить омовение, но не дожид до рассвета следующего дня — скончался, опал. (В стихотворении Ли Бо сказано:

Слышу, варвар играет
на нефритовой флейте,
Половина всех песен —
из Циньского царства...
Свет десятой луны
над горами Ушань,
На беседку Цзинтин
слива цвет свой роняет...)

Государыню Корицу еще в молодости подточили черви, и потомства у нее не было. (В стихотворении Ли Бо сказано об этом:

На червивой корице
не плоды — пустоцветы.)

Тогда Бамбук возвел на престол младшего брата государя, князя области Ян. Это был цветущий царь владения Восточный Глиняный Горшок.

Подданный-историк замечает: «Увы! славные достоинства Доблестного царя цвели пышным цветом. Он взял на службу мудрого первого министра — и в царстве утвердился порядок, дал должности храбрым генералам — и никто не осмеливался тревожить границы государства. Он совершенствовал нравы, не наказывая, побеждал, не предпринимая военных походов. Государь всегда жаловал родственников — и тем умножал любовь и милосердие, хвалил добродетельных и верных престолу — и тем утверждал свое нравственное влияние. Даже не скажешь, что идеальное правление древних династий Инь и Чжоу было совершеннее. Но Доблестный царь основал государство в ту раннюю пору, о которой дошли лишь скудные сведения, и провел на престоле немногие годы. Так мало из его прекрасных речей и благих деяний можно узнать из книг, написанных на бамбуковых дощечках! Разве не жаль?».

Царство Восточный Глиняный Горшок

Цветущего царя звали Венчик. Он был третьим сыном старого князя Кратегуса (владелец Би — Пестик — рано скончался, поэтому и не стал государем).

Еще в детстве Доблестный государь, играя с братьями, нарвал листьев утуна и пошутил: «Этим я жалую вас!». Когда государь вступил на престол, он сразу же выбрал самые тучные земли Поднебесной и, разделив их, пожаловал двум своим братьям. Князя области Ян государь особенно любил. Он каждый день приходил во дворец, и они вместе поднимались на башню

Цветочного Венчика, пировали и веселились. Государя Доблестного звали Цветок, а Цветущего — Венчик, поэтому башне дали их имена.

Провожая брата в жалованные земли, государь подарил ему стихи о разлуке:

В радости
 соединяем ветви,
В горести
 роняем лепестки.

Вот как искренне они любили друг друга!

В начальном году правления под девизом «Равновесие и гармония», весной, во второй луне, государь перенес столицу в Восточные истоки. Тогда первый министр Бамбук доложил государю: «Покойный государь, основав династию, построил столицу в этом прекрасном городе. У него есть естественная защита от врагов, а вокруг — плодородные нивы. Правда, земли здесь маловато, но столицу должно было основать именно в этом месте. Не таковы Восточные истоки. На новую столицу легко могут напасть враги, а ведь известно, что только столица, обладающая достоинствами, будет процветать, если же у нее их нет, она легко погибнет. Теперь обратимся к древности. Во времена Чжоу, например, после того, как столицу перенесли в Дунду — Восточную столицу, несчастья одно за другим обрушивались на страну. И в правление династии Хань, когда столицей стал город Дунцзин — Восточная столица, повсюду в царстве начались мятежи. Эти примеры могут послужить уроком!».

Но государь и слушать его не стал. «Я хочу пере-
ехать на восток. Разве можно жить в таком захолу-
стье?» — твердил он.

И с этого дня столицу перенесли, а царство называли Восточный Глиняный Горшок. Первая луна стала началом года. Старому князю Кратегусу посмертно дали титул Великого государя, а по всей Поднебесной объявили амнистию.

В третьей луне государь отправился в Восточную палату и сам экзаменовал на чин Хэ Суня, Мэн Хао-жаня, Линь По, Су Ши. Заглянув в сочинение Линь По, государь прочел:

Тени косо легли вдалеко
у прозрачной воды.
И плывет в темноте аромат
при вечерней луне.

Прочитав эти строки, государь вздохнул: «Да, истинные такие таланты способствуют расцвету государства!» — и объявил Линь По первым среди экзаменовавшихся. В знак его победы сломали ветку цветущей корицы и украсили голову победителя цветами. (Все четверо писали стихи о сливе, но при обсуждении лучшими были признаны стихи Линь По.)

В третьем году правления уволили в отставку Бамбука. Первым министром назначили Сливу по имени Нефритовая Звезда. Мечтая захватить власть при дворе, он послал Бамбуку насмешливое письмо: «Как четыре времени года уходят, сменяя друг друга, так уйдет и тот, у кого есть заслуги!». Бамбук понял смысл этого письма и в тот же день, надев соломенные сандалии, с бамбуковым посохом в руке вернулся в свою хижину, крытую травой. Остаток жизни он решил провести среди сосен,

вблизи родовых могил. Перед тем как отправиться в путь, он написал стихи для Сосны и Кипариса, а в них было сказано:

Сосна и кипарис
сильны, вольнолюбивы, —
Как жить им
рядом с персиком и сливой?

Министр Слива об этом узнал и, разозлившись, наклеветал государю: «Бамбука называют совершенно мудрым, а он втайне держит у себя войско, и я подозреваю, что он вам неверен». (Ли Чэн в эпоху Тан был ложно обвинен в том, что прятал войско в бамбуковой роще.) Государь поверил клевете и изгнал Бамбука в Хуанган, где издавна жила вся его бамбуковая родня. Слива был возведен в сан первого министра.

Второе имя Сливы — Звезда (Нефритовая Звезда — название пятой звезды Большой Медведицы. Это символ чистоты сливового цвета). Он вел свой род от коварного министра Танского Китая Линь-фу, по фамилии Ли — Слива, был подозрителен и очень хитер. Люди говорили, что у Сливы характер его предка.

Подданный-историк замечает: «Если у государя появляется склонность к излишествам, на государственные посты выдвигаются низкие люди. Если советы по-настоящему преданных подданных встречают враждебно, то благородные люди уходят в отставку. Разве может не увидеть в этом предостережения для себя тот, кто стал государем? Некто спросил у меня: «Черный Бамбук был старейшим в государстве, а вот услышал насмешку в суждениях Сливы и, поразмыслив, уйти или остаться, ушел, даже не дождавшись конца дня. Не поступил ли он как вспыльчивый человек?». Я ответил: «Нет! Разве Черный Бамбук принял свое решение из-за

одного только намека Сливы? Наверно, это произошло потому, что Слива воспользовался благоприятным случаем в самом начале, когда государь решил перенести столицу, и оклеветал Черного Бамбука под видом честного увещания государя. Вот потому он и ушел». Разве эти дела при дворе не напоминают нам строки из «Оды о клеветниках» в «Шицзиие»?

Причудливо вьется прекрасный узор —
Ракушками тканная выйдет парча.
Смотрю я на вас, мастера клеветы!
Давно превзошли вы искусство ткача¹.

А разве Черного Бамбука не оболгали, как в той давней истории, где человека так оклеветали, что даже любящая мать поверила в его вину, и вот Черный Бамбук, подобно Конфуцию, предпочел уйти из-за малой провинности, чем удалиться просто так, ни с того ни с сего».

В четвертой луне убили придворную даму Персик — «Прекрасную, нежную».

Государыня — госпожа Слива — была любимицей царя. Но вот во дворце появилась «Прекрасная, нежная», ярко засверкала ее красота. Государыня сразу возненавидела ее и от этого даже занемогла. Государь был раздосадован, но, чтобы утешить сердце государыни, пришлось отдать ему повеление убить «Прекрасную, нежную».

В этой же луне супруга государя тяжело заболела и скончалась во дворце Весенних трав. Государь горевал

¹ Перевод А. А. Штукина.

о покойной бесконечно, целыми днями он в бамбуковой кумирне курил благовония ее духу и все время думал только о ней. Государыня была младшей сестрой первого министра — Нефритовой Звезды. А ведь еще прежде, когда государь только воспел в стихах изящество Сливы, Бамбук увещевал его, говоря, что не годится брать жепу одной с ним фамилии, но государь не послушал его и сделал Сливу государыней. Слива обладала мудростью и многими достоинствами. Как-то раз государь подарил ей прекрасную жемчужину, необычайно крупную, но она отказалась и не взяла ее. Вот какая она была. А когда государь полюбил знатную даму Тополь, то Слива, потеряв его расположение, скончалась от горя. Государь скорбел о ней и сам сочинил эпитафию.

Государыней сделали знатную даму Тополь. Она была красавицей, и люди прозвали ее «Спящая роза». Любовью царя пользовалась и «Летающая ласточка», которая отличалась необыкновенной грациозностью и прекрасно танцевала.

Белый Махаон сочетался браком с царевной Долголетний Тополь. (Белый Махаон — другое название мотылька. В Шоуяне некогда делали украшение из цветов сливы для обитательниц женских покоев, а один поэт, кореец, написал стихи, где есть такие слова: «В покоях повобрачных стал мотылек женихом!».)

Второе имя Белого Махаона было «Порхающий», родился он в «Саду лаковых деревьев», где некогда служил тот самый Чжуан-цзы, который никак не мог понять, то ли ему снится, что он мотылек, то ли мотыльку снится, будто он Чжуан-цзы. Он был необыкновенно

легкомысленным и всегда носил только белое платье.

Правителем Золотой крепости был назначен Тополиный Пух. Второе имя его было «Белый цветок», и приходился он двоюродным братом самой госпоже Тополь. С юных лет Тополиный Пух был бродягой, нарушавшим все законы, хаживал в места развлечений, и распутники считали его своим главой. Люди того века, глядя на него, говорили: «Как в древности Чжан Сюй славился своей душевной красотой, так нынче у нас Ян Сюй — Тополиный Пух — знаменит своим беспутством!». Как свойственник государя, он получил хорошую должность в большом округе, высокие посты были пожалованы всем его близким родственникам. Дом его блистал. Краткий расцвет могущества этой семьи можно сравнить лишь с возвышением танского Го-чжуна.

В пятой луне бывший министр Бамбук скончался в изгнании. И Сосна и Кипарис были в это время уже в ссылке — пали старые и преданные престолу сановники Глиняного Горшка. Вскоре уж ни одного не останется!

Подданный-историк замечает: «По природе своей царь был скромн и прост и править начал мудро, но вот когда Слива стал первым министром, а супруга Тополь завладела сердцем государя, воля его стала слабеть. Сперва государь поощрял строительство — тогда возвели Великую стену, устроили сады, соорудили дворец «Рассеянный аромат», сделали чашу для собирания росы. Прежде, когда только перенесли

столицу, царский дворец был крыт камышом, а его ступени насыпаны из земли. Ныне же террасу украсили жемчугом, а ступени сделали из нефрита. На всем заметны были следы необычайного расточительства. Подданные — от высших до низших — один перед другим старались следовать только моде, пышность и благоухание ценились превыше всего. Льстивым оказывали покровительство, смотрели косо на тех, кто старался сохранить собственный аромат. В годы под девизом «Равновесие и гармония» управление пришло в упадок».

В четвертом году правления Желтые Осы — любители меда родом из пещеры — собрались в шайки и подняли мятеж. Желтые Осы были особой ветвью племени сюнну. Они двигались в Срединное государство с гор Куньлунь и неожиданно появлялись даже в самых уединенных местах в горных ущельях. Разбойников этих называли «Внезапно нападающими». Их атаман был весьма искусен в военном деле, дважды в день он объезжал свои лагеря и поддерживал в них строгую дисциплину. Разбойники умело обращались с оружием, их шайки поднялись повсюду роем. Уходя из городов, они грабили все подряд, а захватив, первым делом укрепляли стены. Люди боялись их копий-жал и не смели сопротивляться.

Кукушка, владетель Шу, объявил себя императором, а некто Пион из области Ханчжоу самовольно занял царский престол и свою династию назвал Лето.

Белый Махаон совершил преступление и был казнен. Махаон умел хорошо танцевать, и государь его за это очень любил. Тогда он представил ко двору своего друга — певца Иволгу, которого прозвали «Княжич в золотистом платье». Голос Иволги был чист и так хорош,

что им можно было заслушаться, и государь полюбил его всей душой. Каждый день певец Иволга веселился и пировал во внутренних покоях дворца в компании с постами, гетерами, актерами и разными бездельниками. Он умел исполнять лучшие напевы того времени — «Нефритовые деревья» и «Цветы в женских покоях». Эта пара всегда была возле государя, и люди говорили о них: «В желтом платье — княжич, а в белом — нефритовый баловень». Махаон, завладев любовью государя, стал заносчивым. Вместе со всей своей компанией он шатался по дворцовым флигелям и даже оставался на ночь в женских покоях. Но тут открылось, что придворные дамы Маковое Зернышко, Недотрога и Петушинный Гребешок предалися распутству, а Махаон был у них вместо сводни. Он понял, что не избежать ему за это наказания, и тут же вместе со всей компанией перепрыгнул через дворцовую ограду и бросился бежать, но сторож при дворцовых воротах Паук изловил их в паутину и придушил. (Люди того времени Паука прозвали стражем-охранителем.)

В третьей луне за совершенные преступления был смещен с должности и погиб первый министр Слива.

После смерти государыни любимой женой стала знатная дама Тополь, а министр Слива потерял свое бывшее могущество. Он злобствовал, недовольный, и государь, узнав об этом, повелел отстранить его от должности, а после послал ему приказ покончить жизнь самоубийством.

Летом в четвертой луне разбойники из пещеры напали на Восточную столицу. «Летающий полководец»

Слива атаковал их, по потерпел поражение и был взят в плен. Тогда правитель Золотой крепости Тополинный Пух послал тысячу с лишним человек под командой своего военачальника Урагана. Ураган разметал по сторонам и уничтожил всех разбойников. За это государь пожаловал Тополиному Пуху звание генерала. Он стал укрепленным лагерем среди тонких ив. Иволга часто навещал его здесь.

Тополинный Пух в душе был неверным подданным. При дворе он постоянно соперничал со Сливой (об этом сказано у Ли Бо:

Тополь и слива
весною — соперники),

но из страха перед государыней никто не осмеливался даже заикнуться об этом. Тогда родственник государя военный начальник уезда Наньчан Сливовое Счастье подал государю такую грамоту: «Я вижу нынче предвестников смуты и гибели. Ростки травы так же опасны для многоярусной башни, как огонь для дров, как ураганный ветер для гладн озера. Теперь темное и светлое начала утратили равновесие, ветры и дожди бывают не вовремя. Случаются удивительные вещи: на деревьях появляются человеческие лица, вырастает трава, похожая на древко флага. Что значат эти знамения? Генерал Тополинный Пух занимает пост первого министра. Он связан родственными узами с государыней и, пользуясь своим положением, совсем распоясался. Кичась былыми заслугами, он ведет себя надменно, заносчиво. Беда близка, со дня на день может начаться смута. Вы, государь, не видите ее признаков, но я хочу, чтобы вы постарались вникнуть в ее предзнаменования. Еще я хочу обратить ваше внимание на то, что у вас нет хороших военачальников, а за пределами

государства много врагов. Вот владетель Шу объявил себя императором, а Пион из Летнего царства превысил свое положение вашего подданного. Стали непочтительными любители меда из пещеры — они осмелились отложиться от нашего государства. Это значит, что наша страна в большой беде, несчастья проникли даже во дворец. Вы, государь, должны заранее принять меры, чтобы потом не каяться. Я, ваш подданный, притулился у мудрого двора государева, дождями и росами изливалась на меня ваша благосклонность. Я вкушал от ваших милостей и потому теперь, не в силах совладать с искренними чувствами, решился изложить свои мысли. Почтительно осмелюсь надеяться, что совершенномудрый государь снизойдет до моего недостойного послания».

Сливовое Счастье доложил это письмо государю, но тот оставил его без внимания. Тогда он, уверенный, что скоро вспыхнет мятеж, переменял фамилию и имя, назвавшись Желтая Слива (в горах есть дерево с желтыми цветами. Оно расцветает ранней весной, в простонародье его называют Желтая Слива), бежал в горы и остался там.

В пятой луне (в тексте ошибка. Нужно — год) Тополиный Пух послал своего военачальника Урагана убить государя в крепости у реки.

Ураган был родом с горы «Ветер пустынных просторов». Он был одной фамилии с государями Цинь и вел свой род от самого Повелителя Ветров. Ураган обладал необыкновенной силой — мог сломать дерево и даже снести дом, а от громоподобных звуков его голоса за смертью падала тысяча человек. Вот за это и сделал его Тополиный Пух начальником дворцовой гвардии.

Солдаты и офицеры этой гвардии стояли, как лес, а нападали, будто ливень. С ревом ворвались они в Восточную столицу и, словно смерч, перевернули там все сверху донизу. Государь выскочил из дворца и помчался в крепость у реки, там в пятой луне он и умер — опал. (В танских стихах есть строки:

В пятой луне,
в крепости возле реки,
Слива роняла свои лепестки.)

Вместе с государем погибли сотни чиновников. Супруга Тополь выбежала за ворота города, но нечаянно упала в грязь и увяла.

Так, от государя Доблестного до государя Цветущего царство Глиняный Горшок просуществовало всего одиннадцать лет и погибло. Ураган выдул потом из царства самого Тополиного Пуха, а на престол возвел Пиона, который стал называться Пышным государем царства Лето.

Подданный-историк замечает: «Цветущий государь перенес столицу на восток, при этом он, конечно, думал о процветании государства. Однако распутство и расточительность в конце концов погубили царство. Понистине, Бамбук предвидел все точно, будто прорицатель».

А еще историк говорит: «Все правление Цветущего государя удивительно напоминает царствование Танского Сюань-цзуна. Коварная Слива похожа на Линь-фу, а Тополиный Пух своим неистовым нравом сходен с Ян Го-чжуном. Нашествие любителей меда из пещеры можно было уподобить вторжению туфаней, а действия Урагана — мятежу Ань Лу-шаня. Отстранение супруги Сливы и страсть к госпоже Тополь, просвещенное правление вначале и последующее падение нравов напоминают годы правления под девизом кай-юань и смуты

годов тянь-бао. В чем причина такого сильного сходства? Быть может, вот в чем: в одном году двенадцать лун, и если рассматривать их, исходя из числа двенадцати периодов, обозначенных циклическими знаками, то третья луна как раз придется на период под знаком «дракона». Если же подсчитать годы, проведенные на престоле государями Тан, начиная с императора Яо и далее, то они тоже остаются в пределах периодов под знаками «дракона» и «змеи». Не потому ли события, происходившие при династиях Глиняного Горшка и Тан, были таковы, что их установленные судьбой числа — циклические знаки — совпадали? Люди, которые впоследствии заметят это сходство, в душе скажут себе, что писавший в то время историю Глиняного Горшка, рабски копировал ее, — как говорится, «изображал тыкву по готовому образцу». Поэтому я написал это в надежде, что найдется когда-нибудь человек, который поймет истину».

Царство Лето

Пышный государь царства Лето имел фамилию Но — Красивый, имя — Желтый, второе имя — Красный. Родом он был из Ханчжоу. В глубокой древности какой-то небожитель пришел с острова Хайнань и поселился в уединении на реке Шелковице. Его потомок Красавец Пион прославился в тот век, а несколькими поколениями позже появился мудрец Гортензия, который и стал отцом государя. Пышный родился в начальном году правления под девизом «Равновесие и гармония» в деревне, на востоке от запруды. В детстве он обладал необыкновенными природными качествами, а когда подрос, лицом стал будто влажная киповарь; его

внешность привлекала взоры окружающих. Старики в деревне всегда хвалили его. (В одной деревне в Хан-чжоу под цветком пиона нашли каменный нож, а на нем были написаны стихи, прославляющие этот цветок.)

К концу династии Глиняного Горшка, когда в моде была безудержная роскошь, один только Желтый скромно прятал свои яркие краски. Как-то раз он отправился на прогулку в горы Лофу и увидел, что дерево слива загораживает ему дорогу. Тогда Пион вынул меч и срубил его. Позднее случилось ему снова прийти сюда. Смотрит, какая-то красавица в траурном платье, не нарумяненная, плачет у дороги: «Сын мой был Белым императором, а теперь Красный государь его срубил!». Только проговорила — и тут же исчезла. Желтый обрадовался и почувствовал уверенность в себе. В правление танского Мин-хуана, когда из провинции в столицу Лоян была послана дань (в правление Мин-хуана государю прислали в дань пион), пион перебрался в Лоян и все еще жил там, когда царство Глиняный Горшок погибло. Ураган вместе с сановниками пригласили Пиона на царство и поднесли ему грамоту: «Пав пиц, взываем к вам! Вы, государь, выделяетесь среди еще не распустившихся цветов, ваши таланты и знания пышно разрослись среди других растений. Нынче в садах есть добрые знаки на персиках и сливах — в свое время такие же знаки предрекали возвышение династии Тан. На земляных ступенях появились благие знамения — волшебные деревья, а раз так, у кого же не появится желание почтительно поддержать нового императора Яо! Все мы, подданные, уповаем на вас, следующего по пути неба. Почему бы вам не согласиться на то, чтобы начать действовать в соответствии с летним временем и не основать Летнее царство?».

Пион вступил на престол, столицу установил в Лоя-не. При нем царила стихия земли, началом года он сдал четвертую луну — время цветения пиона, а из цветов выше всех ставил красный.

В начальном году правления под девизом «Сладкая роса», летом, в четвертой луне, государь устроил во дворце Южного тепла утренний прием для подданных. На прием прибыли князья Гранат, Подлесник, Можжевельник, Кипарис и Шиповник, владетельные князья Тальник, Лишайник, Мелисса, Кательпа, Персик и Корича. Все они пышно разрослись, и каждый нес в руках дары своих земель. Они прибыли из девяти сот с лишним владений. Царский дворец весь так и сиял от жемчуга, нефрита, золота и парчи. Государь в их честь устроил пир и сам исполнил песню «Густая роса».

Урагану был пожалован титул «Повелителя Ветров», к тому же его одарили фамилией Южный. В государевом указе по этому случаю значилось: «Пове-леваю тебе посылать народу только тепло и дуть только вовремя, чтобы каждый получил то, что должно. Да будут твои порывы своевременны, отправляйся в свой удел и будь почтителен! Будь почтителен!»

Пурпурный Пион стала государыней, а Пестик — супругой и приближенной служанкой при особе государя. (В стихах Лю Цзяня сказано:

Гортензия —
Моя вернейшая служанка.)

Тогда на пост первого министра назначили Золотой Пояс. (Золотой Пояс — другое название Гортензии.)

Второе имя Гортензии — «Поздняя весна». Она была одного происхождения с государем, но из разных родов. Жила она в Гуанлине. Однажды в этом городе появился необыкновенный цветок, который не давал семян. У него были красные листья и золотистый пояс. Тогда кто-то понимающий сказал: «Из него выйдет когда-нибудь мудрый министр». И вот Гортензия действительно стала первым министром. Люди того времени называли ее министром цветов. В стихах Ян Чэн-чжэнь сказано:

Как хорошо, когда в царстве цветов
министром назначен цветок!

Во втором году правления государь указом повелел разыскать потомков династии Глиняный Горшок. Нашли внука Цветущего царя — Нефритовую Сливу. Ей был пожалован титул князя и велено было приносить жертвы государям Глиняного Горшка.

Когда династия Глиняный Горшок пала, все родственники царской фамилии были рассеяны ветром. Только Нефритовый уцелел — он в свое время переименовал имя, назвался Нефритовой Сливой (в народе ее называют просняная слива. Листьев у нее много, на вид проста, а цветы — без запаха). Он укрылся в захолустье. Хотя первоначальный вид у него сохранился, но весь облик стал уже иной.

Государь учредил Приказ кипарисов, Палату софоров, Палату лагерстремий и Книгохранилище полыни и лебеды. Целый лес славных деревьев вошел в Академию. Всюду на должности в этих палатах он назначил литературно образованных, праведных и честных ученых. Выдающаяся бамбуковая палочка обладала талантом историка — она имела кисть на своем кончике и

потому возглавила Академию. У Терновника была манера колоть и язвить врагов и остерегать подданных от дурных поступков; ему поручили Приказ кипарисов. Рододендрон отличался скромностью и уступчивостью, а защищающий себя Подсолнечник (в «Цзочжуани» сказано, что подсолнечник может защищать от солнца своей стебель листьями) был настолько честен, что всегда смотрел прямо на царский солнечный лик. Они были в состоянии любить государя и поддерживать его достоинства, потому он назначил их в Книгохранилище полыни и лебеды. Тогда при дворе наступила «чистота и ясность». Правила поведения и музыка того времени заслуживают, чтобы во всем блеске поведать о них потомкам.

Груше был пожалован титул князя Шао — ведь под ее ветвями некогда творил суд правитель Шао, а Тут получил должность правителя Хэнъяна: в этом уезде с давних пор повелось так, что при добром правителе туты росли особенно пышно.

В восьмой луне государь отправился во дворец Петрушки и принес овощи в жертву богу — изобретателю музыки. Пригласив ученых, он толковал и обсуждал с ними классические сочинения. На Абрикосовой террасе, где некогда саживал Конфуций, и на рыночной площади под софорами собирался целый лес ученых растений, и среди них — Цветущий Чернобыльник, Терновник, Вяз. Расцвет их мудрости служил прославлению царства.

А в это время в уединении жил отшельник Орхидея. Государь призывал его ко двору, но он отказался.

Второе имя Орхидеи было «Растущая», а прозвище — «Наставник с девяти полей». Отшельник

отличался стремлением к уединенной жизни, не искал службы, по слава о нем облетела и близких и дальних. Он дружил с Красным Ирисом, который, как знаменитые четыре старца, жил отшельником в горах Шаньшань. Второе имя Ириса было «Яркий», а прозвище «Наставник трижды цветущий». Всякий раз, что они с Орхидеей жили вместе в одном доме, они благоухали одинаково. Их привязанность друг к другу стала известна в мире, как дружба Ириса и Орхидеи. Государь трижды приглашал их ко двору, послал им в дар тюки шелка и камышовые носилки, но они все же отказались и отправили на службу своих учеников — Волшебную Траву, Лакрицу, Гвоздику, Желтую Лилию и других. Второе имя Волшебной Травы было «Указывающая льстеца», Лакрицы — «Хвост Феникса», Гвоздики — «Узорное Платье», Желтой Лилии — «Трава забвения печали». По природе все они были честными и прямодушными, не признавали пустой цветистости. Гвоздика и Желтая Лилия вместе процветали на службе, и обе всячески способствовали усилению мощи государства. «Траву забвения» называли еще «Мать»; он был чрезвычайно почтительным сыном и прислуживал матери в северном зале, ни разу не покинув ее. Царь хвалил травинку за то, что она от природы такая преданная.

В третьем году правления сослали Шиповника в Большие пески.

Некогда, еще во времена Восточного Глиняного Горшка, жил Улинский Персик, который происходил из знатной семьи. Потомки его пышно расцвели. Все они приходились родственниками государю по женской линии, были расточительными не в меру и даже прославились этим. Среди них только Белый Персик оставался

безупречно чистым. Он позже других познал жизнь в пышном цветении и вместе со своим другом Сливой был одинаково хорошо известен людям своего времени. А еще они прославились тем, что Цветущий царь их очень любил и сделал приближенными к своей особе чиновниками.

Жила тогда же и некто Ива, которая вела свой род по женской линии от тех самых ив из Вэйчэна, воспетых в стихах поэтом Ван Вэем. Иву еще называли «Юной». В молодости, в расцвете славы она затмевала самих Персиков. Люди вокруг расхваливали кто Иву, кто Персиков — вот так они все разделились в конце концов на партии — Красных и Белых. А в одном роду нашлись такие, что стояли посередине, не склоняясь ни к тем, ни к другим. Их называли партией третьего цвета — Желтыми. При дворе возвышали то одну, то другую клику, а Цветущий государь не мог положить этому конец, оттого эти партии и продолжали существовать. Да и сам государь принадлежал к Красным и старался брать на службу только сторонников своей партии. Это обеспокоило Гортензию и Подсолнечника, и они, сговорившись, решили указать государю на необходимость сохранять равновесие между Красными и Белыми, а не отдавать предпочтение только тем или другим. Тем не менее Белые пышно разрослись. Шиповник даже запах потерял с досады, он язвил и своими злыми остротами колол всех придворных (имеются в виду уколы его шипов). Гортензия обличила его, и Шиповник был сослан государем. Из Желтой партии тоже кое-кого выслали за стены столицы. Их стали называть «Изгнанные за ограду».

Подданный-историк замечает: «Белая и Красная партии, принесшие немало вреда государству, не отличаются от танских Ню и Ли или сунских Лоянцев и

Ичуаньцев. Министр Гортензия оказался способен упорно хранить между ними согласие и сделать так, чтобы при государевом дворе было радостно и спокойно. Поистине он, что называется, обладал талантом первого министра. Разве могут не брать с него пример те, кто в будущем займет должность главы всех чиновников!».

А еще историк замечает: «Танский Вэнь-цзун часто говорил: «Избавиться от разбойников, обитающих к северу от Хуанхэ, легко; вот избавиться от партий при дворе — это трудно». Каждый раз, когда я, читая историю, доходил до этого места, я неизменно прикрывал рукой свиток и горестно вздыхал. Если говорят, что бедствия борьбы дворцовых партий несравненно хуже, чем непокорность и смуты, то можно сказать, что и партии разгромить труднее, чем обуздать разбойников. Не может ли такое быть? Если уж государь династии Лето, имея всего лишь одного достойного человека у себя в помощниках, сумел навести порядок в государстве и добиться согласия и умиротворения, то тем более может это сделать мудрый государь, который правит людьми своего поколения, превыше всего ставя умиротворение народа, и добивается этого, следуя по истинному пути государя. По этому поводу в «Шуцзине» сказано: «Без личных пристрастий, не оказывая предпочтения ни одной партии, шествуй по истинному пути государя», а в «Луньюе» записано: „Внутренние качества благородного мужа — это ветер, внутренние качества низких людей — это трава, а как может не склониться трава, если на нее подует ветер?“».

В пятом году правления прибыл ко двору Повелитель Ветров. Он удостоился более милостивой встречи,

чем другие, хотя его появления и отъезды всегда были непостоянными.

Однажды государь спросил у приближенных сановников: «Что за человек этот Повелитель Ветров?». Министр Гортензия ответил: «Он переменчив и непостоянен. Когда радуется — дует нежно, а как разгневается — может сломать. Это, как говорится, одаренный сановник, способный навести порядок в мире, и вместе с тем — коварный подданный, который может посеять смуту. Разве вы не были свидетелями событий в речной крепости?». Государю от этого стало не по себе; он решил взять в жены младшую дочь Повелителя Ветров — Легкий Ветерок — и дал ей придворный чин «талантливой искусницы». С этого времени государь не стремился часто бывать при дворе, перестал заниматься делами правления, праздная лень овладела им. Он занимался тем, что разыскивал по всей Поднебесной причудливые камни, чтобы сложить из них гору; и, осуществив свою затею, посадил на горе необыкновенные деревья и травы. У ее подножия всегда клубились озаренные солнцем голубые пары и туманы. А еще государь велел построить терем, благоухающий всеми ароматами, а вокруг него — балюстраду, украшенную драгоценностями. Все постройки он приказал отделать орлиным деревом, жемчугом и бирюзой. Сооружал он их по примеру Ян Го-чжуна. Он устроил во дворце собрание всех цветов, ими украсил ширмы и полог — и это была традиция, унаследованная от династии Тан.

Подданный-историк замечает: «О, как сильно красавицы вредят людям! Когда они проникают в сердце, сила его иссякает. Когда они овладевают плотью — она умирает. Когда они властвуют в семье — ей приходит конец. А уж если они верховодят в государстве — оно

неизбежно гибнет. Из-за них предаются безмерной расточительности, из-за них появляется привычка к роскоши, перадивости и беззаботности, из-за них возникает страстиe к лести и ненависть к честности, из-за них в царстве властвуют дурные правители, алчущие богатства и тираниющие народ. Можно ли не остерегаться такого? Как же не проявить здесь осторожность? Даже Пышный царь, государь выдающийся, мудрый, в последние годы жизни вел себя подобным образом! А раз вообще не было таких, кто не страдал бы от красавиц, то поистине не стоит удивляться сушеному мясу на лесных деревьях, развешанному по приказу государя Гуя династии Ся, и играм с пестрыми цветами при императоре Гуане династии Суй».

В том же пятом году правления был предан смерти увещающий сановник Терновник.

Терновник был суров и прям и часто этим досаждал государю, а толпа придворных хотела его извести. Нашелся и клеветник: «У Терновника, конечно, репутация прямого и честного подданного, и духом он силен (имеется в виду сила его аромата), но ведь он долго жил в укромном уголке и, говорят, часто брал взятки — прямо опутался золотом и серебром». (Есть цветок под названием «Золото и серебро». У него длинные плети.) Государь пришел в великий гнев и казнил Терновника. Большинство людей, тяжко вздыхая, жалели о нем.

Разбойники из Зеленого леса — «Зелень листвы» — подняли войска. Не прошло и полного месяца, как народ Поднебесной эхом откликнулся на их призыв. Примкнуло к ним и много сторонников Белых и Красных.

Дочь повелителя Ветров была хитра по природе и умела пускаться на разные уловки,

Государь был очень ею доволен и весь так и расцветал в улыбках. Белый Пион увещевал его: «Повелитель Ветров утром покорен вам, а вечером бунтует. Он непостоянен, подвластен частым переменам. Младшая дочь его ревнива (говорят, что ветер всех ревнует к цветам), близость ее опасна. А еще она вместе со своими тетками со стороны матери — восемнадцатью ветрами — задумала вам навредить. Будьте осторожны, государь! Я, ваш подданный, глубоко озабочен переменами, которые произошли с вами, — еще вчера у вас было румяное лицо, а ныне вы совсем постарели!». Государь только посмеялся в ответ.

В шестом году правления, летом в пятой луне, государь гулял в дворцовом саду, и вдруг его укусыл дикий олень. (В правление танского Мин-хуана дикий олень забежал в дворцовый сад и сломал пион.) Легкий Ветерок воспользовалась моментом и подала ему ядовитое снадобье. Государь выпил его и тут же скончался — осыпался. Он царствовал шесть лет — и великое Лето кончилось.

Гортензия и Белый Пион подняли войска, чтобы покарать Повелителя Ветров, но не смогли предать его смерти. Уничтожив Летнее царство, Повелитель Ветров возвел на престол правителя Коричной области (так звали младшего брата Пышного царя). А к этому времени необыкновенно разрослись разбойники из Зеленого леса, и в Срединном государстве пошла смута за смутой. Поэтому те, что поют хвалы достоинствам и заслугам царя, не присоединились к новому государю. Тут в озере Цяньтап взомел на трон государь, живущий в воде, — Лотос. Он стал Мудрым царем династии Южный Пруд. (Правитель Коричной области

не пробыл на престоле и года, как погиб в смуте, учиненной Зеленым лесом. Так что династия Южный Пруд была законным преемником престола.)

Царство Пруд

Фамилия Мудрого царя государства Пруд — Белый, имя — Лотос, а второе имя — Ненюфар. Его предок отличался высоким ростом — он был длиною в десять чжан, жил отшельником на Хуашань — горе Цветов. Отца государя звали Лотосом, и обитал он в горном ручье Жое, а мать его звалась Водяной Лилией. Однажды она увидела, как раскрывает цветы благовонный аир, а над ним появляется странное сияние. Лилия проглотила его и от этого зачала. После она родила государя. (Мать лянского императора У-ди, госпожа Чжан, тоже однажды увидела, как раскрывает цветы благовонный аир, а окружавшие ее люди ничего не заметили. Она проглотила цветок, от этого зачала и родила императора.)

Лицом и всем обликом Лотос был прекрасен, как женщина, и всегда стремился подняться над мирской пылью, удалиться от суеты. Лотос по природе оставался чистым, даже когда попадал в грязь. Он очень любил воду и всегда жил в воде, поэтому его и прозвали «Благородный муж, живущий в воде», а иногда называли его «Постигший истину бессмертный из Белой реки».

Сразу после того как пала династия Лето, Срединное государство осталось без царя. Тогда уроженцы области Сян — Дягиль, Борщевик и другие — выдвинули и возвели Лотос на престол. При нем царила стихия воды, выше всех царь ставил белый цвет, а нача-

лом года сделал седьмую луну. Столицу он перенес в Цяньтан, царство назвал Южный Пруд.

Подданный-историк замечает: «При династии Глиняный Горшок царица стихия дерева — и выше всех цветов был белый, династия Лета правила от имени стихии земли — и главным стал красный цвет, а династия Пруд полагалась на стихию воды — и первым цветом стал опять белый. Нельзя понять, отчего это».

В первый год правления под девизом «Вода — носитель внутренних достоинств» царь уничтожил «колодезные поля» и пустил в обращение медную монету. В этом же году Повелитель Ветров убил своего государя — владетеля Коричной области — и сам вступил на престол. Царство свое он назвал Золотым — Осенним. Он покорил осенние северо-западные ветры, и даже разбойники Зеленого леса подчинялись его приказам.

Имбирь стал первым министром.

В государевом указе по этому случаю было сказано: «Ты, Имбирь, обладаешь блестящими талантами. Так не дай же, как сказано в «Шуцзине», „твоему предку одному прославиться в глазах тех, кто владеет царством!“».

Имбирь был потомком мудрого танского первого министра Ду Жу-хоя.

В седьмой луне государь перешел из Хрустального дворца во дворец Неизменных Ароматов и устроил прием для своих сановников. К этому времени Поднебесная была уже заполонена Зеленым лесом, только глубокие рвы да высокие крепости владений Пруда не были захвачены им. Отныне все живое в царстве

Пруд обрело успокоение, государство стало богатым, и всего в нем водилось вдоволь. Многими миллионами исчислялись деньги, которыми распоряжался главный начальник вод и парков, а рыб и черепах в реках и озерах съесть было невозможно. Даже простолюдины наряжались в шелка, а знатные с утра до вечера только и делали, что мерками пересыпали росинки жемчуга.

В третьем году правления чиновник, ведающий горным ручьем Жое, послал Имбирю письмо с прикрепленным к нему в знак срочности пером. В письме он докладывал, что в пределы царства вторглись какие-то разбойники и грабят народ Жое. «Сперва они напали на пруд Гусей и Уток. Разбойники плавают в лодках из грушевого дерева и гребут веслами из магнолии, надели платье из листьев лотоса и распевают песню «Рву лотос». С виду они похожи на подданных нашего царства, поэтому сразу распознать их трудно, и, только услышав их песню, я понял, что это разбойники. А в песне такие слова:

Лотоса лист и юбка из шелка,
зѣлены вы одинаково.
Лотос-цветок и румяные щечки,
вы расцветаете рядом.
Пруд неожиданно свергнут в смятенье,
а отчего — непонятно..
Песня одна лишь секрет раскрывает:
кто-то вблизи появился.

Одно мгновение — и многие наши подданные падают обезглавленными и ранеными!» Государь перепугался: «Мое царство защищено крепостным рвом, который создало само небо. Как же они смогут перебраться через

него?». Он повелел воеводе по имени Белый Водяной Орех с несколькими тысячами воинов выйти навстречу врагу и напасть на него. Среди воинов был Карп, который мог выдыхать изо рта ветер. От ветра поднялись большие волны, лодки закачались, и разбойники, испугавшись, повернули лодки и убежали.

Государь приказал военачальнику Лебеде — Покорителю Волн — охранять реку.

Сперва в царстве не было никаких средств для защиты от врагов, даже тутовые деревья не стояли на страже. В конце концов это довело до беды — от разбойников не стало спасения, и тогда воевода Белый Водяной Орех в самых опасных местах по берегам реки выставил караульных — разноцветный дрок. Да еще для пресечения грабежей и разбоя государь назначил Лебеду воеводой — Покорителем Волн, и с этих пор ни северные, ни южные варвары не осмеливались ловить рыбу в реке.

Лебеда была потомком ханьского Ма Юаня, он унаследовал даже его древний титул — Покоритель Волн.

Один монах преподнес государю «Лотосовую сутру» (в буддийской сутре сказано, что цветок дерева познания расцветает раз в три тысячи лет) и сказал при этом: «Если ты, государь, будешь читать эту сутру, с неба пойдет дождь цветов и Лотос возродится в райской земле». Государь обрадовался и стал устраивать собрания верующих для жертвоприношений духам воды и суши. Расходы исчислялись миллиардами. С этого времени государь ежедневно вместе с ближайшими сановниками с утра до вечера только и делал, что читал сутры, перестав заниматься государственными делами. Тогда придворные ученые Аир Благовонный и Водоросль стали увещевать его: «Подумайте, что за человек этот Будда? Он идет наперекор разуму, лукавыми

речами смущает наше поколение и обманывает людей. Истинный путь императоров и царей лишь в том, чтобы сохранять устои неизменными. Неужто один только буддийский храм может быть пивной, где должно посеять семена своего будущего счастья, а пальмовые листья, где записаны сутры, и есть истинно классические творения? Человек подобен цветам на дереве: те, что опадают на циновку, считаются ценными, а те, что осыпаются в отхожем месте, — низкими. Это все естественно. Так стоит ли с верой внимать рассуждениям о воздаянии за грехи?». Но государь не внял им.

Ученый Водоросль был одного происхождения с Белым Водяным Орехом, но другой фамилии. Все в их роду по природе и свойствам обладали безупречной честностью и литературными талантами. Поэтому ему и пожаловали высокую должность узора на царском парадном платье. (Рисунок на царском парадном платье состоит из двенадцати узоров. Водоросль — один из них.)

Фрейлина «Вода, в которой мыли рис» была царской любимицей, она затмила собой всех придворных красавиц. Однажды государь разбросал по пруду цветы лотоса и велел ей пройти по ним. Любуясь красавицей, он приговаривал: «Под каждым шагом рождается цветок лотоса!».

Прозывали ее «Люлан». Нашелся даже какой-то льстец, который заметил: «Люди говорят, будто Люлан похожа на цветок лотоса. Мне кажется, что цветок лотоса похож на Люлан!». Государь остался очень этим доволен.

Подданный-историк замечает: «О, какой силой обладают слова льстеца! Они слаще, чем сахарный тро-

стник, его льстивое красноречие слышано хитрее, чем лисьи чары. Увы, как это прискорбно!».

В четвертом году правления Дягиль был сослан в область Сян.

Дягиль родом был из царства Чу. Прозывали его «Ярким». Он был чист душой и своими честными речами всегда шел наперекор желаниям государя. Тогда царевич Фальшивая Орхидея очернил его, и вот Дягиля сослали. Дягиль не мог совладать с чувством горечи и излил свое негодование в поэме «Скорбь Дягиля».

В пятом году правления государь по совету маганаставника Дикая Груша выпил белой холодной росы и заболел. Тогда он позвал приближенных, те тоже отведали росы и все онемели так, что не смогли сказать ни слова. Государь в великом гневе дважды вскричал «О-о!» — и умер, опал.

Еще при жизни государь хотел уступить престол отшельнику Хризантема, что жил у бамбуковой изгороди с восточной стороны, но отшельник отказался. А тут подданные Золотого Осеннего царства, преследуя отряды Зеленого леса, вторглись в государство Пруд. Прошло несколько лун, жители столицы от голода стали засыхать. Бедствие погубило и Дягиль и Белый Водяной Орех. Так государство Пруд простояло пять лет и пало.

Отшельник Хризантема по прозванию «Золотая душа» был человеком необычным, манерой поведения он походил на людей глубокой древности. Так как один из его предков служил господину Тао — государям

Глиняного Горшка, он жил в «Каштановой деревне» и один лишь сохранял независимость и чистоту. Даже подданные Золотого Осеннего царства при всей своей жестокости не смогли ворваться к нему и подвергнуть притеснениям. В смутное время конца династии Пруд он отличался высокой нравственностью, поэтому его прозвали «Наставник, хранящий чистоту в последние дни царства».

Подданный-историк замечает: «Внезапно возвысились, сменяя друг друга, три династии, стремительно расцвели и увяли четыре государя. Да ведь это же все равно, что мгновение в восточном саду, что сон о Нань-кэ! Нынче в садах и парках под весенним ветром слышны только печальные голоса птиц, а на прудах и террасах лишь туманы да облака блуждают в лучах заходящего солнца. Даже песней «Пшеничные колосья», которую сложил Цзи-цзы при виде развалин иньской столицы, и песней из «Шицзина» «Там просо склонилось теперь», сочиненной подданным династии Чжоу, невозможно выразить печаль об этом. Как это прискорбно! Как жаль!».

Еще историк добавляет: «Государь Летнего царства разыскал Нефритовую Сливу и тем самым приблизил к престолу потомка династии Глиняный Горшок. Его характер отличался прямодушием. А вот царству Пруд недоставало закона о «трех уважаемых гостях» — потомках прежних династий! Об этом особенно стоит пожалеть. В наше время живут Вьюн, Пион и Лотос. Может быть, они — уцелевшие потомки династий Лето и Пруд?».

А вообще обо всем этом можно сказать: «Человек — это всего лишь одно из существ, которые во множестве

живут между небом и землей. Цветов — сотни, тысячи сортов, и человек действительно уступает им в долголетию. (Человек умирает — и не возвращается к жизни, а цветок осенью увянет, весной же опять вырастет. Цветы расцветают по сезонам, но иногда не увядают даже под инеем и снегом. Поистине человеку не сравниться с цветами в долголетию!)

Небо при помощи цветов производит смену четырех времен года — человек различает их по выросшим цветам. А кому из людей можно доверять так же, как цветам?

Когда цветы распускаются, они им благодарят весенний ветер за цветение, а когда опадают, то не ропщут за это на осеннее небо. А кто из людей обладает столь благородным сердцем?

Одни цветы рождаются на каменных ступенях лестниц, другие — в отхожем месте, но они никогда не спорят друг с другом, чье положение выше, а чье ниже, кто знатен, а кто низок. Раз они все равнодушны к расцветам и опалам — сердца их иные, чем у людей.

Значит, цветы обладают высшей гуманностью, заслуживают полного доверия и совсем не знают страстей. К тому же они многочисленны и долговечны — это небо даровало им совершенную природу.

Цветы многочисленны. А что мы наблюдаем в царстве людей?

Цветы гуманны, заслуживают доверия и чужды всех страстей — а какими из этих качеств обладают правители?

Люди, способные разобраться в одной классической книге и хоть мало-мальски талантливые, всегда начинают бахвалиться перед всем светом и хотят непременно оставить свое имя грядущим поколениям. Поэтому они постоянно спорят друг с другом из-за

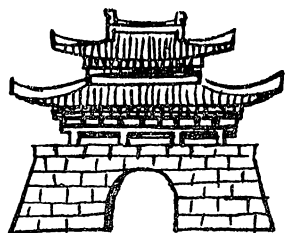
своих заслуг и хвастают записями на скрижалях истории.

Не таковы цветы. Их природа, дарованная небом, прекрасней, чем у других, она подобна природе благородного мужа среди людей. Недаром перед двором сунского наставника из Лянсьи трава не была выдолота. Он говорил: «И трава вольно растет, и мои мысли текут естественно». Если уж благородный муж хотел быть таким же, как цветы, значит по природе он был совершенным и цельным. А те, что удовлетворяют свое честолюбие на поприще произнесения речей перед троном и сочинения изящных трактатов, усердствуют, чтобы преуспеть на службе, — разве могут они при этом сохранить свою естественную природу и вернуться к совершенному образцу?

Лим Дже

Город Печали

Государь Сердце начал княжить под девизом «Все мысли — о благе подданных». Он призвал на службу Человеколюбие и Справедливость, Этику и Мудрость, ему подчинялись Радость и Гнев, Печаль и Счастье, в его власти были Зрение и Слух, Речь и Движение. Все они усердно трудились, выполняя свои обязанности. Князь сидел на возвышении и вершил делами государства, приближенные же исполняли его приказы.

Когда в стране царят мир и порядок, в реках и озерах резвится рыба, в небе парят коршуны — в этом нет ничего удивительного, это так же естественно, как песня Шуня и дом Яо!

Все было легко и просто. Тигров и прочих хищников ловили вовсе без труда; никто не выбивался из сил, чтобы устранить преграду, будь она величиной даже с гору — с ней справлялись почти шутя. Государь всегда находился на своем месте во дворце, и все глубоко почитали его.

Прошло два года. Однажды некий старец, светлый ликом и чистый духом, назвавшись Хозяином, подал князю грамоту такого содержания:

«Благодушие всегда порождает великие беды, а мир и порядок сменяются смутой. В «Ицзине» сказано: «Выпал иней — жди ледовой зимы». Поэтому мудрый правитель должен быть осмотрителен. Он должен улавливать малейшие признаки надвигающихся перемен, чтобы успеть вовремя предотвратить несчастье. Только дурак находится в плену у прошлого, а мудрый уже сегодня постигает будущее. Пренебрегите советом мудрого, послушайте дурака — и все содеянное вами пойдет прахом!

Вы, князь, думаете, будто все идет как надо и нет причин вам тревожиться. Но вы забыли: ростки вырастают в деревья, а капли сливаются и образуют море. Не так уж все благополучно в стране, чтобы могли вы день-деньской беспечно листать книги да сочинять стихи. Или кисть и тушечница уже заменили вам министров и градоначальников? Вы, я уверен, восхищаетесь прославленными героями древности и стараетесь походить на них. Но удастся ли вам это? Ведь герои не ищут покоя!

Если вы, князь, прислушаетесь к советам верноподанных слуг ваших и займетесь делами государства, то всегда сумеете отличить хорошее от плохого, как бы трудно это ни было, вы всегда сможете услышать голос подданных, даже если они будут безмолвствовать. И тогда все обрзается.

Молю вас, внимайте моим предостережениям!»

Прочтя грамоту, князь задумался было, тронутый искренностью писавшего ее, но тут же забыл о ней и продолжал делать то, что делал до этого: рыться в древних рукописях да сочинять стихи.

И тогда пришел к нему снова Хозяин и стал увещевать его проникновенными словами:

— Я предан вам более, чем отцу с матерью; мысли мои — ваши мысли, ваши радости и печали близки мне и понятны. И потому не могу я оставаться спокойным, видя, как на вас надвигается опасность.

Думать только о том, что происходит сегодня, или с умилением вспоминать прошлое — не приносит душе покоя. Разводить тушь да пописывать стишки — занятие не для воспитания воли. Правитель должен нести народу мир и счастье. Но если государю неведомы ни смущение, ни ненависть, если не отличает он черного от белого, если не гневается и не скорбит, выслушивая доклады своих ревизоров, если не прислушивается к мнению преданных ему людей — как может он сделать своих подданных счастливыми? Вы, князь, не относитесь к числу таких правителей, и все же опасения мои не случайны.

Природа дарует нам жару и холод, дождь и ветер — все в свое время. Нарушьте этот порядок, измените ход времени — произойдет катастрофа. Восстановите гармонию ян и инь — и дождь хлынет тогда, когда ему положено, и ветер подует с нужной силой. Каждый правитель несет ответственность за свою страну, ибо в его руках — жизнь тысяч существ. И главная его обязанность — заботиться, чтобы люди развивались так же гармонично, как развивается природа.

В «Шуцзине» сказано: «Если правитель не нарушает естественный ход событий и не оказывается у них в плену — он достигает гармонии и покоя». Помните об этом, князь, и поступайте в соответствии с этим мудрым изречением. Сколь благодарны будут вам ваши подданные, когда последуете вы моим советам!

Выслушав внимательно Хозяина, князь Сердце задумался. Он пригласил старца пройти с ним на берег озера и там вместе составить наказ чиновникам. Вот что они написали:

«Повелеваю Человеколюбню из Весеннего ведомства, Этике из Летнего ведомства, Справедливости из Осеннего ведомства и Мудрости из Зимнего ведомства, а также пяти Органам и семи Чувствам принять к сведению следующее.

Я небрежно исполнял веления Неба: редко тревожил вас по службе, закрывал глаза на упущения, а благие намерения оставлял втуне, забывая о них среди нирвов и развлечений. Почему же вы не укоряли меня за это, не говорили мне всей правды? Вы не пожелали исправить мои ошибки. Почему же я должен расплачиваться за ваши? Где же справедливость? Одно меня утешает: никто не в силах отменить законы Неба, и бывшее всегда возрождается вновь!

Я призываю вас вернуться на службу и отдать все свои силы возрождению порядка и благоденствия в стране, дабы исполнить волю Неба!»

Вассалы почтительно выслушали наказ князя и приступили к его исполнению. Решено было прежде всего выбрать новый девиз правления: «Возрождение изначального».

Осенью, в восьмую луну первого года нового девиза, князь беседовал с Хозяином о делах государства. Неожиданно явился вассал Печаль и доложил, что Зрение и Слух подали такую докладную записку:

«Почтительнейше докладываем государю. Небо стало высоким, а ветер — холодным. Деревья покрылись

росой. Увядают травы, опадают листья, жалобно кричат улетающие журавли. Отошли прелести лета, всер теперь бесполезен. Грустно, тоскливо. Побелели щеки Пань Юэ, еще пуще загрустил Сун Юй. Красные листья и камыши Сюньянцзяна облепили зеленую рубашку Бо Цзюй-и, хризантемы с предгорий Ушань растрепали белые волосы Ду Фу. Ночной дождь омочил одинокую подушку во Дворце Больших Ворот, холодная луна осветила фигурку женщины в Ласточкиной беседке. Улетучился запах орхидей, унылым стал свист ветра в ветвях деревьев, высохли слезы на сяосянском бамбуке...

Вы, князь, не ведаете, что сама природа таит в себе печаль, и оттого все так печально вокруг. А где истоки печали? Они скрыты от вас. Печалит ли то, что мы видим, или то, что мы слышим? Этого никто не знает. А чтобы избавиться от печали, надо знать причину ее! Мы, ваши слуги, не можем умолчать и скрыть это от вас».

Прочел князь записку — и печаль его одолела, захотел он остаться один. Хозяин безмолвно удалился.

Желая рассеяться, князь велел заложить колесницу, чтобы по примеру Му-вана привести в порядок мысли во время путешествия. Но Хозяин схватил коня под уздцы, остановил колесницу и стал выговаривать князю за то, что тот забросил дела государства.

В это время подбежал человек, житель округа Грудь, и сообщил:

— Только что в Грудном море поднялась большая волна, горы Тайшань и Хуашань оказались в самом центре моря! Я успел заметить, что там, в горах, остались люди!

Известие это ошеломило князя и его приближенных: все заахали, заметались. Не успели они еще что-либо предпринять, как неожиданно кто-то увидел, что из туманной дали приближаются люди, декламируя на ходу стихи. Когда люди подошли поближе, стало видно, что их только двое.

У того, что шел впереди, — изнуренное тело и острое, худое лицо. На голове у него шляпа, на плечах плащ, к поясу привешены украшения из дорогих пород дерева. Брови его нахмурены — он озабочен делами страны, глаза полны слез — от тоски по государю. Наверное, он с ненавистью вспоминал клеветника вельможу, погубившего Цюй Юаня, и оплакивал чуского Хуай-вана.

А у того, что шел сзади, — лицо светлое, как река осенью, и глаза сверкают, словно алмазы. На нем одежды страны Чу, и стихи он читает на языке страны Чу. Конечно же, это он — сподвижник чуского Сян-вана.

Они приблизились к князю, поклонились.

— Мир велик, но в нем нет места для нас — и вот мы бродим по белу свету. Прослышав о ваших высоких достоинствах, мы явились сюда просить разрешения построить здесь город и поселиться в нем. Можем ли мы питать надежду?

— Для достойных людей, — ответил им князь, — я не пожалею земли.

И тотчас приказал:

— Примите с почестями этих пришельцев, и пусть мастер Камень поможет им построить здесь город.

Незнакомцы почтительно поблагодарили князя и удалились.

С той поры князь только и думал, что об этих двух людях. Он даже приказал одному из приближенных

непрерывно читать «Чуские строфы», дабы не забыть о пришельцах. Ничем другим он уже не интересовался.

В девятую луну князь отправился к Грудному морю самолично взглянуть, как строится новый город. Берег был окутан туманом, по небу ползли мрачные тучи... На берегу он увидел множество людей, которые с грустными, скорбными лицами ходили взад-вперед, не останавливаясь ни на минуту. Это были те, кто строил город. За работой надзирал Фу-су — непокорный сын циньского Ши-хуана, ему помогал Мэн Тянь. Под началом у них было около четырехсот сонби — тех самых, которых заживо похоронил циньский тиран. Работали они не очень споро, но город построили в срок.

Глины и камней при строительстве использовали не много, поэтому работалось легко: не нужно было возить глину и перекачивать камни. Пришельцы хотели сначала построить большой город, но земли не хватало. Потом решили строить маленький. Но тогда пришлось бы все постройки размещать внутри города. В конце концов был построен обычный город. На севере он упирался в Тайшань, а на юге доходил до Бохайского моря. Территория его начиналась у Эмэйских гор. Весь он был такой унылый и грустный, что и назвать его решили Городом Печали.

В центре города возвышалась башня «Память прошлых деяний», в крепостной стене было четверо ворот: Ворота Преданности, Ворота Борьбы, Ворота Невинности и Ворота Разлуки.

Князь переправился через море, поднялся на башню и велел открыть все ворота, дабы осмотреть город. Уныло светила луна, тоскливо завывал ветер. В воротах

крепости толпились люди — на лицах у них были написаны обида, недовольство, скорбь.

Князь уселся и приказал писцу Кисточке составить подробное описание Города Печали. Роняя слезы, Кисточка принялся за дело.

Прежде всего князь взглянул на Ворота Преданности. Что же он видит?

Все вокруг покрыто инеем и блестит, словно под солнцем. Перед его взором — благородные герои и преданные вассалы, отдавшие жизни за своих кумиров. И среди них два самых знаменитых. Первый — Гуань Лун-фэн, сложивший голову в Краснояшмовом дворце за то, что осмелился осудить злодея Цзе-вана. Второй — Би Гань. Тиран Чжоу вырвал из его груди сердце и сжег его тело, ибо герой восстал против его жестокостей.

Был там и полководец Цзи Синь, который, переодевшись ханьским Гао-цзу, сдался в плен чускому вану, за что и был сожжен. Рядом с ним Чжугэ Лян — в халате, вышитом журавлями, и в знаменитой своей шляпе, в руках у него веер из белых перьев.

И еще были там герои и подвижники, чей гнев вызвало провозглашение Цао Пя императором и возведение Юн Чи в сан удельного вана.

Там был и Фань Цзэн — тот самый, что на пиру в Хунмэнь в ярости разбил на мелкие кусочки яшмовый ковш, дар страны Хань, и умер, оставшись верным Сян Юю. И был там полководец Гуань Юй — длиннобородый красавец верхом на горячем скакуне, в бледно-зеленом халате, с тяжелым мечом на поясе. Это его перехитрил Люй Мэн в Цзяндуне.

Тут были мастер свиста Юэ Ши и клявшийся у весла Цзу Ти, а также Чжан Сюнь, Сюй Юань, Лэй Вань-чунь, Нань Цзи-юнь и многие другие прославленные герои и преданные вассалы. Все они погибли, не достигнув заветной цели, — уж такова была безжалостная воля Неба! Но до самой смерти они были преданы своим идеалам — даже тогда, когда пыль от коней иноземцев-захватчиков затмила солнце, когда одно за другим рушились царства. Нань Цзи-юнь отрубил себе палец, но не разделил с врагом трапезу; Юэ Фэй был оклеветан врагами, но остался честным и преданным вассалом. Вот уж истинно: честный человек тверже камня!

Цзун Цзэ молил вана прислать ему подкрепление, но тот не прислал — и храбрый воин погиб. Как могло Небо знать об этом и безмолвствовать?

И был там Вань Тянь-сян — даже пред лицом смерти он не изменил своим убеждениям. Там был Лу Сю-фу, кончивший жизнь в бурных волнах, когда переносил он на спине своего вана, спасая ему жизнь.

А в самом конце стояли люди в корейском платье — Сон Саммун и Ю Ынбу — в веках прославили они свои имена беспредельной преданностью государю и верной службой отчизне.

И много там было еще замечательных людей, вошедших в историю, — всех их невозможно перечислить.

Затем князь обратил взор на Ворота Борьбы. Там дул свирепый ветер и гремел гром. В воротах толпились трагически погибшие доблестные полководцы и удалые бойцы.

Впереди всех на белом коне, с мечом в руке У Цзы-суй — тот, что еще при жизни прославился верностью

и сыновней почитательностью. За ним доблестный Цзинь Кэ — с песней на устах он отдал свою жизнь за наследника правителя Янь. Далее — чуский Ба-ван. Он объехал на своем негом скакуне полмира, сражался с ханьским Гао-цзу, а через восемь лет, потерпев поражение под Гайся, утонул в волнах Уцзяна. За ним — Хань Синь из Хуай-иня, всегда приносивший победы своему государю и имевший много заслуг, но оказавшийся ненужным в мирное время и в конце концов казненный императрицей Люй. За ним — Сунь Цэ. Люди прозвали его маленьким гегемоном. Как тигр дрался он за процветание страны, но кончил жизнь от руки наемного убийцы. Сколь печальна его участь! За ним — Фу Цзянь. Переправившись с войском через реку, он не нашел врага у гор Багуишань и в конце концов был убит своим же соратником. О, ужасна была смерть его!

Уж так водится: если в трудное время ты победил — можешь стать ваном, но если сплеховал — имя тебе вор и разбойник. Наверно, иногда и тот, кто сидит на воле и читает книгу, может стать героем!

Когда на страну Тан напали вероломные и жадные иноземцы, тюрки Ли Кэ-юн отдал все свои силы борьбе за дело царствующей династии. И потому, когда власть в стране захватил Чжу Цюань-жун, Ли Кэ-юн от горя умер.

И еще были там люди, чьи труды и заслуги забылись правителями, чьи желания и стремления так и остались неосуществленными — таких было великое множество.

И еще: за воротами стояли двое, не смея показаться людям на глаза. По щекам их текли слезы, плечи сотрясались от рыданий.

Первый из них — ханьский полководец Ли Лин. Когда-то рискнул он с пятитысячным отрядом вступить

и бой с четырехтысячной кавалерией иноземцев. Судьба не была благосклонной к нему, и он сдался в плен и стал служить врагам. Ханьский правитель казнил всю его семью — и теперь он не смеет вернуться на родину.

Другой — сановник Хуань Вэнь. Когда вздыхал он, глядя на север, то всем казался героем. Но ему захотелось славы и наград, и он предал своего благодетеля...

Зачем они здесь — полководец, сдавшийся в плен, и сановник, изменивший государю? Может, их души явились сюда, чтобы покаяться в содеянном?

Затем князь Сердце посмотрел на Ворота Невинности. За воротами дул холодный ветер, моросил дождь. Небо было затянуто тяжелыми тучами, а между небом и землей висел густой белесый туман. Многих людей увидел князь: и знатных и из подлого сословия. Это были те, кому судьба нанесла несмываемую обиду, чьи чувства смертельно ранили при жизни.

Здесь были четыреста тысяч воинов княжества Чжао, перебитых Бо Ци под Чанпином; триста тысяч воинов циньской армии, уничтоженных Сян Юем в Сипьяни.

Гаоянский интриган пытался хорошо подвешенным легионом сокрушить семьдесят крепостей. В конце концов все его надежды потерпели крах — так в чем же его вина? Тем не менее ему пришлось кончить дни свои в котле с кипятком. Ханьский У-ди погубил своего сына по навету Цзян Чуна из княжества Чжао — и теперь в отчаянии льет слезы в беседке на воде.

Когда пьют вино, то бьют в барабаны и горланят песни. Казалось бы, что в этом плохого? А вот

пиитунский князь Ян Юнь погиб именно из-за этого! А разве творили зло те, кто читал книги и проповедовал чистое и светлое? Но их умертвили — и Фань Папа и других!

Ли Цзин-с и Ло Бинь-ван отдали все, чтобы вернуть престол законному государю. В чем их вина? В том ли, что они исполняли свой долг? Разве наградой им должна была стать смерть? Бесконечна печаль наша: эти преданнейшие вассалы погибли безвинно!

Ныне, как и прежде, люди страдают из-за несбывшихся желаний и незаслуженных обид. Нет на свете мук горше этих! Это они погубили в Сунбо владыку страны Ци, это они отравили жизнь правителю княжества Чу. Нет, никогда не высохнут слезы обиженного вассала, не забудется оскорбление, нанесенное герою!

Дойдя до этого места, писец Кусточка разволновался и не смог продолжать, пока не успокоился.

Наконец князь заглянул в Ворота Разлуки. Там было темно, над верхушками деревьев висело заходящее солнце. Князь увидел в воротах множество людей — тех, кого еще при жизни разлучили с близкими.

Правитель страны Хань не сумел сдержать патиск иноземцев — и Чжао-цзюнь покинула милую родину, увезенная новым своим властелином в чужие края. О, сколь печальна ее судьба! Песня, что пела она, подыгрывая себе на пибе, и сейчас еще звучит в ушах людей. Молодая луна освещает заброшенную могилу Чжао-цзюнь, дикие гуси с родной стороны пролетают мимо...

Десять лет был разлучен с родиной Су У, живя среди баранов на берегу моря. И только когда волосы

его побелели, удалось ему вернуться в родные края, сохранив верность государю. И что же увидел он? Могилу У-ди, над которой моросит мелкий дождь!

Мин Вэй журавлем летал в облаках тысячу лет, когда возвратился на землю, то увидел: горы и реки остались прежними, а родных и друзей уже нет, над могилами их плывет одинокая луна...

Мир небожителей и мир людей — это разные миры. Но разлука — всюду разлука, нигде она не радует сердца!

Был здесь и зрелый муж из Мавэй, весь в слезах, — его разлучили с возлюбленной: разбили любовь, словно бусы, растоптали, как цветок.

Была здесь и девушка, связавшая судьбу свою с юношей из страны Янь. Ради славы и знатности покинула она родину, не предполагая, что придется ей надеть колчан и уехать к далекому синему морю. Томительными летними днями, длинными осенними ночами страдала красавица — с кем разделить ей радость молодости? Тоска свела румянец с ее щек, неутоленные желания иссушили ее грудь. Она перебирала цветы сливы — но письма от любимого все не было; она излила тоску свою в словах и записала их на платке — но как переслать платок милому? И ушла она с тоски в зеленый терем...

И еще была там женщина. Когда-то охладел к ней государь, с тех пор томится она в одиночестве много лет. И кто знает, что легче: быть в разлуке с милым, который далеко, или быть разлученной с тем, кто рядом? Уж ступеньки ее дома поросли мхом, а дорога к дому заросла травой, вокруг ни души, лишь светлячки летают... О, тоска, тоска!

И была там красавица Юй, которая не пережила смерти любимого и с горя покончила с собой. Там же

была и Люй-чжу, бросившаяся с башни, когда ее разлучили с возлюбленным.

Ароматные травы раскачиваются печально: не увидеть им потомков государя! Летящие облака напоминают почтительным сыновьям о тоске родителей!

Когда дружба крепка, друзья даже в мыслях всегда вместе: когда брат любит брата — жить им в разлуке невозможно!

Тут у Кисточки высохли слезы и вылезли волосы — писать дальше стало трудно. Он хотел было продекламировать «Навек расстаюсь с людьми» и скрыться в небесах, но на пути своем повстречал Пастуха и Ткачиху и вынужден был вернуться. Тут-то и схватил его за рукав какой-то человек.

— Почему вы занимаетесь только прошлым и пренебрегаете настоящим? — спросил он. — Почему вы описываете только жителей мира иного, а нас, земных людей, даже не замечаете? Вот я, например, как раз земной. Послушайте мои стихи: они не очень хороши, но вы все равно послушайте и запишите.

И он громко прочитал:

Когда мне пятнадцать было —
Уже я Бишшу освоил,
Считали многие люди
Меня одаренным, умным.

А ныне — как ржавый меч я,
Кому он, скажите, нужен?
Смотрю: на луга, на пашни
Тихо прокралась осень...

Я в средних годах постигнул
Каноны конфуцианства,

О знатности и богатстве
Мечтал я, но все напрасно...

Мне грустно, что не могу я
Опять служить государю.
Стремительно мчится время —
Уж волосы побелели!

Кисточка записал этот стих и вместе с записями
Городе Печали представил князю. И когда прочел
все это князь Сердце, охватила его глубокая печаль,
и весь год провел он в тоске.

Во вторую луну второго года нового девиза Хозяин
прислал князю записку:

«Прошел год: вновь наступила весна, и все живое
обновилось, травы и деревья набираются новых сил.

Вы благородны духом и сильны волей, но вы про-
были долго в Городе Печали, и теперь вы в смятении,
а я лью слезы. Видно, печаль овладела вами всерьез.
Как же мне утешить вас?

Слышал я, что в селении Абрикосовый Цвет живет
богатырь, которого зовут Мудрым. У него глубокий и
широкий, как океан, ум. Родом он из Зерна, рожден
Дрожжами, имя ему — Вино, прозвище — Утешитель.
Когда-то он враждовал с Цюй Юанем, зато Юань Цзи,
Юань Сянь, Цзи Кан и Лю Лин любили его и прово-
дили с ним время в бамбуковых рощах, а Тао Юань-
мин не расставался с ним в Сюньяне. Говорят, великий
Ли Тай-бо даже подарил ему золотую черепаху в знак
нерушимой дружбы.

Одно время Вино торговал должностями в управе,
и на него стали смотреть косо, но теперь он бескорыс-
тен и беспристрастен, хорошо отличает чистое от

мутного. Он, правда, любит женщин, но всегда готов и к ратным подвигам.

Мне кажется, мудрый правитель должен ласками и подарками приближать к себе людей сообразительных, смелых и честных. Если вам станут служить такие вассалы, как этот богатырь, вы одолеете печаль и рассеете все сомнения».

Прочитав записку, князь объявил:

— Душа моя в смятении, ум возбужден. Приказываю Хозяину доставить ко мне богатыря Вино!

«Где деньги, там и вино, — сказал себе Хозяин. — Пошлю-ка я за Вином гонца Деньги!»

И он позвал Деньги.

— Разыщи богатыря Вино и скажи, что у меня пересохло в горле, пусть явится немедленно.

Деньги кликнул товарищей, они взяли посохи и отправились в путь.

Долго шли они. Побывали в деревнях на берегу рек и в селениях у подножия гор, но нигде не нашли Вина. И вот однажды повстречали пастуха в соломенном плаще, ехавшего верхом на воле.

— Не знаешь ли, приятель, где здесь Вино? — спросил Деньги.

Пастух осклабился.

— Как не знать! Вон там — видите?

И он указал на видневшуюся неподалеку деревушку, утопающую в ивах, на ограду, увитую цветами абрикоса.

Деньги с товарищами направился к деревеньке. Путь их лежал по тропинке вдоль ручья, берега его были покрыты густой душистой травой.

Подшли к ограде. В тени абрикосового дерева сидел Вино, видный собой молодец. Не вставая, он хмуро посмотрел на пришельцев.

Вы за мной? А что дадите?

Можем дать золотую шляпу, а можем — и целое государство, — язвительно ответил Деньги. — Ты что, шутить с нами вздумал? Государь наш пребывает в печали, о благе подданных печется, верных слуг сонашивает, а ты — «что дадите?». Прослышав о тебе, пожелал государь приблизить тебя к себе, дабы ты помог ему вернуть утраченную радость и упорядочить дела государства. День и ночь ждет он тебя, меня вот за тобой послал. Или тебе мало этого?

Прояснился лик Вина, ласковым стал его взгляд. Бросая стрелы в кувшин, он ответил:

— Быть или не быть печали — теперь в моей власти!

Сказал — и, надев доспехи, вскочил на коня, кликнул своих молодцов и поскакал в Лэйчжоу.

Шел пятнадцатый день третьей луны.

Князь Сердце выслал навстречу богатырю гонца, наказав передать: «Ты идешь мне на помощь и ведешь своих воинов — радость моя беспредельна. Именно такие люди нужны стране. Назначаю тебя Военным комендантом округов Чана, Бутыли и Кувшина, жалую чин Маршала и титул Гонителя Печали. Отдаю под твою власть все гарнизоны страны, кроме столичного. Повелеваю: составить план сражения и атаковать Печаль!».

Богатырь тотчас составил ответ, в котором благодарил за милости и доверие и заверял князя в преданности: «Третья луна второго года девиза «Возрождение изначального». Военный комендант округов Чана, Бутыли и Кувшина, Маршал Гонитель Печали по имени Вино почтительно докладывает. Все эти годы я жил

как святой: не ел зерна, праздно бродил по лугам и ждал Мудрого, который явится и умиротворит всё и вся. Вы, князь, приблизили меня к себе, пожаловали высокие чины — все во мне ликует, дух мой крепчает.

Род мой — от Зерна и Вод реки Цаоци. Некогда музицировал я в Цзянцзо с Ван Тань-чжи и Се Анем, разгуливал с Цзи Каном и Лю Лином в бамбуковых рощах. Все мое добро было стеклянная бутылка да чарка в форме клюва попугая. Приятели мои — пьянчужки из Гаояна. Так бы и бродяжничал я по берегам рек и озер, если бы вы не возвысили меня и не приказали сокрушить Печаль. Смогу ли я оправдать ваше доверие? Вы поручили мне возглавить войска, разработать план нападения на Город Печали и действовать смело и решительно. Заверяю вас, что приложу все силы, чтобы выполнить ваш приказ, буду служить вам верой и правдой, чтобы оправдать ваше доверие, безбрежное, как море».

Князь остался доволен ответом богатыря. Он повелел придать ему ударный отряд под командованием Ян Лэя и начать подготовку к штурму Города Печали.

Меж тем на землю спустился вечер: потемнело небо, повеяло прохладой, защебетали ласточки... А по городам и селам все еще трещали барабаны и дудели дудки — глашатаи созывали народ, чтобы объявить решение государя.

Богатырь подозвал Лю Чжана.

— Проследи, чтобы войска были наготове: чтобы никто не играл на комунго и никто не покинул своего поста!

Но воины были дисциплинированы и хорошо знали свои обязанности. Они построились так, что весь стан напоминал цветок с шестью лепестками.

Богатырь сел в лодку и поплыл к Городу Печали, громко восклицая: «Пусть превращусь я в простую Воду, если не одолею Печали!».

Подплыв к берегу и вытащив лодку, он кликнул писца, чтобы продиктовать обращение к жителям города:

«В такой-то день такой-то луны Военный комендант округов Чана, Бутыли и Кувшина шлет послание населению Города Печали.

Земля и Небо — вот прибежище всего сущего, и время — владыка поколений. А жизнь и смерть для всех нас — и знатных и незнатных — лишь мимолетный сон. И как не грустить мне, если за страдания в этом мире вас не вознаградили радостями мира иного?

Ваш город уже давно погружен в печаль. И я намерен прийти к вам, изгнанные вассалы, оскорбленные герои, непонятые мудрецы, и развеять вашу печаль, чтобы не покрывались морщинами ваши лица, чтобы не седали ваши головы. Ну, а что было — то было, в прошлом я не властен.

Сейчас я выполняю приказ князя Сердце. Под моим началом Синьфэнское войско, впереди Силач, с Запада — Ян Лэй, в ударном отряде — Крабы. Вы слышали о Плане восьми расположений Чжугэ Ляна, о храбрости чуского Ба-вана? Но все это детские игрушки по сравнению с тем, что я готовлю вам. Не уподобляйтесь Цюй Юаню, говорившему: «Весь мир пьян, только я один трезв!». Сдавайтесь же! Даю вам один день на размышление!»

Глашатаям было приказано читать послание как можно громче, дабы оно было услышано всеми в крепости. Но никто и не думал сопротивляться Вину. Только Цюй Юань решил остаться непобежденным и удалился, теребя редкую бороду.

Богатырь не успел даже дать сигнал к атаке — крепостные ворота распахнулись и крепость капитулировала.

Богатырь Вино упивался победой и славил своих воинов. Он отдавал последние приказания: часть войск велел оставить за пределами города, а другую разместить в крепости на постое. Все вокруг задвигалось, зашумело, загудело, напоминая рокот прилива и отлива, шум дождя по воде.

Князь Сердце поднялся на возвышение и огляделся. Расползлись темные тучи, рассеялся туман, повеяло свежестью — и вот уже засверкало на небе солнце. Радостью озарились лица тех, кто был печален; мученики забыли о своих страданиях и обидах; воспрянули духом разлученные. Здесь и там зазвучала музыка, кто-то запел песню, кто-то пустился в пляс. Лю Лин слагал стихи, Юань Цзи расправил плечи и запел; Тао Юань-мин заиграл на комунго, радостно глядя на зеленую листву, лицо его светилось счастьем; Ли Тай-бо в шелковом халате, с белой шляпой на голове, опьяненный ясной луной, поднял кубок...

Когда настала пора зажигать свечи, все были пьяны и двигались с трудом. Богатырь Вино отправился в свой шатер. Перед глазами его плыли цветы, покачиваясь в свете луны. Усадив рядом красотку, он отослал часовых и велел музыкантам играть...

Князь Сердце остался доволен увиденным. Подозвав писца Кисточку, он продиктовал такой указ:

«Я не оказал вам никакой милости, богатырь Вино, а вы постигли мои мысли и преданно служили мне — заслуги ваши неисчислимы. Чем могу я отплатить вам? Если даже дарую я вам высокую должность, и

еще одну, и еще, и еще — все равно останусь в долгу у вас. И решил я поэтому выстроить на месте города Мечали новый город и подарить его вам, присоединив к округам Чана, Бутыли и Кувшина.

И еще жалую вам титул Князя Радости, третью степень дворянства и шлю чайник ароматного вина из дворцовых подвалов. Пусть гремит в вашу честь победная музыка, пусть узнают все о ваших великих заслугах!»

«Если у нищего нет проса, он мог бы поесть медовых блинчиков», — изрек королевский сын. Не правда ли, вы уже слышали что-то похожее? А между тем истории, собранные в этой книге, переводятся впервые.

Вряд ли знала супруга Людовика XVI, которой приписывают слова: «Если у народа нет хлеба, он может есть пирожные», — о своем корейском предшественнике Чеане, незадачливом сыне короля Йеджона. Да и подозревала ли она о существовании корейского государства? Мария-Антуанетта была женщиной отнюдь не глупой, за Чеаном же, как говорит писатель XVI в. О Сукквон, закрепилась слава круглого дурака.

В разных концах земли, в разное время сказаны одни и те же слова. Но кто может поручиться, что они придуманы именно этими людьми? Во всяком случае, молва одинаково характеризует антипатичных народу персонажей царствующего дома, закрепляя за ними нелепое представление о жизни подданных.

Похожей, несмотря на различие культуры европейской и культуры дальневосточной страны, оказывается психология юмора, техника создания смешного. И то, над чем смеялся средневековый кореец, может быть смешным и для нас. Много в этой книге покажется знакомым и по-человечески понятным.

Вместе с тем что-то в этих очень разных занимательных миниатюрах, быть может, удивит, покажется странным, непривычным. И это естественно: корейская литература, как и всякая другая, есть часть культуры народа, отражение его истории. А история страны — как человеческая жизнь: нет прожитых одинаково веков, нет на свете двух государств, которые прошли бы совершенно одинаковый путь.

В этой книге собраны наиболее интересные произведения авторов XV—XVII вв., от анекдота, сказки, плутовской новеллы до довольно развернутых повествований, по сложности сюжета близких средневековому роману, развившемуся в последующие столетия. И есть среди них такие, которым жанровое определение трудно подобрать.

XV—XVII вв. в корейской литературе — время утверждения самостоятельности сюжетной прозы. Ранее в ней господствовали исторические сочинения и жития. Повествовательная проза начала отделяться от них в XII—XIII вв. Но и в XV—XVII вв. ни новеллы, ни анекдоты самостоятельно не издаются: еще нет сборников новелл, а есть пока еще нечто совсем особое — сборники литературы пхэсоль, литературы малых форм.

В сборниках, иногда состоящих из нескольких книг, шли подряд неозаглавленные сюжетные миниатюры, перемежаясь с краткими заметками о разведении табака, например, или рассуждением о повышении цен, пейзажными очерками, сведениями об обрядах и т. д.

Автор здесь выступал (особенно в ранних сборниках) более собирателем занимательного, забавного, любопытного, чем

сочинителем. И творческий элемент сводился к некоторой литературной обработке, неизбежной при записи и переводе с одного языка на другой (языком сборников был китайский), и главным образом — к расположению материала. Но с течением времени в сборниках пхэсоль все более появлялось собственно авторских повелл, очерков, заметок.

Материал в сборниках не повторялся. Это могло объясняться тем, что сборники пхэсоль в пору их возникновения были близки «неофициальным» историям, авторы которых нередко стремились сообщить читателю малоизвестное о героях древности. Стремление записать то, что достойно быть записанным, и причем такое, чего не записали предшественники — сохранить от забвения, — руководило авторами сборников. Каждый хронологически последующий сборник воспринимался, очевидно, как дополнение ко всем предыдущим, вышедшим века или десятилетия ранее.

В корейском государстве составление истории «официальной» (это делалось по распоряжению или с одобрения государя) или «неофициальной» (которая составлялась лицами, не состоявшими на государственной службе) всегда было делом почетным, ответственным, и ~~по~~ всякий мог претендовать на него. Историки — наиболее известные умы своего времени. Эта традиция тяготела и над сборниками пхэсоль: их авторы — цвет корейского ученого сословия.

Они были учеными-конфуцианцами — людьми рационалистического ума, отвергавшими суеверия. Их привлекало необычное, удивительное. Но удивлялись они не сверхъестественному, а тому, что порождали человеческие отношения. Если же автор все-таки записывал какой-то случай «из жизни духов», он непременно стремился найти ему разумное объяснение. Чаше же эти фантастические случаи использовались для порицания человеческих слабостей или для разоблачения суеверий («Змей монастыря Хваджанса», «Лисий перевал»).

Такой рационализм был в традициях историографии.

Эти же традиции, видимо, сказались еще и в том, что языком художественной прозы все еще оставался китайский, хотя уже в XV в. был изобретен корейский алфавит.

В наследство перешел и стиль. Его особенностью остаются сдержанность и простота. Стиль авторов ихэсоль обычно прост и беспристрастен, как стиль историка, стремящегося сохранить объективность того, что он излагает. При этом переданное «чужое слово» отделяется от слова автора. «Историк сказал» — так со времени китайского историографа Сыма Цяня, жившего две тысячи лет назад, начиналось суждение историка о только что изложенных событиях. И мы узнаем эту традицию в концовках корейских новелл и анекдотов.

В соответствии с установившимися вкусами авторы ихэсоль избирают героями своих произведений исторических лиц, нередко — прославленных современников. И мы видим, например, что авторы, представленные в данном сборнике, выступают героями в анекдотах и новеллах писателей-современников или авторов следующих поколений. Веселые проделки Лим Дже привлекли внимание Лю Монина; в его же новелле «Черепашовый суп» повествуется о том, как друзья подшутили над Ли Джесюном, чей рассказ «Женитьба Пхупсана» читатель прочитал несколькими страницами ранее.

Однако проза малых форм обращается не к официальной стороне жизни известных людей. Забавные рассказы характеризуют их с человеческой стороны, сохраняют в памяти поколений как людей живых, со слабостями и пристрастиями, достоинствами и недостатками. Человек в обычной жизни, в быту, в житейских ситуациях интересен авторам ихэсоль. Правда, пока еще в ситуациях, чем-то необычных: смешных, неожиданных, гротескных. Обыденное входит в литературу как необычное, поразительное. Обыкновенное пока не привлекает корейских авторов и долго не будет привлекать: оно еще не способно доставить эстетическое наслаждение. Утверждается эстетика необыкновенного в обыденном.

Литература открывает для себя новый мир — пестрый и разнообразный. Открывает она и нового героя. Знаменитые исторические лица — не единственные персонажи пхэсоль. Героями этой литературы становятся представители самых разных слоев: чиновники — от важных сановников до мелкой сошки, крестьяне и купцы, монахи и веселые вдовы, девушки из благородных семей, королевские родственники и сами короли, певички и студенты, прославленные поэты и безымянный люд.

Пхэсоль, пожалуй, больше других литературных произведений говорят нам о корейской жизни тех времен. Из пхэсоль мы узнаем, что шутка и розыгрыш были частью корейской жизни — она была куда разнообразнее, менее скучна и не так уныло-серьезна и торжественна, как это может показаться, если верить произведениям официального характера. Проказничали веселые школяры, шутили министры и короли, жены не всегда были преданны, а вдовы не всегда хранили верность покойному супругу. Все говорит о том, что между официальной моралью и реальным житьем-бытьем средневекового корейца были существенные расхождения, и арку «верной жене», случалось, заслуживали несколько неожиданным образом (новелла Лю Монина «Верной жене»).

В литературе той поры заметно внимание к отдельным свойствам, качествам человека, стремление сосредоточиться на каком-то одном из них. В пхэсоль эти качества чаще всего «бытовые»: жадность, глупость, и они — предмет насмешек. Но смех в пхэсоль не безобидный. Пхэсоль не всегда смеется над скупым и глупым вообще. Богатым глупцам в смешных ситуациях достается больше. Дурно воспитанным оказывается министр и сын сановника. Дураками — королевская родня и сын короля («Круглый дурак», «Играет в чанги», где королевского родственника оставил в дураках старый солдат). Высмеиваются развратные ханжи, осуждаются жестокость, бездумные, алчность, особенно если этими качествами обладает чи-

повинник, употребляющий во зло данную ему власть. Но, пожалуй, больше всего достается буддийским монахам, чьи незадачливые похождения всегда кончаются плачевно.

Это в значительной степени объясняется конфуцианскими позициями авторов, стремившихся улучшить нравы, выявив недостатки людей и указав на них. Однако за всем этим угадываются также демократические черты той фольклорной основы, что лежит в большинстве пхэсоль — народного рассказа, анекдота.

Интерес к устной традиции у авторов пхэсоль велик. Шутка, бытовавшая в народе, пословица, анекдот, плутовской рассказ находили место в сборниках.

Мы можем также встретить примеры бродячих сюжетов: так, поступок, свидетельствующий о сыновней почтительности (герой убивает коня, по привычке отвезшего хмельного хозяина к певиче-кисэн, с которой ему запретили видаться родители) и закреплённый в одном из ранних сборников за известным полководцем древности Ким Юсином, увязывается в пхэсоль Лю Мони́на с крупным государственным деятелем XV в. Хван Сусином, что говорит о свободном хождении этого сюжета.

Правда, этот случай позволяет нам судить также и о том, как далеко ушла корейская литература за четыре столетия в изображении психологического состояния человека, в умении развернуть сюжет, в использовании диалога. Молодому человеку в новелле Лю Мони́на «Хван Сусин убивает своего коня» нелегко было подчиниться воле отца и порвать с любимой. Он не мог решиться на это и сначала продолжал встречаться с ней тайком; и лишь после отповеди отца он соглашается с неизбежным и утверждает в своем решении. Следует великолепная сцена ночью в доме девушки, когда герой понимает ужас ситуации и пытается объяснить случившееся

оплошностью слуги, по выясняет, что виноват он сам. Развязка новеллы эмоционально подготовлена.

Таким образом, в данном случае пхэсоль, не подвергая сомнению исходного пункта — сыновней почтительности как обязательной добродетели, — психологически обосновывает поведение человека, показывая, как общее правило становится правилом личным и ценой каких усилий это далось.

Пхэсоль XV—XVII вв., как мы могли заметить, необычайно разнообразны и в то же время несут на себе вполне определенные черты общности. Они многое наследуют от породившего их исторического сочинения. Вызрев внутри него, пхэсоль выходят в мир литературы и развиваются далее — каждый жанр по своему закону, с общим, однако же, стремлением изобразить отдельный случай, отдельную судьбу и отказаться от той заданности действий героев, которую предусматривало историческое сочинение.

По-иному наследуют и по-иному отрицают ту же породившую их традицию произведения выдающегося корейского писателя Лим Дже (1549—1587).

Одно из них — сатира «Мышь под судом» — уже известно в русском переводе. В настоящем сборнике помещены два других — «История цветов» и «Город Печали».

Однако с Лим Дже здесь мы знакомимся несколько раньше: в повелле Лю Монина «Лим Дже явился на чужой праздник» он выступает как литературный персонаж. «Четверо великих» — так называли современники Лим Дже, Ким Сисыпа, известного нам по рассказу О Суиквона «Ким Сисып ругает стихи», и еще двух поэтов. Все они были героями многих забавных рассказов.

Проказник, смеющийся над людской церемонностью, несущий атмосферу непринужденного веселья, — таким остался Лим Дже в памяти потомков. На первый взгляд и его творения говорят только о непринужденной легкости и блеске остроумия. Но это только на первый взгляд. Трудно среди

современников Лим Дже, да и века спустя, найти писателя, столь глубокого по мысли. Произведения его при внешней легкости серьезны и сложны и, пожалуй, покажутся несколько необычными рядом с пестрой россыпью миниатюр пхэсоль. Вот «История цветов». В цветочном мире возносятся и гибнут поочередно четыре царства. Государи рождаются, взрослеют и женятся, восходит на престол. Они приближают к себе мудрых подданных или, вняв навету, совершают ошибки; забывают о государственных делах, увлекшись сочинением стихов или поднав под власть обольстительных красавиц. Все как у людей.

Но рождаются и умирают государи как цветы («государь онал»), об их достоинствах судят по цвету и аромату, а заслуги предка основателя царства Глиняный Горшок — в том, что «при государе Гао-цзуне он служил приправой к царской похлебке, что варилась в котле, и за эту заслугу был пожалован уделом в Глиняном Горшке». Цветы живут и действуют по тем же законам, что и люди, но в то же время и по другим — цветочным. Это и цветы и в то же время люди. И мы все время ощущаем эту двойственность.

Но еще острее ее ощущали современники писателя. Ведь «История цветов» написана по правилам одного из видов исторического сочинения, точно воспроизводит его форму. События излагаются по годам правления и излагаются «объективно», в критические моменты вторгается голос историографа. Его же рассуждениями от первого лица завершаются истории всех четырех царств. «История цветов» кончается общим суждением историографа о несовершенстве человеческой природы вообще. И «слово историка», как и полагается, контрастирует по стилю с остальным повествованием.

Авторы исторических сочинений в странах дальневосточной культуры всегда стремились к созданию эталонов поведения государя и подданных, приводя примеры, заслуживающие подражания, и образцы дурного поведения. И коль скоро

современники находили какие-то действия царствующего государя и его сановников не соответствующими идеальным нормам, историческое сочинение нередко воспринималось как критика своего недостойного века. И современники Лим Дже не могли не понимать, что «История цветов» в этом отношении не отличается от исторического сочинения.

Нам трудно до конца осмыслить все намеки на современную писателю жизнь, которые есть в «Истории цветов», однако кое-что можно угадать и сейчас. Так, не оставляет сомнений высказывание историка об исходе борьбы партий в царстве Лето: «Если уж государь династии Лето, имея всего лишь одного достойного человека у себя в помощниках, сумел навести порядок в государстве и добиться согласия и умиротворения, то тем более может это сделать мудрый государь, который правит людьми своего поколения, превыше всего ставя умиротворение народа, и добивается этого, следуя по истинному пути государя».

Многие лучшие умы в средневековой Корее осуждали бесконечную вражду придворных группировок, дорого обходившуюся государству. Как большое зло осознавал ее и Лим Дже.

Успешно выдержав экзамены и отказавшись от службы, Лим Дже посвятил себя литературе, не желая участвовать в недостойных деяниях своих современников. Позиция честного человека в безправственный век — один из важных вопросов, который поднимается в «Истории цветов». И «Наставник, хранящий чистоту» — золотая хризантема, — персонаж совсем не случайный в произведении Лим Дже.

Безусловно, многие ситуации в цветочном царстве, иногда соотнесенные Лим Дже с фактами из древней истории Китая, говорили современникам писателя о вещах очень знакомых и наблевших.

Несомненно, по-иному, чем мы, воспринимал средневековый кореец и фантастические персонажи, населявшие цветочное царство. Для него сосна и кипарис, например, никогда не были самими собой. Сосна и кипарис, которые не боятся зим-

вей стужи, — символы преданных подданных, верных государю в год смуты, людей принципиальных. Эти образы встречаются еще в книге Конфуция «Рассуждения и беседы» («Луньюй»).

Так же воспринимались веками в литературе бамбук, зеленеющий среди снега, кедр. Лотос чист, хризантема благородна. За каждым был закреплен определенный образ действий, и про каждого в древности уже кем-то было что-то сказано, каждый был воспет неоднократно. Вот поэтому персик в «Истории цветов» не просто персик, а тот, о котором говорилось еще в древней «Книге песен» («Шинцзипе»). И средневековому читателю легко было переходить на этот язык цветов и доставляло наслаждение увидеть знакомые намеки на стихи любимых поэтов древности.

В культуре стран Дальнего Востока большую роль играла символика цвета. Основные цвета соотносились со сторонами света, временами года, правлением тех или иных государей. И это тоже увеличивало возможность неоднозначного понимания ситуаций в цветочном царстве, вызывало у средневекового читателя дополнительные ассоциации.

Как разительное ощущалось современниками Лим Дже несоответствие «описания и предприятия» в «Истории цветов». Если «описание» и было фантастическим, то «предприятие» — историческое сочинение и задачи, которые оно ставило, — воспринималось средневековым читателем как нечто в высшей степени серьезное. Исторические сочинения вплоть до XX в. оставались основным после книг конфуцианского канона чтением образованного человека, принадлежа теперь более историографии, чем литературе. И вот это несоответствие делало «Историю цветов» произведением художественным (по характеру возникавшей у читателя эстетической реакции — одновременной и разнонаправленной).

«История цветов» — произведение не только редкого по одаренности писателя, но и мыслителя. «История цветов» Лим

Дже говорит о глубине проникновения в систему средневекового космоса и осознания механизма его работы.

Исторические сочинения дают идеальный образ мира, осозная средневековый космос на уровне идеологии. Действующие лица в них — государи и подданные. Это люди-функции, персонажи с заданным заранее, должным поведением. Добродетельный государь имеет определенную заранее программу поведения, равно как и дурной. Только так, а не иначе, ведет себя мудрый подданный, преданный военачальник, сын, дочь, жена.

Определенные воззрения на историю и общество, обусловленные дальневосточной культурной традицией, помогли Лим Дже создать свои аллегории. В принципе персонажи исторического сочинения могут быть заменены кем и чем угодно — цветом, насекомым, — надо лишь, чтобы они сохраняли должный образ действий. И Лим Дже это делает. Он заменяет детали механизма и заставляет его работать.

О том, что это не случайная находка, а сознательное отношение к схеме средневекового мира, говорят и другие произведения Лим Дже. В «Мыши под судом» действуют звери и птицы, в «Истории цветов» — цветы и насекомые.

Но вот перед нами «Город Печали». Действие разворачивается в мире, устроенном по законам мира людского: те же отношения между государем и подданными, та же главная пружина, от которой зависит существование царства — умение государя постичь гармонию светлого и темного начал в природе и не дать ее нарушить. В общем, все как у людей, и все, как в царстве цветов. Но как странно названы действующие лица «Города Печали». Правит здесь Сердце, его подданные — Человеколюбие и Справедливость, усердно служат ему Зрение и Слух, Речь и Движение. А наряду с ними воюет богатырь Вино, «что родом из Зерна, рожден Дрожжами», а за богатырем посылают гонца — Деньги, ибо «где вино, там и деньги». Трудно сразу сказать, где находится этот город, координаты

которого представляют такую невероятную смесь фантастического и реального. А между тем в «Мыши под судом» и «Истории цветов» нам не приходилось над этим задумываться: царство цветов и царство зверей были ясно обозначены.

Действие в «Городе Печали» длится четыре года. Вначале мудрый старец предупреждает успокоенного благополучием государя об опасностях, грозящих царству, и государь внемлет совету. Дальше рассказывается о том, как в государство приходят изгнанники и просят разрешения построить город. Возводится город, в котором живут безвинно погибшие герои прошлого. Их много. Каждый в свое время стремился отдать силы на благо людям, своему царству, своему государю. Люди, обманутые в своих лучших надеждах, подвергшиеся жестокой казни, покончившие жизнь самоубийством.

Вид города и его обитателей такой скорбный, что государь, посетив его, на целый год впадает в тоску. И снова мудрый подданный дает совет: призвать богатыря Вино, чтобы тот помог обрести радость и сосредоточиться на государственных делах. Вино двигает войска к городу Печали, и город открывается перед ним ворота.

Произведение сюжетно закончено, но построено оно же, как «История цветов»: события располагаются по годам правления. С точки зрения историографической, оно не завершено: царство, где был залит Вином город Печали, стоит, правление государя Сердце не кончено и как бы современно автору.

Рассказанное в «Городе Печали» мы воспринимаем как изложение «объективно» происходящего, пусть в каком-то фантастическом мире, но объективного, внешнего по отношению к автору. Однако средневековый корейский читатель имел основания воспринимать это произведение иначе. Дальневосточной культурной традиции было присуще представление о соответствии между телом человека и государством. Человеческий организм мыслился как некий «микрокосм» — точная

копия «макрокосма» — государства. Считалось, что механизм их работы и их структура одинаковы.

Это дает возможность понять «Город Печали» как произведение, изображающее процесс размышления писателя над историей, то есть процесс «внутренний» по отношению к автору. Эти размышления приводят его к горьким выводам о том, что верные и принципиальные люди редко вознаграждались по заслугам, а их жизнь, увы, слишком часто кончалась трагически. Так было в древнем Китае, так и в Корее, так было в прошлом, так и теперь. И вино — единственное средство, способное утолить печаль и привести к ощущению гармонии с окружающим миром.

О том, что здесь речь идет о государстве-человеке, говорит, например, имя главного действующего лица. Центральный персонаж «Города Печали», как и любой средневековой истории, — государь. Здесь это — Сердце. Именно Сердце охватывает печаль при обозрении бесчисленных жертв несправедливости и людской жестокости, и ему необходимо вино, чтобы сгладилась острота пережитого. Но сердце, по средневековым представлениям, есть средоточие ума, оно точно соответствует правителю в организме государственном. О том, что город Печали смотрится «внутренним» взором, говорит название округа, где возводится город и где происходит действие. Это Грудь. Вспомним также о Зрении и Слухе, Речи и Движении и других верных подданных государя Сердце.

Однако Лим Дже говорит не просто о человеке, а о человеке думающем и пишущем. Не случайно мы встречаем упоминание о кисти и тушечнице — неперемennых атрибутах кабинета ученого, которые «заменили» Сердцу «министров и градоначальников». С государем Сердце неразлучен писец Кисточка. Он записывает все увиденное и пережитое государем, появляясь в самые драматические минуты.

Не нарушая правил «игры», выработанных культурной традицией, Лим Дже создает произведение особенное, необыч-

ное для корейской литературы. Размышления об истории, о судьбах исторических и своей собственной (по-видимому, об этом говорят стихи современника, записанные Кисточкой, стихи о несбывшихся мечтах талантливого человека, об уходящей без смысла жизни), преломленные как внутренний по отношению к автору процесс и разыгрываемые как историческая пьеса из «государственной жизни», — такого не знала средневековая корейская литература. Но, видимо, в том и состоит назначение большого писателя — создавать то, чего еще не было.

Нетрудно заметить, что произведения Лим Дже и миниатюры из сборников пхэсоль очень не похожи. Если пхэсоль вышли из недр исторического сочинения, то творения Лим Дже родились в результате переосмысления выдающимся писателем формы исторического сочинения как целого, как взгляд на это целое со стороны.

И тем не менее они — равно дети своей эпохи, когда корейская художественная проза, став особым видом литературного творчества, делала быстрые шаги по самостоятельной дороге. За два века она дала много разнообразных и интересных произведений. С некоторыми лучшими их образцами смог познакомиться читатель в этой книге.

М. Никитина

Стр. 7. *Со Годжон* (1420—1488) — выдающийся ученый-энциклопедист и писатель, автор ряда крупнейших произведений своего времени: «Историческая хронология», «Анналы Кореи», «Антология корейской поэзии», «Записки о корейских писателях», «Собрание сочинений Са Га» и др.; занимал высшие административные посты, в том числе пост министра.

Хам Учхи (1408—1479) — известный корейский государственный деятель.

Стр. 9. *Король Седжо* — корейский король династии Ли, правил с 1456 по 1468 г.

Министр Годжон. — Имеется в виду сам автор новеллы *Со Годжон* (1420—1488), который занимал в правление короля Седжо пост министра.

«*Провинциальные записки*» — дословно «Записки о реках и озерах». Существует целый ряд китайских средневековых сборников, в название которых входит словосочетание «реки и озера», и, вероятно, один из них имеет в виду автор.

Инь и *ян* — понятия древней китайской космогонии и натурфилософии: инь — темное начало, ян — светлое. В резуль-

тате их взаимодействия возникает все сущее в мире. В плане человеческих отношений под инь понималось женское начало, под ян — мужское. Поддерживать их равновесие — функция правителя. Нарушение их равновесия — свидетельство неполадка в управлении.

Стр. 10. *Провинция Пхённандо* — расположена на севере Кореи.

Стр. 11. *Пхын Чон Мунхун* — известный государственный деятель и конфуцианский ученый Чон Монджу (1337—1392).

Конфуций (551—479 до н. э.) — китайский философ, основатель этико-политического учения.

Стр. 12. *Сон Хён* (ок. 1439 — ок. 1504) — выдающийся корейский писатель и музыковед, автор сочинений: «Собрание поэтических и прозаических произведений Хо Бэка», «Гроздь рассказов Ён Дже», «Рассуждения Пу Хюджа», «Об игре на музыкальных инструментах», «Руководство по музыке» и пр.;

1470—1494 гг. занимал должности главного королевского цензора и начальника Королевской литературной школы.

Кисэн — в средневековой Кореи специально обученные (существовали школы кисэн) певицы и танцовщицы; принадлежали к низшему слою общества.

Каягым — корейский струнный музыкальный инструмент.

Стр. 13. *Янбань* (буквально «два деления») — представитель корейского феодального дворянства. Янбани делились на гражданских и военных, или на «восточных» и «западных»: на приемах во дворце гражданские чиновники-янбани располагались на восточной стороне, военные — на западной.

Детское имя. — В старину корейцы имели по несколько имен: детское имя, которое давалось сразу после рождения; официальное — при наступлении совершеннолетия; обиходное — при обращении к равным или младшим; почетное — за заслуги перед государством и т. д.

Корё — название одного из древних государств на территории современной Кореи, а также королевской династии, правившей с 918 по 1391 г. От слова Корё происходит современное название — Корея.

Квандэ — в средневековой Корее бродячие актеры, комедианты.

Стр. 14. *Цюй Юань* (IV—III вв. до н. э.) — крупнейший китайский поэт и государственный деятель. Был оклеветан своими врагами, впал в немилость у князя и, по преданию, покончил с собой, утопившись в реке.

Стр. 18. *Бритоголовый*. — Имеется в виду буддийский монах. Монахи пользовались дурной репутацией, как глупцы, скареды, пьяницы и распутники.

Сонсэн — буквально «раньше (меня) родившийся». Обращение к учителям, ученым, образованным людям и т. д.

Стр. 19. *Водяные часы* — древние часы, основанные на принципе равномерного истечения воды (по каплям) из специально изготовленного сосуда. В Корее появились в VIII в.

Стр. 20. *Кымпу* — в старом Сеуле тюрьма для политических и особо опасных уголовных преступников.

Стр. 21. *Киль* — мера длины, равная 3,3 м.

Стр. 22. *Сонби* — ученый, студент, образованный человек.

Стр. 24. *Медвежья лапа и зародыш барса* — деликатесы древности; известны также олениный окорок, утиные языки, икра ската, верблюжий горб, обезьяньи губы, хвосты карпов, костный мозг и т. д.

Стр. 25. *Яшмовый зал*. — Имеется в виду центральное строение (или помещение) в буддийском монастыре, где стоит изображение Будды и совершаются торжественные богослужения.

Стр. 26. *Мокчхим* — небольшой четырехугольный деревянный брусок, который служил изголовьем; иногда изготовлялся с углублением для головы.

Стр. 29. *Сэн* — студент, учащийся; ученый, не имеющий степени.

Хакгун — учреждение, ведавшее распространением конфуцианства.

Стр. 31. *Пиксо* — специально отведенное для умершего место в доме, где он лежит до похорон.

Стр. 35. *Манту* — нампушки, приготовленные на пару, с начинкой из мяса, овощей, орехов, бобов и т. п. Приготавливаются из пшеничной и гречневой муки.

Маль — мера объема, около 1,8 л.

Стр. 36. *Ведомство Ритуала*. — В феодальной Корее было шесть Ведомств (министерств) — Чинов, Финансов, Ритуала, Военное, Уголовных дел, Казенных работ.

Стр. 37. *Король Чхунсон* — корейский король династии Корё, правивший с 1309 по 1313 г.

Династия Юань — династия, правившая в Китае с 1280 по 1367 г.

Стр. 39. *О Сукквон* (второе имя — Я Джокдан) — ученый и писатель XVI в., автор сборника пхэсолъ «Смешанные записки в духе байгуаней».

Ким Сисын (1435—1493) — крупнейший корейский поэт и прозаик.

Стр. 40. *Квидаль*. — Имеется в виду Хон Квидаль (1438—1504), литературный псевдоним — Хамхо, известный корейский поэт и государственный деятель.

Король Йеджон — корейский король династии Ли, правил в 1469 г.

Дао — дословно «путь». Философское понятие, лежащее в основе даосизма и конфуцианства. Постигание дао — постижение естественного пути, то есть всеобщего закона движения и изменения мира. Основатель даосизма — полупоупендарный философ Лао-цзы (VI в. до н. э.).

Чжэн-де — девиз годов правления китайского императора Минской династии У-цзуну (1506—1521). Со II в. до н. э. ки-

тайские императоры называли те или иные годы своего царствования особыми названиями — девизами годов правления. В Корею, которая находилась в вассальной зависимости от Китая, этот обычай заимствован в VII в.

Саныйвон — учреждение, ведавшее королевским платьем.

Стр. 41. *Чунмё* — посмертное имя Чунджона, корейского короля династии Ли, правившего с 1506 по 1544 г.

Стр. 42. *Ли Ги* (второе имя — Мун Джун, псевдоним — Кён Дже, 1476—1552) — автор сборника пхэсоль «Смешанные рассказы Сон Ва»; занимал пост министра.

Сэвон — лицо, занявшее первое место на государственных экзаменах (см. прим. к стр. 62 — чинса).

Стр. 43. *Малые Южные ворота*. — В старом Сеуле было четверо главных (больших) ворот, ориентированных по сторонам света и соответственно называвшихся — Южные, Восточные, Северные и Западные. Кроме больших ворот, были также и малые.

Сом — мера сыпучих тел, около 80 кг.

Стр. 45. *Год капин* — по европейскому летосчислению здесь соответствует 1554 г.

Король Мёнджон — корейский король династии Ли, правил с 1546 по 1567 г.

Стр. 46. *Ким Анно* (второе имя — И Сук, псевдонимы — Хый Накдан, Ён Чхон, Тхэ Дже, 1481—1553) — писатель и государственный деятель (был министром), автор сборника пхэсоль «Рассказы Ён Чхона, написанные в уединении».

Стр. 47. *История о секретаре Хане* — китайская легенда о любви юноши Хань Шоу и девушки Цзя У. Хань Шоу в конце III в. служил секретарем у Цзя Чуна, сановника государства Цзинь (265—420), и влюбился в его дочь. Молодые люди встречались тайно. В доме Цзя Чуна хранились пожалованные императором благоволенные курения для вручения будущему мужу дочери. Цзя У похитила курения, пе-

редала их Хань Шоу, а Цзя Чуну пришлось выдать за него дочь.

Стр. 48. *Чокджа* — картины или образчики каллиграфии на полосках шелка или бумаги, которые вывешивались вертикально на стенах в самом помещении и снаружи.

Стр. 49. *Третья стража*. — Ночное время в старой Корее (с 7 ч. вечера до 5 ч. утра) делилось на пять страж. Каждая стража состояла из одного часа (один корейский час — «си» — был равен двум европейским). Таким образом, третья стража — время с 11 ч. вечера до 1 ч. ночи.

...играли на флейте под луной. — Имеется в виду китайская легенда о супругах Сяо Ши и Лун-юй — дочери правителя удела Цинь Мугуна (1001—947 до н. э.). Сяо Ши научил Лун-юй играть на флейте. Однажды, когда они играли вместе, прилетели феи-пиксы и унесли их на небо.

Тхэдже — литературный псевдоним автора — Кима Анно (1481—1553).

Стр. 53. *Ли Джесин* (второе имя — Моп Ын, псевдоним — Чхон Гап, 1536—1583) — прославленный военачальник и писатель, автор сборника пхэсоль «Записки Чхон Гапа о незначительном».

Стр. 55. *Квон Ынин* (ок. XVI в.) — писатель, автор сборника пхэсоль «Море записей Сон Ге».

Южная школа. — Старый Сеул делился на четыре района — Центральный, Восточный, Западный и Южный. В каждом районе было по одной школе.

Стр. 57. *Чха Чхонно* (второе имя — Пок Вон, псевдоним — О Сан, 1556—1615) — известный поэт и прозаик, автор сборников — «Собрание сочинений О Сана», «Сельские напевы», «Несколько рассказов О Сана».

Хон Юнсон (1390—1440) — корейский военный и государственный деятель. Прославился необычайной жестокостью и тиранством.

Стр. 58. *Внутренние ворота*. — В усадьбах зажиточных корейцев были внешний (передний) и внутренний (задний) дворы. Каждый из дворов имел свою ограду. Во дворы вели соответственно внешние и внутренние ворота.

Кванмё — посмертное имя Кванхэгунa, корейского короля династии Ли, правившего с 1609 по 1623 г. За свое деспотическое правление был свергнут с престола.

Стр. 59. *Сонмё* — посмертное имя Сонджона, корейского короля династии Ли, правившего с 1470 по 1494 г.

Стр. 61. *Ли Докхён* (второе имя — Мён Бо, псевдоним — Хан Ым, 1561—1613) — известный государственный деятель и писатель, автор сборника ихэсоль «Досужне рассказы у бамбукового окошка».

«*Сышу*» и «*Саньцзин*» — общее название книг конфуцианского канона. «*Сышу*» («Четверокнижие») включает в себя книги: «Мэн-цзы» (сочинения Мэн-цзы), «Лунъюй» (изречения Конфуция), «Да сюэ» («Великое учение»), «Чжун юн» («Середина и постоянство»). «*Саньцзин*» («Троекнижие») включает в себя «Книгу песен» («Шицзин»), «Книгу преданий» («Шуцзин») и «Книгу перемен» («Ицзин»).

Стр. 62. *Чилса* — высшая ученая степень, которая присваивалась лицам, занявшим первых три места на столичных государственных экзаменах, где отбирались люди на государственную службу.

Стр. 63. *...бесформенный ком глины...* — Статуи Будды, помимо таких материалов, как камень, бронза и т. д., делались из глины и раскрашивались.

Стр. 65. *Манхо* (буквально «десять тысяч домов») — начальник гарнизона уезда или волости.

Стр. 67. *Чхон Е* (ок. XVII в.) — писатель, автор сборника ихэсоль «Разные рассказы Кореи».

Чедок — старший воинский начальник провинции.

Стр. 72. *Хан Мёнхве* (1415—1487) — известный корейский государственный деятель.

Стр. 73. *Три учреждения* — высшие правительственные учреждения в старой Корее: верховный суд, королевский цензорат, королевская канцелярия.

Чвасу — начальник волостной управы.

Стр. 76. *Тайные выезды* — поездки короля по стране инкогнито, когда он путешествовал без телохранителей, переодетый в платье простолюдина, совершались либо с целью инспекции, либо для развлечения.

Стр. 77. *...возведена в звание ее мужа.* — В средневековой Корее к женам чиновников обращались в соответствии со званием мужей.

Король Ёнсан — корейский король династии Ли, правил с 1494 по 1506 г. Известен в истории Кореи как жестокий и развратный деспот.

Переворот Чунджона. — В 1506 г. в Корее произошел дворцовый переворот, деспот Ёнсан был свергнут, на престол вступил новый король — Чунджон. Правил с 1506 по 1544 г.

Стр. 79. *Ли Вонмён* (ок. XVII в.) — писатель, автор сборника пхэсол «Собрание рассказов Тон Я».

Стр. 80. *Брачное письмо* — письмо с предложением заключить брак, писалось на красной бумаге. Красный цвет — цвет радости.

Стр. 81. *Чипхён* — один из высших чинов Верховного суда; *сынджи* — министр, начальник ведомства; *кёри* — цензор.

Саран — гостиная, а также комната хозяина; лучшее помещение в доме.

Внешний двор. — См. прим. к стр. 58.

Шесть обрядов — совершались при заключении брака: сватовство, узнавание имени матери невесты, сообщение невесте счастливого дня для бракосочетания (определялся при помощи гадания), подношение подарков невесте, испрашивание у родителей невесты согласия с выбранным счастливым днем, встреча невесты с женихом.

Стр. 83. *Маге Чо Ви* — корейский ученый и государственный деятель XV в., был послом в Китае, помощником начальника ведомства. Казнен при короле Ёнсане.

Пара яшмовых перстней. — В старой Корее был распространен обычай при расставании брать по одному перстню, браслету и т. д., которые изготовлялись парами, совершенно одинаковыми. Узнавание после долгой разлуки близких людей посредством сличения перстней — очень распространенный мотив в корейской средневековой литературе.

Кон — корейский феодальный титул, князь; форма обращения к высокопоставленным чиновникам.

Стр. 84. *«Правила поведения в семье»* — глава из «Лицзи», древнего конфуцианского канона.

Стр. 85. *Чхое Бу* (ум. в 1504 г.) — корейский ученый и государственный деятель, последователь известного конфуцианского ученого Ким Джонсика (1431—1492); был казнен королем Ёнсаном.

Год пёнин — по европейскому летосчислению здесь 1506 г.

Счастливейший день — наиболее благоприятный день для того или иного начинания; определялся гадальщиками.

Стр. 89. *Оса* — тайный королевский ревизор, путешествовал инкогнито, пользовался очень большими полномочиями. Его отличительными знаками были особый жезл и серебряная пластинка с изображением лошадиных голов: число голов на пластинке соответствовало количеству лошадей, которое имел право получать оса на почтовых станциях.

Стр. 91. *Лю Джегон* (ок. XVII в.) — писатель, автор сборника пхэсолъ «Записки о том, что видел и слышал на родной стороне».

Лян — средневековая корейская денежная единица, равнялась примерно 37 граммам.

Стр. 92. *Муж ее был еще совсем ребенком...* — В старой Корее ранние браки были очень распространены, девушек из бедных семей нередко выдавали замуж за несовершеннолетних.

Кан — единица измерения длины и площади, равная 2,5 м.

Стр. 94. *Добродетельная жена*. — В средневековой Корее чрезвычайно поощрялась женская добродетель. Дочь, любящая и почитающая своих родителей, жена, до конца дней своих носящая траур по умершему мужу и оплакивающая его, получали почетные титулы (звания) — Почтительная дочь, Добродетельная жена и т. д. В их честь строились почетные арки, устанавливались памятные таблички.

Стр. 95. *Лю Монин* (второе имя — Ын Мун, псевдоним — О Удан, 1559—1623) — известный государственный деятель и писатель, автор сборников «Рассказы О У», «Собрание сочинений О У».

Лим Дже (1549—1587) — известный корейский писатель. Два его произведения включены в настоящий сборник.

Стр. 97. *Чусо* — королевский историограф, чиновник высшего ранга.

Стр. 98. *Год шпилек* — год, когда девушке исполнилось пятнадцать лет (совершеннолетие) и она получала право делать прическу, скреплявшуюся при помощи шпилек.

Стр. 99. *Муса* — военный дворянин.

Стр. 100. *...проткнул оконную бумагу...* — До конца XIX в. в Корее не было оконного стекла. Окна заклеивались промасленной бумагой, которая закреплялась при помощи решетчатых рам.

Стр. 101. *Арка «Верной жене»*. — См. прим. к стр. 94.

...под навесом. — Имеется в виду место под открытым небом, где проходили экзамены; для защиты от дождя и солнца устраивался специальный навес.

То-ши и *Юй-гун* — персонажи древних китайских легенд.

Стр. 102. *Ли Джесин* — см. прим. к стр. 53.

Стр. 103. *Чхонджи* — чиновник Пенсии-приказа.

Хо Гван (1471—1529) — известный корейский государственный деятель.

Стр. 104. *Каннам* (кит. Цзяннань) — старое название земель к югу от р. Инцзы в Китае, ныне — провинция Хунань.

Стр. 105. *Король Сонджо* — корейский король династии Ли, правил с 1568 по 1608 г.

Трехлетний траур. — Траур по близким родственникам продолжался в течение трех лет; соблюдался строгий пост, одежду носили самую грубую; белый цвет — цвет траура.

Стр. 106. *Три добродетели* — или три правила поведения женщины в семье: до замужества — повиноваться отцу, после замужества — мужу, после смерти мужа — старшему сыну.

Король Кванхэ (Кванхэгун) — корейский король династии Ли, правил с 1609 по 1621 г. Тринадцатый год его правления соответствует 1621 г.

Хван Сусин (1407—1467) — известный корейский государственный деятель.

Хван Хый (1363—1452) — крупный корейский государственный деятель, отличался большой скромностью.

Стр. 108. *Чанги* — корейская национальная игра типа шахмат.

...на Востоке... — на востоке по отношению к Китаю, то есть в Корее.

Стр. 109. *Сон Ин* (1517—1584) — корейский знаток и толкователь конфуцианства, литератор; зять короля Чунджона (см. прим. к стр. 77 — переворот Чунджона).

Горящие стрелы. — Имеются в виду сигнальные стрелы, применявшиеся во время военных действий: наконечники обматывались паклей и поджигались.

Стр. 110. ...сто лет не могла выдержать экзамен. — Образное выражение, обозначающее большие трудности, которые пришлось преодолеть человеку для достижения своей цели — выдержать экзамен, получить должность и т. д.

Стр. 112. *Имджинская война* — национально-освободительная война корейского народа против японских захватчиков (1592—1598).

Год чоню — по европейскому летосчислению здесь 1597 г.

Стр. 113. *Каса* — корейский средневековый поэтический жанр; *каса* пелись в сопровождении музыкальных инструментов.

Южные варвары — племена, жившие к югу от Китая. Китайцы считали, что их страна окружена варварскими племенами, отсюда выражения — южные варвары, западные варвары и т. д.

Стр. 114. *Год муо* — по европейскому летосчислению здесь 1618 г.

Нурхац (1539—1626) — первый маньчжурский император.

Стр. 115. *Хын* — мера объема, равная примерно 0,104 л.

Стр. 116. *Тхонджеса* — звание командующего военно-морскими силами трех провинций — Чхунчхондо, Кёнсандо и Чолладо.

Северный поход. — Имеется в виду война с маньчжурами (с Нурхац) в 1618 г.

Стр. 118. *...твердил названия двадцати восьми созвездий*. — По средневековым поверьям считалось, что это отгоняет злых духов.

Стр. 120. *Чхок* — мера длины, равная 32 см.

Кванбан — специальный чиновник, встречавший иностранных послов.

...небо, мол, круглое. — По древней китайской космогонии, небо представлялось круглым, а земля — квадратной (кубической).

Три начала — конфуцианский термин, обозначающий небо, землю и человека.

Пять достоинств — конфуцианский термин, обозначающий милосердие, справедливость, скромность, мудрость и верность.

Стр. 123. *Зыбучие западные пески*. — Имеется в виду пустыня Гоби, вообще западные (по отношению к Корее) области — в частности, Индия.

Лисий перевал. — Название перевала связывается с лисами-оборотнями, якобы жившими там.

Стр. 124. *...сел на нее верхом...* — В старой Корее рогатый скот (и в том числе коровы) использовался не столько как мясо-молочный, сколько как тягловый.

Стр. 126. *Чамбани* — род коротких мужских штанов; такие штаны крестьяне обычно носят во время полевых работ.

Чон Нинджи (1396—1478) — крупнейший корейский ученый и государственный деятель, один из создателей корейской национальной письменности.

Стр. 128. *Тве* — мера сыпучих тел, около 1,8 кг.

Стр. 133. *...задал Джадану такую строку приказал сочинить дальше.* — В старину был обычай сочинять стихи вдвоем: один из участников произносил первую строку, второй — вторую и т. д. Это были стихи в жанре рёнгу (кит. лян-цзюй), строившиеся на принципе параллелизма — смыслового, грамматического и т. д.

Осень прохладу опять... — строка из стихотворения китайского поэта Хань Юя (768—824).

Су Цзы-чжань (Су Дун-по, Су Ши; 1037—1101) — крупнейший китайский поэт.

Бо Лэ-тянь (Во Цзюй-и; 772—846) — крупнейший китайский поэт.

Стр. 135. *Сонзан Чон Чхоль* (1536—1593) — известный корейский поэт и государственный деятель, писал в жанре каса (см. прим. к стр. 113).

Стр. 137. *Год кею* — по европейскому летосчислению здесь 1573 г.

Год кёнин — по европейскому летосчислению здесь 1590 г.

Чиновничьи экзамены — экзамены на право занять государственную должность. Учреждены в Корее в X в.

Стр. 138. *Тхэсу* — губернатор провинции.

Хёнбан — чиновник уездной управы, ведавший уголовными делами; *кыпчхан* — секретарь правителя, передающий приказы; *сарён* — один из низших чинов управы.

Стр. 139. *Пёльгам, чхангам* — низшие чины уездной или волостной управы.

Стр. 141. *Саджу* (буквально: «четыре даты») — документ, содержащий год, месяц, день и час рождения жениха и невесты. По саджу жениха и невесты составлялся гороскоп, в котором выяснялось, нет ли в сочетаниях дат неблагоприятных для свадьбы предзнаменований, а также выбирался день свадьбы, когда сочетания в ходе планет были наиболее счастливыми. Например, нельзя было допускать сочетания «тигр» и «заяц», ибо тигр съест зайца.

Стр. 142. *Киса* — попечительское учреждение для заслуженных престарелых чиновников.

Хон Увон (1605—1687) — известный корейский государственный деятель и писатель.

Стр. 148. *Тао Юань-мин* (Тао Цянь; 365—427) — великий китайский поэт древности. Его произведения очень популярны в Корее.

Чжоу Мао-шу (960—1280) — известный китайский ученый.

Чжуан-цзы (Чжуан Чжоу; 368—290 до н. э.) — крупнейший философ древнего Китая (представитель даосизма) и один из самых выдающихся писателей своего времени.

Чжун Чжан-гун (179—220) — известный китайский ученый.

Стр. 149. *Линь Бу* — китайский поэт периода Сун (960—1279).

Господин Ли — вероятно, имеется в виду корейский живописец позднего средневековья Ли Юсин (Сокдан).

Стр. 151. *Лим Дже* (второе имя — Джа Сун, псевдонимы — Пэк Хо, Кём Дже, 1549—1587) — известный поэт и прозаик, автор повестей «Мышь под судом», «История цветов», «Город печали» и «Собрания сочинений Пэк Хо».

Стр. 153. *Глиняный Горшок* — по-китайски тао. То же слово служит названием княжества Тао, которым, по преданию, правил легендарный Яо (2356—2258 гг. до н. э.), считавшийся

одним из идеальных древних императоров Китая. Другие названия царств цветов — Лето (по-китайски я) и Шруд (тан) — одновременно названия легендарных или реальных китайских царств и правивших ими династий: Ся (2205—1766 до н. э.) и Тан (618—907). Благодаря игре слов история цветов ассоциируется с историей людей.

Лофу — горы в китайской провинции Гуандун. Сливы с этих гор — образы многих китайских легенд и поэтических произведений.

Династия Шан, или Инь. — Согласно традиции, правила Китаем в 1766—1122 гг. до н. э.

Гао-цзун — царь династии Шан У-дин (1323—1266 гг. до н. э.); обратился к отшельнику Юэ, которого назначал своим первым министром, со словами: «Будь для меня тем же, чем служат соль и чернослив, когда готовят вкусную похлебку».

«Лисао». — См. прим. к стр. 189 — поэма «Скорбь Дягиля».

Улинский Персик. — Это название пришло в литературу из утопии китайского поэта Тао Юань-мина (см. прим. к стр. 148) «Персиковый источник», где рассказывается о том, как один рыбак из Улина, плывя по реке, оказался в роще персиковых деревьев, за которой нашел счастливую страну.

«Шицзин». — См. прим. к стр. 61 — «Сышу» и «Саньцзин».

Стр. 154. *Ванму*, или Сиванму — согласно древним преданиям, богиня, местопребывание которой — легендарная гора Куньлунь, расположенная на западе. Там на берегу Яшмового пруда стоит ее Яшмовый дворец.

...сумел унаследовать славные дела своих предков... все оказались под его влиянием... — По древним китайским представлениям, правитель (император) наследовал от своих предков их великие деяния и обладал особой духовной внутренней силой, оказывавшей магическое благотворное воздействие на мир людей и природу; эта сила также передавалась по наследству. Считалось, что государь находится в центре мира,

его подданные являются по отношению к нему «близкими», а люди (народы), живущие на периферии мира,— «дальними». «Близкие» подвергаются более сильному воздействию духовной внутренней силы государя, однако она достигает и «дальних», побуждая их прибыть ко двору с данью в знак покорности. Пользуясь непереваемой игрой слов, Лим Дже отождествляет внутреннюю силу государя с цветением сливы, а ее благотворное влияние — с ароматом ее цветов.

Тирания снега. — Снег олицетворяет государя-тирана, против которого, по конфуцианским представлениям, восстание оправдано.

Одинокaй Бамбук и сановник Сосна, «Пожалованная государем Цинь». — Стойкий бамбук в китайской культуре символизирует прямоту и честность, сосна, остающаяся зеленой, когда остальные деревья теряют листву, — высокую принципиальность и верность долгу. В 219 г. до н. э. первый император династии Цинь Ши хуан-ди (246—210 гг. до н. э.) пожаловал сосне, под которой укрылся от дождя и ветра во время спуска с горы Тайшань, титул «сановника пятого разряда». Здесь эти деревья — олицетворение типа честных сановников, способных бесстрашно увещевать государя.

Стихия дерева. — Согласно традиционным китайским представлениям, каждая династия правит от имени одной из «пяти стихий (элементов)» космоса (металла, дерева, воды, огня и земли) и духовная сила государя связана с той или другой стихией. В число важнейших ритуальных действий, которые должен был совершить основатель династии, были выбор столицы, названия государства, символических главного числа и официального цвета, введение календаря с новым начальным месяцем года.

Стр. 155. *Божественный земледелец Шэнь-нун* — мифический государь, якобы правивший в III тысячелетии до н. э. По преданию, он впервые ввел жертвоприношения всему живому в двенадцатой луне и составил первую книгу о лекарст-

венных травах; он определял целебные и ядовитые травы, ударяя волшебным «красным бичом».

Лунный дворец. — По китайским легендам, на луне есть «просторный студеный дворец», в его садах растут коричные деревья.

Чжоуская Тай-сы — супруга китайского государя Вэнь-вана (XII в. до н. э.; см. прим. к стр. 173 — *Пышный государь*). Тай-сы считается образцовой женой.

«Стебли простерла далеко кругом конопля». — Согласно классическому толкованию «Шицзин», в песне под этим названием, где воспевается усердная, бережливая, умелая в женском труде хозяйка, изображена образцовая государыня.

Пророчества. — Имеется в виду китайское историческое сочинение «Рассказы о царствах» («Гоюй»), где говорится, что во времена царя государства Западного Чжоу Сюань-вана (827—781 гг. до н. э.) в Китае распевали песню «Лук из горного тута и колчан из стеблей травы в самом деле погубят царство Чжоу». Из-за этого пророчества были казнены продавцы луков и колчанов. Кто-то из них, однако, успел спасти красавицу Бао-сы, в дальнейшем ставшую женой чжоуского Ю-вана (781—770 гг. до н. э.) и в конце концов погубившую государство Западное Чжоу.

Чжоу — династия, правившая Китаем в 1122—256 гг. до н. э.

Стр. 156. *Ван Си-чжи* (321—379) — знаменитый китайский поэт и каллиграф.

Область Сян — в царстве Чу, ныне провинция Хунань, местность, где по реке Сян (Сюсян) в изобилии растет крапчатый бамбук.

Бамбук был спокоен... Прозвали его «Все постигший отшельник». — С помощью неререводимой игры слов Лим Дже наделяет Одинокую Бамбуку чертами отшельника-даоса. Одно из древних китайских философских учений — даосизм — проповедовало спокойствие, внутреннюю «пустоту», то есть бес-

страстность и отказ от знаний, ограниченность желаний и уход от мира. Слова «Все постигший» могут быть поняты и как «круглый и сквозной», что характерно для бамбука.

Княжество У — древнее княжество в Китае, в основном на территории современной провинции Цзянсу, затем название этой провинции. Здесь у одного чиновника был знаменитый сад, где росло много бамбуковых деревьев.

Танские стихи — стихи китайских поэтов эпохи расцвета литературы при династии Тан (618—907).

Стр. 157. *Шанский Тан* (1766—1760 гг. до н. э.) — легендарный основатель династии Шан.

И Инь... пахал землю в Синье... — Имеется в виду идеальный первый министр шанского Тана, который до того был земледельцем и обрабатывал поле в местности Синь.

Циский Хуань (685—643 гг. до н. э.) — правитель княжества Ци.

Гуань Чжун (ум. в 645 г. до н. э.) — первый министр Хуаня, доставивший своему государю могущество и титул гегемона — вождя удельных правителей.

Ханьский Гао — Гао-цзу (ум. в 195 г. до н. э.), основатель династии Хань (202 г. до н. э. — 220 г. н. э.) в Китае.

Сяо Хэ — соратник и впоследствии первый министр Гао-цзу.

Чжао-ле — Лю Бэй (правил в 221—223 гг.), император государства Шу (династии Шу-Хань) в эпоху Троецарствия в Китае.

Чжугэ Лян (181—234) — первый министр императора Чжао-ле, знаменитый государственный деятель и полководец.

Стр. 158. *...на своей белой колеснице, запряженной белыми конями...* — Белый цвет в Китае означает траур. Государь династии, которая пала, должен был сдаться на некрашеной колеснице, запряженной белыми конями.

Стр. 159. *Иян* — название местности в Китае, в провинции Хэнань.

Суншань — название гор в Китае, в провинции Хэнань.

Кипарис Прямой — по-китайски бо чжи. В то же время Бо Чжи — имя главнокомандующего царства Вэй, сражавшегося с ханьским Гао-цзу (см. прим. к стр. 157 — ханьский Гао) в конце III в. до н. э. Кипарис — вечнозеленое дерево и потому символ принципиальности.

Вэй — древнее царство, расположенное на севере современной провинции Хэнань и юго-западе современной провинции Шаньси.

«Воевода большого дерева» — прозвание воеводы Фэн И, служившего основателю династии Восточная Хань — Гуан-у-ди в I в. н. э. Во время обсуждения своих заслуг генералами Гуан-у-ди Фэн И единственный из всех выказал незаинтересованность, укрывшись за большим деревом. Отсюда его прозвание, которое Лим Дже приписывает большому дереву — кипарису, одновременно намекая на его скромность и бескорыстие.

Шунь (2317—2208 гг. до н. э.) — легендарный идеальный государь китайской древности. Преемник (с 2255 г. до н. э.) императора Яо (см. прим. к стр. 153 — Глиняный Горшок). Песня Шуя, которую он исполнял под аккомпанемент пятиструнной люти, — «Южный ветер»; в ней благотворное влияние государя на народ сравнивалось с дуновением южного ветра.

Князь удела Би. — По преданию, Шунь сделал своего брата владетельным князем удела Би, ныне провинция Шаньси.

Хэ Сунь — китайский поэт VI в., служивший в области Ян, ныне провинция Шаньси.

Линь По — китайский поэт XI в., жил на горе у озера Сиху (см. прим. к стр. 183 — озеро Цяньтан).

Мэн Хао-жань (689—740) — известный китайский поэт. Рассказывают, что однажды, проезжая по мосту через реку Ба (провинция Шэньси), он сложил стихи о сливе.

Стр. 160. *Ли Бо* (701—762) — знаменитый китайский поэт.

Цинь — земля, на которой находилось древнее царство Цинь, охватывавшее часть территорий современных провинций Шэньси, Ганьсу и Сычуань.

Ушань — название гор в Китае в современной провинции Чжэцзян (на юге древнего царства У). *Беседка Цзинтин* находилась на горе Цзинтиншань в современной провинции Аньхой.

Стр. 161. *Инь* — см. прим. к стр. 153 — династия Шан.

Восточный Глиняный Горшок. — В этом названии содержится намек на то, что прославленные китайские династии Чжоу и Хань перенесли свою столицу на восток, поэтому историки именовали их после этого Восточная Чжоу и Восточная Хань. Восточная столица при Чжоу называлась Лои (Дунду), при Хань — Лоян (Дунцзин).

Стр. 163. *Восточная палата*. — Так называлось построенное при династии Хань (II в. до н. э.) здание в столице, предназначенное для привлечения ко двору и приема «достойных людей».

Су Ши (Су Дун-по; 1036—1101) — крупнейший китайский поэт, государственный деятель и ученый.

Стр. 164. *Тан*. — См. прим. к стр. 153 — Глиняный Горшок.

Хуанган — название местности в Китае (провинция Аньхой), славящейся обилием бамбука.

Ли-фу — Ли Линь-фу, первый министр при танском императоре Сюань-цауне (712—756). Отличался хитростью и коварством. Его фамилия Ли имеет значение «слива».

Стр. 165. *...мать поверила в его вину...* — В Китае в эпоху воюющих царств (V—III вв. до н. э.) в государстве Цинь в Бисяне жил некто Шэн Цань. Его однофамилец убил человека. Матери Шэн Цаня сказали, будто убийство совершил ее сын. Об этом говорило ей столько людей, что в конце концов она сама потеряла веру в невиновность сына.

Малая провинность. — Рассказывают, что когда во владении Лу, где Конфуций был министром правосудия, перестали

пользоваться его советами, он отправился совершать жертвоприношение. Когда же и тут ему не прислали жертвенного мяса, он удалился прочь как был, в парадном головном уборе. Те, кто его не знал, полагали, что он ушел только по этой причине. Те, кто знал его, объясняли его уход тем, что в Лу больше не соблюдают обрядов и правил должного поведения. На самом же деле Конфуций предпочел уйти из-за «малой провинности», чем удалиться просто так, ни с того ни с сего, только по внутреннему побуждению.

Стр. 166. *Знатная дама Тополь* — по-китайски ян гуй жэнь, что означает также «знатная дама Ян» (ян — тополь). Сочетание слов «знатная дама Ян» ассоциируется с фамилией и титулом знаменитой красавицы, «знатной супруги Ян» (Ян-гуйфэй), любимой второй жены танского императора Сюаньцзуна (712—756). Ян быстро подчинила своему влиянию государя и двор, добилась возвышения своих родных и в 745 г. стала вторым лицом после императрицы. В 756 г., во время мятежа против императора, ненавистное семейство фаворитов Ян было перебито солдатами.

«*Летающая ласточка*» — по-китайски фэй янь. Имя Чжао Фэй-янь, наложницы высшего ранга и фаворитки, а затем супруги ханьского императора Чэн-ди (32—7 гг. до н. э.).

Царевна Долголетний Тополь. — Долголетний тополь по-китайски шоу ян. В то же время Шоуяп — название древнего уезда в провинции Аньхой. «Шоуянская царевна» — титул дочери сунского императора У-ди (420—422). Однажды, когда она лежала на солище под навесом дворца, лепестки сливы, кружась, упали ей на лоб, прилипли и образовали цветок из пяти лепестков. В подражание этому женщины стали делать украшения из цветов сливы.

Чжуан-цзы. — См. прим. к стр. 148. В трактате, который ему приписывают, рассказывается, что однажды он увидел себя во сне бабочкой и, проснувшись, не мог понять, сам ли он

видел во сне, что он бабочка, или бабочке снится, что она человек Чжуан Чжоу. Чжуан Чжоу был чиновником в местности Циюань (название это буквально значит «Сад лаковых деревьев»).

Стр. 167. *Золотая крепость* — округ Цзишъчэн (что означает «крепость с металлическими — или золотыми — стенами») был создан в Китае при династии Хань на части территорий нынешних провинций Ганьсу и Цинхай.

Тополный Шух — по-китайски ян сюй; намек на Ян Го-чжуна — брата Ян-гуйфэй.

Чжан Сюй (V в.) — чиновник, который славился душевной чистотой, честностью и бескорыстием. Его император посадил перед дворцом иву, с прекрасным обликом которой сравнивал духовный облик Чжан Сюя. В тексте — двусмысленность: по-китайски «разврат» и «облик» — разные значения одного слова.

Го-чжун — Ян Го-чжун, брат Ян-гуйфэй, человек низкий, благодаря сестре ставший первым министром.

Великая стена — линия укреплений, построена династией Цинь для защиты от набегов варварских племен сюнну.

Дворец «Рассеянный аромат» и чаша для собирания росы реально существовали при ханьском императоре У-ди (141—87 гг. до н. э.).

Стр. 168. *Сюнну* (гуны) — кочевники, обитавшие в древности к северу от Китая и постоянно совершавшие на него набеги.

Срединное государство — то есть Китай; название подчеркивает его центральное положение в мире.

Кукушка, владетель Шу... — В конце династии Чжоу государем владения Шу (в нынешней Сычуани) был Ду-юй, который объявил себя императором. По одной из легенд, его душа обернулась кукушкой после его смерти.

«Княжич в золотистом платье» — так назвал иволгу танский Сюань-цзун, увидев ее в саду дворца.

Стр. 170. «Летающий полководец» *Слива* — намек на ханьского генерала Ли Гуана (II в. до н. э.), воевавшего с сюнну: он был прозван ими «летающий полководец». Фамилия Ли имеет значение «слива».

Он стал укрепленным лагерем среди тонких ив. — Тонкие ивы по-китайски си лю. В то же время Силу — название местности в современной провинции Шэньси, где в 158 г. до н. э. стал укрепленным лагерем ханьский военачальник Чжоу Я-фу.

Сливовое Счастье — по-китайски мэй фу. Намек на ученого и чиновника Мэй Фу, который жил в Китае в I в. до н. э. — I в. н. э. Одно время он был военным начальником уезда Наньчан, а потом бросил службу еще при ханьском Чэн-ди (32—7 гг. до н. э.) и неоднократно подавал ему доклады, требуя лишить могущества усиливающийся род Ванов, но император не внял им. Когда в начале I в. н. э. узурпатор Ван Ман захватил бразды правления, Мэй Фу ушел из дому и переименовал фамилию и имя. Дальнейшая судьба его окружена даоскими легендами: в частности, говорят, что он удалился в горы на юге, где жил отшельником.

Темное и светлое начала. — См. прим. к стр. 9 — инь и ян.

Стр. 171. *Гора «Ветер пустынных просторов».* — Лапфэн — название одной из гор Куньлуня (см. прим. к стр. 154 — Ван-му), где, по легенде, обитают духи и бессмертные.

Повелитель Ветров — по-китайски фэйлянь. Это название крылатого зверя, покрытого длинными перьями или же с головой оленя и телом птицы. В то же время Фэй-лянь — имя подданного последнего государя династии Шан, который жил в XII в. до н. э. и был предком государей Цинь. Поскольку Ураган происходил от фэйляня, Лин Дже с помощью игры слов устанавливает его родство с Фэй-лянем, и у него оказывается общий предок с государями Цинь.

Стр. 172. *Сюань-цзун.* — См. прим. к стр. 166 — знатная дама Тополь.

Ян Го-чжун. — См. прим. к стр. 167 — Го-чжун.

Туфани — тибетские племена, создавшие сильное государство и совершавшие набеги на Танский Китай.

Ань Лу-шань — китайский генерал тюркского происхождения, любимец императора Сюань-цзуна и Ян-гуйфэй, поднявший мятеж против государя в 755 г. и двинувший войска на столицу. Во время бегства императора из столицы и были убиты Ян-гуйфэй и ее родичи. Ань Лу-шань пал от руки своего сына в 757 г.

Стр. 173. *Кай-юань* и *тянь-бао* — девизы годов правления Сюань-цзуна (713—741 и 742—755 гг.).

Двенадцать периодов, обозначенных циклическими знаками. — В Китае с древности для обозначения двенадцати месяцев, двенадцати двухчасовых отрезков суток, двенадцати делений компаса и т. д. применялись двенадцать циклических знаков, каждому из которых соответствовало одно животное из двенадцати знаков зодиака. Пятому циклическому знаку соответствовал «дракон», шестому — «змея». Знаком «дракона» обозначали третью луну года, на которую приходился конец династии Гиньинного Горшка. В то же время годы также объединялись в многолетние циклы, которые распадалась на двенадцать периодов, обозначенных циклическими знаками. Время от императора Яо до династии Тан примерно приходится на пятый и шестой из этих периодов под знаками «дракона» и «змеи». Государь Тан велит свое происхождение от Яо, который одно время был государем владения Тан.

Пышный государь — Вэнь-ван. Китайское слово вэнь — «узор» применительно к цветку значит «нарядный», «пышный», применительно к человеку означает культурную утонченность. Как посмертный титул царя это слово подчеркивает мирное цивилизующее влияние его личности, его мягкость и доброту. Вэнь-ван — это посмертный титул отца основателя династии Чжоу (XII в. до н. э.).

...имел фамилию Яо — Красивый, имя — Желтый, второе имя — Красный. — По словам знаменитого поэта и ученого

Оуян Сю (1017—1072), в семье простолюдинов Яо был выведен редкий сорт пиона, который по-китайски называется «желтый Яо» (то есть желтый цветок из семьи Яо). Слово яо значит также «красивый». Пион по-китайски мудань, поэтому Лим Дже дал Пышному государю второе имя Дань, что значит «Красный».

Стр. 174. *Желтый обрадовался и почувствовал уверенность в себе.*— Это история о знамении будущей победы красного Пиона над белой Сливой. Здесь Лим Дже использует легенду об основателе династии Хань Гао-цзу (см. прим. к стр. 157 — ханьский Гао), который рассек мечом загородившую ему дорогу змею; позже какая-то старуха, плача, рассказывала, что ее сын — змея — был сыном Белого императора и что его рассек мечом сын Красного императора. Старуха, сказав это, исчезла, а Гао-цзу обрадовался в душе и уверился в своих силах. Это рассказ о знамении возвышения дома Хань, с которым связан красный цвет.

Ганский Мин-хуан — Сюань-цзун.

Волшебные деревья. — Имеется в виду дерево минцзе. Это «календарное дерево». Пятнадцать круглых листьев или стручков его вырастают по одному в день за первую половину лунного месяца и опадают за вторую его половину. По преданию, такие деревья росли при императоре Яо по обе стороны (или в расщелинах) дворцовых ступеней.

...следующего по пути неба... — то есть по пути, который одобряет божественное небо, пути космической гармонии.

Стр. 175. *«Густая роса»* — одна из песен «Шицзина», посвященная пиру, который государь дает в честь удельных правителей; в ней упоминаются те растения, которых принимал Пион во дворце Южного тепла.

Пурпурный Пион. — Как писал Оуян Сю, это редкий сорт пиона, выведенный в семье первого министра Вэй Жэнь-бао. Оуян Сю упоминает этот пион рядом с «желтым цветком из

семьи Яо» под названием «пурпурный цветок из семьи Вэй». Поэтому Лим Дже и поженил оба цветка.

Стр. 176. ...указом повелел разыскать потомков династии Глиняный Горшок. — Начиная с династии Чжоу в Китае установился обычай оказывать почет потомкам предшествующих династий, которые именовались «уважаемыми гостями» царствующей династии. Они не считались ее подданными и продолжали приносить жертвы своим предкам.

Приказ кипарисов. — При династии Хань на территории Приказа императорского секретаря росли кипарисовые деревья, отчего он и назывался Приказ кипарисов, или Кипарисовая терраса.

Палата софоры. — При династии Тан перед зданием третьего присутствия Палаты ученых росла большая софора, за что это учреждение называли Присутственное место софоры.

Палата лагерстремий — намек на название Ведомство лагерстремий, которое одно время носило Ведомство дворцовых документов при династии Тан. В Корее времен династии Ли (1392—1910) этому учреждению соответствовал Прокурорский приказ, ведавший представлениями царю о неправильности его решений. Лагерстремия — декоративное дерево с мелкими красными ароматными цветами.

Библиотека полыни и лебеды. — Полюнь и лебеда по-китайски пэн лай. Пэнлай также название сказочной горы в море, где обитают бессмертные. Пэнлайским книгохранилищем в Корее эпохи Ли называлось учреждение, чиновники которого ведали книгами, собранными во дворце, составляли официальные документы и т. п.

Литературно образованные, праведные и честные ученые. — Так назывались еще при династии Хань образованные люди, которых провинциальные власти обязаны были рекомендовать вниманию двора. Эти лица проходили письменные испытания, и, смотря по результатам, император назначал их на должности или отказывался от их услуг.

Стр. 177. «Цзочжуань» — «Комментарий Цзо» к конфуцианской классической книге летописи «Чуньцю»; приписывается Цзо Цю-мину и охватывает период с 722 по 463 гг. до н. э. Составлен во второй половине IV — первой половине III вв. до н. э.

«Чистота и ясность» — образ хорошего, не омраченного смутой правления. В то же время «чистота и ясность» — название одного из двадцати четырех периодов, на которые делится год в Китае. Этот период приходится как раз на начало четвертой луны года, то есть на время основания царства Лето.

Правила поведения и музыка считались в Китае необходимым элементом жизни цивилизованного общества, могучим средством духовного воздействия на людей и потому находились в ведении государя и его правительства.

Шао — княжество в древнем Китае (в современной провинции Шэньси). Князь Шао (ум. в 1053 г. до н. э.) — сын чжоуского Вэнь-вана (см. прим. к стр. 173 — Пышный государь) и знаменитый министр его сына, У-вана, основателя династии Чжоу.

Хэнъян — название старого округа в Китае на территории современной провинции Хунань.

Абрикосовая терраса находится в современной провинции Шаньдун. Здесь Конфуций объяснял ученикам свое учение.

...на рыночной площади под софорами.. — Когда-то так называлось место около столицы ханьского Китая, неподалеку от учебных учреждений. Здесь, на открытой рыночной площади, усаженной софорами, собирались ученые, которые торговали, а также рассуждали и спорили друг с другом с конфуцианскими книгами в руках.

Орхидея. — Есть предание, что Конфуций в ту пору, когда ни один удельный правитель не давал ему должности, по дороге из одного владения в другое в уединенном ущелье увидел одинокую орхидею, цветущую пышным цветом. Он со вздохом сказал, думая о себе, что орхидея должна была бы

благоухать для царя, а она цветет одиноко, наравно с другими цветами; так же и достойный человек, не дождавшийся своего часа, оказывается в одном ряду с низкими людьми.

«Наставник с девяти полей». — В поэме Цюй Юаня «Ли-сао» (см. прим. к стр. 189 — поэма «Скорбь Дягиля») говорится о «девяти полях», засаженных орхидеями.

Стр. 178. *Четыре старца*, или «четверо седовласых» — достойные люди, удалившиеся от смуты конца династии Цинь (III в. до н. э.) в горы Шаншань. Напрасно искал их основатель династии Хань. Они явились к его двору только раз (195 г. до н. э.), и то, чтобы воспрепятствовать осуществлению его намерения.

«Наставник, трижды цветущий». — Ирис цветет трижды в год, за это в «Чуских строфах» (см. прим. к стр. 201) он назван «трижды цветущим».

«Указывающая лстеца». — Китайское предание рассказывает, что у легендарного Желтого императора — Хуан-ди — была трава, которая указывала на лстецов.

«Мать» — по-китайски сюань; это слово имеет два значения: «дикая желтая лилия» и «мать». В «Шицзине» есть стихотворение, где говорится, что женщина, тоскующая по мужу, собирается посадить «траву забвения печали» — дикую желтую лилию — в северном зале дома, на женской его половине. В то же время почтительное название матери — «северный зал» или «зал желтой лилии». Так образ тоскующей жены соединился с образом матери.

Большие пески — по-китайски чан ша. В то же время Чанша — это название вассального царства на территории современной провинции Хунань при династии Хань. Император Вэнь-ди (180—157 гг. до н. э.) удалил туда в почетную ссылку ученого, поэта и государственного деятеля Цзя И (201—169 гг. до н. э.). Лим Дже этимологизирует название Чанша, имея в виду, что шиповник растет на песке.

Стр. 179. *Ван Вэй* (701—761) — знаменитый китайский поэт. У него есть стихотворение, посвященное разлуке с другом в городе Вэйчэн (в современной провинции Шэньси), на засаженом дворе, «в тени зеленых ив». Ива — символ расставания.

Танские Ню и Ли — две могущественные бюрократические семьи в Китае IX в., образовавшие в сорокалетней борьбе за власть «партию Ню» (во главе с Ню Сэн-жу) и «партию Ли» (во главе с Ли Дэ-юем, сыном бывшего первого министра Ли Цзи-пу, врага Ню Сэн-жу).

Стр. 180. *Сунские Лоянцы и Ичуаньцы* — две борющиеся за власть партии в Китае конца XI в. (в правление династии Сун). Одну из них возглавлял Чэн И (1033—1107), родом из Лояна, — отсюда и название партии. Видным участником другой был Су Шэнь (см. прим. к стр. 163), родом из Ичуаня.

Танский Вэнь-цзун правил в 827—840 гг.

Истинный путь государя — путь идеального правления в конфуцианском понимании.

«*Шуцзин*». — См. прим. к стр. 61.

«*Лушьюй*». — См. прим. к стр. 61.

Стр. 181. ...его появления и отъезды всегда были непостоянными. — Лим Дже проводит аналогию между непостоянством ветра и нерегулярностью приездов вождей «варваров» с данью к китайскому двору. Объясняя это «непостоянство» тем, что «варвары» не имеют должных нравственных устоев, императоры особенно задаривали их, чтобы поощрить выражения покорности с их стороны.

«*Талантливая искусница*». — Этот чин для императорских наложниц впервые был введен в III в. При династии Тан было семь «талантливых искусниц», они ведали порядком в женских покоях дворца и выделкой шелка и конопли, которые представляли в казну.

Стр. 182. *Государь Гуй династии Ся* — по преданию, последний плохой правитель этой династии, свергнутый и изгнанный шанским Таном (см. прим. к стр. 157). Более извест-

теи под посмертным именем Цзе. Он взял в жены порочную красавицу Мэй Си и совершал чрезмерные траты для ее удовольствия, в частности — воздвиг для нее сказочно роскошный дворец, устроил в окружающем его парке озеро, которое наполнил вином, приказал увешать деревья сушеным мясом и т. д.

Император Гуан династии Суй — Ян-ди (605—618), известен как один из самых дурных правителей и людей в китайской истории. В то время как народ страдал под его игом, двор утопал в роскоши, а гарем был полон красавицами, для потехи которых выдумывались все новые забавы.

Разбойники из Зеленого леса. — Так назывались разбойники, в том числе крестьянские повстанцы, в связи с тем, что голодающие крестьяне, поднявшиеся против власти императора Ван Мана в 17 г. н. э. на юге Китая, прятались в горах Лулиньшань в современном Хубэе — в «горах Зеленого леса».

Стр. 183. *Коричная область* — по-китайски Гуйчжоу. Гуй — другое название провинции Гуанси.

Озеро Цяньтан — другое название знаменитого озера Сиху в провинции Чжэцзян. В название Цяньтан входит слово тап (пруд, окруженный земляной дамбой), которое в несколько ином написании служит названием династии Тан в Китае и названием царства Пруд у Лим Дже. Это озеро знаменито лотосами и находится на юге Китая, отсюда название царства — Южный Пруд, созвучное названию китайской династии Южная Тан (937—975).

Стр. 184. *Хуашань* — гора в современной провинции Шаньси, ее центральный пик называется «Пик цветка лотоса». В стихах эпохи Тан говорилось, что это «цветок лотоса» высотой в десять чжан, то есть свыше тридцати метров.

Горный ручей Жое — течет под горами Жое в провинции Чжэцзян. Место, овеянное легендами и воспетое Ли Бо.

Лянский император У-ди — основатель династии Лян, правил в 502—549 гг.

«Постигший истину бессмертный из Белой реки» — так кто-то по ошибке прочитал надпись на медной монете, выпущенной императором Ван Маном в 14 г. н. э. Белая река начинается в провинции Хубэй, недалеко от места, откуда был родом основатель Восточной Хань Гуан-у-ди, и эта надпись на монете впоследствии стала рассматриваться как знамение его возвышения. Постигший истину бессмертный — даосское название совершенного мудреца.

Стр. 185. *Нельзя понять, отчего это.* — По теории пяти стихий дереву должен соответствовать зеленый цвет, земле — желтый и воде — черный. Между тем цвет сливы и лотоса — белый, а пиона — красный. Историк выражает недоумение по этому поводу.

«Вода — носитель внутренних достоинств». — В 221 г. до н. э. император Цинь Ши хуан-ди дал это название реке Хуанхэ в связи с тем, что династия его правила от имени стихии воды.

...уничтожил «колодезные поля» и пустил в обращение медную монету. — Согласно китайскому преданию, при идеальных правителях древности существовала система наделения крестьян землей, именовавшаяся «колодезные поля». Единицей наделения являлись девять квадратных участков земли — полей, которые располагались один в центре, а остальные по его сторонам; при этом их границы образовывали линии, похожие на иероглиф «колодец», отсюда название этой системы. Разрушителем этой системы считался циньский правитель Сяо-гуи (361—338 гг. до н. э.), упразднивший ее по совету своего первого министра. Медные деньги были впервые введены в царстве Цинь правителем Хой-гуном (499 г. до н. э.). Лим Дже приписывает Лотосу, правившему, как и династия Цинь, от имени стихии воды, некоторые действия государей Цинь.

Царство свое он назвал Золотым — Осенним. — Вероятно, намек на официальное провозглашение в 1126 г. империи чжурчженей — Цзинь («Золотая»). Повелитель Ветров, «непостоянный», подобно варварам (см. прим. к стр. 181), перестал, как и чжурчжэни, являться с данью ко двору и создал собственное царство. Его господство над северо-западными ветрами — по-видимому, намек на северное положение государства Цзинь по отношению к китайской империи Сун.

Ду Жу-хой — образцовый первый министр и законодатель при тапском императоре Тай-цзуне (627—649). *Имбирь* — условный перевод названия лекарственного растения дужо (в Китае иногда неправильно называют его имбирем). Дужо можно понять и как «подобный Ду Жу-хою».

Стр. 187. *Карп.* — Ветер, который дует в девятой луне, называют «ветром карпа».

Ма Юань (ум. в 49 г.) — восначальник при ханьском императоре Гуан-у-ди (25—57). Носил титул «воеводы — покорителя волн» во время умирения восстания местных племен на юге в начале 40-х годов.

«Лотосовая сутра» — одна из священных книг буддийского канона (сутр), очень почитаемая буддистами в Китае, Корее, Японии. Лотос — буддийский символ.

Собрания верующих для жертвоприношений духам воды и суши — буддийский религиозный обряд, введенный при лянском У-ди (502—549).

Стр. 188. *Нива, где должно посеять семена своего будущего счастья* — буддийское выражение, уподобляющее воздаяние (будущее счастье) урожаю, семена которого сам человек как бы посеял на поле.

Должность узора на царском парадном платье. — По-китайски должность трех высших министров древности иносказательно называлась «должность тех, кто носит парадное платье». Кроме них, такое платье носил только царь.

«Вода, в которой мыли рис» — так переводится фамилия «супруги Пань», красавицы фаворитки китайского князя Дуи-хунь-хоу (499—500), о которой рассказывается в приведенном в тексте предании.

Люлан — дословно «Шестой юноша», то есть шестой сын в семье. Прозвище, которое получил во дворце красавец Чжан Чан-цзун, фаворит танской императрицы У-хоу (684—704). Его сравнивали с лотосом в тех же выражениях, что Люлан у Лим Дже.

Стр. 189. *Лисьи чары*. — По китайским представлениям, лисы являются оборотнями, которые могут принимать человеческий облик и вмешиваться в жизнь людей, вредя им колдовскими чарами.

Дягиль — намек на Цюй Юаня, который, как сказано в «Лисао», оделся в дягиль, растущий у реки.

Царевич Фальшивая Орхидея — намек на царевича Цзы-ланя (лань значит орхидея), сына Хуай-вана (царя Чу, правившего в 328—299 гг. до н. э.). Цзы-лань устроил так, что Цюй Юаня оклеветали перед братом Цзы-ланя, царем Чу, Цин-сяном, который изгнал Цюй Юаня на юг, где тот скитался в области Сян (см. прим. к стр. 156).

Поэма «Скорь Дягиля» — намек на поэму «Лисао» («Скорь изгнанника»), созданную Цюй Юанем. («Дягиль» и «изгнанник» звучат одинаково по-китайски и пишутся похоже.) Хуай-ван по навету удалил Цюй Юаня от себя, и тот излил в поэме свое негодование по поводу того, что клеветники заслонили от царя честных и бескорыстных людей и дают ему дурные советы.

...выпил белой холодной росы... — Есть китайская легенда, что ханьский император У-ди (141—87 гг. до н. э.) по совету мага выпил росы, надеясь обрести бессмертие. «Белая роса» — это также название одного из двадцати четырех периодов китайского года, начинающегося на восьмой или девятый день девятой луны. В это время цветет лотос.

...хотел уступить престол отшельнику Хризантеме, что жил у бамбуковой изгороди с восточной стороны... — Намек на знаменитого поэта Тао Цяня (см. прим. к стр. 148 — Тао Юань-мин), который в одном из своих произведений говорит: «Срываю хризантемы под восточной бамбуковой изгородью». Тао Цянь был непревзойденным певцом хризантем и большим их любителем. Даоские сочинения сообщают несколько историй о достойных государях, хотевших уступить престол отшельникам, которые отказались от этого.

Господин Тао — знаменитый поэт Тао Цянь, который жил отшельником в Лили («Каштановая деревня») в современной провинции Цзянси.

Стр. 190. *Сон о Нанькэ*. — Это выражение пошло от новеллы китайского писателя Ли Гун-цзо (VIII—IX вв.) «Правитель Нанькэ». В ней рассказывается, как некий отставной военный увидел чудесный сон, будто он прибыл в страну, государь которой отдал ему в жены свою дочь и назначил правителем области Нанькэ. Он жил в довольстве, но потом на него посыпались несчастья — жена умерла, а сам он попал в опалу и был отослан на родину. Тут он проснулся и обнаружил, что все это ему лишь приснилось. После этого он увлекся даосизмом, поняв, что сон его свидетельствует о тщете погои за чинами, знатностью, богатством и властью.

Цзи-цзы — князь Цзи по имени Сюй-юй, верный подданный последнего царя династии Шан — порочного Чжоу (XII в. до н. э.). За попытки увещевать государя был заключен в тюрьму, освобожден оттуда после падения династии Шан царем У-ваном, но бежал (по преданию, в Корею), не желая служить новой династии. Затем он получил от У-вана титул князя Цзи и явился с визитом ко двору. Проезжая по дороге мимо разрушенной столицы Шан, взволнованный зрелищем хлебов, растущих на развалинах, он излил свою боль в песне «Пшеничные колосья».

«Там просо склонилось теперь» — песня «Шицзина», где изливается скорбь чжоуского сановника при виде запустения бывшей столицы Чжоу после переноса царской резиденции на восток, в Лоу в 770 г. до н. э. (см. прим. к стр. 161 — Восточный Глиняный Горшок).

Его характер отличался прямодушием. — Царство Лето ассоциируется с царством Ся (см. прим. к стр. 153 — Глиняный Горшок). Государи династии Ся, по древнекитайской теории, выдвинули особый принцип управления, который считали главным для воспитания народа, — «прямодушие».

Закон о «трех уважаемых гостях». — См. прим. к стр. 176 — указом повелел разыскать потомков династии Глиняный Горшок.

Стр. 192. *Сунский наставник из Ляньси* — литературный псевдоним Чжоу Дунь-и (1017—1073), знаменитого философа эпохи Сун.

Стр. 195. *Шунь.* — См. прим. к стр. 159.

Яо. — См. прим. к стр. 153.

Стр. 196. *«Ицзин».* — См. прим. к стр. 61.

Стр. 197. *Ян и инь.* — См. прим. к стр. 9.

«Шуцзин». — См. прим. к стр. 61.

Стр. 199. *Пань Юэ (247—300)* — китайский поэт, по легенде, красавец, пленявший женщин румянцем своих щек.

Сун Юй (290—223 гг. до н. э.) — выдающийся китайский поэт, который, по преданию, всегда имел скорбный вид после самоубийства своего учителя Цюй Юаня.

Сюньянцзян — название реки Янцзы у Цзюнзяна (в современной провинции Цзянси).

Бо Цзюй-и. — См. прим. к стр. 133. В 815 г. был сослан в область Цзюнзян в качестве помощника ее правителя.

Ду Фу (712—770) — великий китайский поэт.

Дворец Больших Ворот. — По преданию, в этом дворце жила императрица Чань — отвергнутая жена ханьского императора У-ди (141—87 гг. до н. э.). Она одарила золотом поэта

Сыма Сян-жу (179—117 гг. до н. э.), написавшего «Стихотворение в прозе о Высоких воротах», которое побудило императора снова приблизить к себе государыню Чэнь.

Ласточкина беседка — название терема, построенного талским чиновником по фамилии Чжан в годы под девизом «чжэнь-юань» (785—804) в Сюйчжоу, где он служил, для любимой наложницы Гуань Пянь-пянь. После смерти Чжана она жила в этом тереме еще пятнадцать лет, не выходя замуж, перестала есть и умерла.

Сяосянский бамбук (см. прим. к стр. 156 — область Сян). — Легенда гласит, что крапивки на этом бамбуке — следы слез, пролитых женами Шуя после его смерти. Эти жены утопились в реке Сяосян.

Му-ван — царь династии Чжоу (правил в 1001—947 гг. до н. э.). Китайская традиция приписывает ему далекие путешествия, в частности — на запад, к царице Ванму.

Тайшань — самая высокая гора в современной провинции Шаньдун.

Хуашань. — См. прим. к стр. 184.

Стр. 200. *Чуский Хуай-ван*. — См. прим. к стр. 189 — царевич Фальшивая Орхидея.

Чуский Сян-ван (298—263 гг. до н. э.) — царь Цин-сян государства Чу, см. там же.

Стр. 201. «*Чуские строфы*» — поэтический памятник царства Чу, сборник произведений ряда авторов, начиная с Цюй Юаня.

Фу-су (ум. в 210 г. до н. э.) — царевич, старший сын императора Ши хуан-ди, в 212 г. до н. э. пытавшийся отговорить отца от суровой политики и за это отосланный от двора на север с поручением контролировать генерала Мэн Тяня (см. след. прим.). Оба они покончили с собой в результате придворного заговора.

Мэн Тянь (ум. в 210 г. до н. э.) — известный полководец императора Ши хуан-ди, участвовавший в объединении Китая

царством Цинь, знаменитый своими войнами с кочевниками сюнну и строительством Великой стены в 40-х гг. III в. до н. э.

...около четырехсот сонби... — По приказу Ши хуан-ди, в 242 г. до н. э. были казнены 460 ученых, обвиненных в том, что они критиковали императора и смущали народ.

Эмэйские горы — горы в провинции Сычуань.

Стр. 202. *Писец Кисточка*. — Этот персонаж заимствован из произведения выдающегося писателя Хань Юя (768—824) «Биография Кисти».

Гуань Лун-фэн — образцовый подданный, не раз увещевавший тирана Цзе (см. прим. к стр. 182 — государь Гуй династии Ся), пока тот, потеряв терпение, не предал его смерти.

Цзе-ван — царь Цзе династии Ся (см. прим. к стр. 182 — государь Гуй династии Ся).

Би Гань — царский сын, достойный родственник Чжоу (XII в. до н. э.), последнего государя династии Шан. Тиран Чжоу вырезал у Би Ганя сердце, чтобы посмотреть, как он сказал, в самом ли деле в сердце мудреца семь отверстий.

Цзи Синь — генерал ханьского Гао-цзу (см. прим. к стр. 157 — ханьский Гао). Летом 204 г. до н. э. он спас своего государя от врагов. Для этого Цзи Синь выехал навстречу войскам противника — чуского царя-гегемона Сян Юя (см. чуский ван) под видом Гао-цзу, на царской колеснице, и объявил, что Гао-цзу сдается в плен, дав ему тем временем возможность бежать. Сян Юй, обнаружив обман, сжег Цзи Синя живьем.

Чуский ван (206—202 гг. до н. э.) — царь-гегемон владения Чу Сян Юй. Главный соперник ханьского Гао-цзу.

Чжугэ Лян. — См. прим. к стр. 157.

Цао Пэй — сын Цао Цао (155—220), выдающегося полководца и всемогущего первого министра последнего ханьского императора. Когда Цао Цао умер, Цао Пэй объявил себя императором государства Вэй. Умер в 239 г., а его династия существовала до 264 г.

Юн Чи — боевой соратник Гао-цзу (см. прим. к стр. 157 — ханьский Гао), раз изменивший ему. В 201 г. до н. э. Гао-цзу, не любивший Юн Чи, все же пожаловал его княжеским титулом и этим успокоил других своих военачальников.

Фань Цзэн — мудрый советник Сян Юя. Он очень опасался Гао-цзу и считал, что его нужно уничтожить. Ему это почти удалось во время пира Хунмэнь (206 г. до н. э.), когда Гао-цзу едва спасся бегством. Его соратник, извиняясь перед Сян Юем и Фань Цзэном за внезапный отъезд ханьского Гао-цзу, поднес им подарки. Фань Цзэн в гневе разбил яшмовый ковш для вина, который ему подарили, и вскричал: «Теперь мы уже его пленники». Умер в 204 г. до н. э., оставив Сян Юя лишь тогда, когда тот стал относиться к нему с подозрением.

Гуань Юй (ум. в 219 г.) — знаменитый военачальник эпохи конца династии Хань и войны между основателями трех царств, верный соратник основателя царства Шу Лю Бэя (см. прим. к стр. 157 — Чжао-ле).

Люй Мэн (ум. в 219 г.) — один из видных деятелей того же периода. Одержал победу, в результате которой был захвачен в плен и казнен Гуань Юй.

Цзяндун — район нижнего течения Янцзы.

Стр. 203. *Цзу Ти* — знаменитый военачальник, в 313 г. возглавивший поход на север для отвоевания у «варварских» племен центральной равнины Китая. При переправе войска через Янцзы он ударил по веслу и поклялся: «Если не смогу очистить Китая и буду переправляться обратно, есть у меня на крайний случай вот эта Река!». Одержал ряд побед, но двор не доверял ему. От огорчения и гнева Цзу Ти заболел и умер в 321 г.

Чжан Сюнь — танский чиновник и военачальник VIII в., образец верного подданного, героически отдавший жизнь за спасение династии во время мятежа Ань Лу-шаня (см. прим. к стр. 172).

Сюй Юань — военачальник, сподвижник Чжан Сюня.

Лэй Вань-чунь — отважный танский военачальник VIII в., служивший Чжан Сюню и погибший вместе с ним.

Нань Цзи-юнь — искусный наездник и стрелок из лука, бесстрашный военачальник на службе у Чжан Сюня. Когда последний был осажден в крепости мятежниками и там начался голод, Нань Цзи-юнь по его приказу прорвался через окружение и кинулся за помощью к генерал-губернатору, но тот из зависти не хотел посылать Чжан Сюню подкрепления. Генерал-губернатор устроил пир и собирался задержать Нань Цзи-юня, но тот выхватил меч, отрубил себе палец и удалился, так ничего и не съев. Он прорвался назад в осажденный город и в конце концов добровольно принял смерть вместе с Чжан Сюнем.

Юэ Фэй (1103—1141) — национальный герой Китая, прославившийся своими победоносными войнами с чжурчжэнями из государства Цзинь (см. прим. к стр. 185 — царство свое он называл Золотым — Осенним). Слабый сунский император Гао-цзун, стремившийся к миру с Цзинь, заключил сго в тюрьму, где Юэ Фэй был убит по распоряжению предателя Цинь Гуя.

Цзун Цзэ — старший современник Юэ Фэя, один из знаменитых военачальников времен борьбы китайцев с чжурчжэнями (XII в.). Император Гао-цзун запретил ему выступать против них в поход и приставил к нему согладатя. Впав в печаль и негодование, Цзун Цзэ заболел и умер (1128 г.).

Вэнь Тянь-сян (1236—1282) — верный подданный последнего государя династии Сун, полководец, пытавшийся организовать в Китае сопротивление монголам. В 1278 г. был захвачен ими в плен, несмотря на уговоры не согласился на измену и был казнен. Перед смертью сложил песню, воодушевлявшую китайцев на борьбу с врагами.

Лу Сю-фу — сановник последнего государя династии Сун, до конца хранивший ей верность. Когда монголы разбили ки-

тайский флот и овладели последним оплотом династии — островом Яйшань в Южно-Китайском море, велел жене и детям утопиться, а затем и сам кинулся в море, неся на спине юного императора, чтобы тот не испытал позора плена.

Сон Саммун (1418—1456) — известный корейский поэт и ученый, верный подданный государя Танчжона, выступивший против узурпатора Сечжо и казненный за это.

Ю Ынбу — корейский военачальник, выступивший вместе с Сон Саммуном и другими и казненный в 1456 г.

У Цзы-суй — знаменитый государственный деятель при дворе царя У, Фу Ча (495—473 гг. до н. э.), родом из Чу. Бежал с родины, поклявшись отомстить за отца, казненного царем Чу, и сделал карьеру в У. Свою клятву он выполнял, во главе войск У взяв столицу Чу и надругавшись над труном своего обидчика. Как верный подданный, У Цзы-суй предостерегал государя У против царства Юэ, но тот не слушал его совета и, поверив наговорам клеветника, приказал У Цзы-сую покончить с собой. Перед смертью тот предсказал, что Юэ уничтожит У, что и случилось через 11 лет.

Стр. 204. *Цзин Кэ* — смельчак, поклявшийся перед царевичем Данем (см. след. прим.) убить царя Цинь, будущего императора Ши хуан-ди. Перед отъездом в Цинь в 227 г. до н. э. Цзин Кэ на пиру спел песню, выражавшую его решимость пойти на смерть. Покушение его не удалось, и он был убит.

Последник правителя Янь (ум. в 226 г. до н. э.). — Царевич Дань, последник престола царства Янь, одно время был заложником у царя Цинь, который с ним дурно обращался, бежал на родину и решил отомстить своему обидчику, чьи войска к тому же завоевывали раздробленные китайские владения. По его поручению Цзин Кэ пытался убить царя Цинь; это неудачное покушение вызвало нападение циньских войск на Янь. Царь Янь велел обезглавить царевича, чтобы умиротворить врага, но это отсрочило гибель его царства лишь до 222 г. до н. э.

Чуский Ба-ван — «царь-гегемон Чу» (см. прим. к стр. 202 — чуский ван).

Гайся — место в современной провинции Аньхой, где в 202 г. до н. э. в решающем бою был разбит Сян Юй.

Уцзян — небольшое ответвление реки Хуай в провинции Аньхой, возле которого в 202 г. до н. э. был убит Сян Юй.

Хань Синь из Хуайиня — знаменитый военачальник ханьского Гао-цзу, принесший ему много побед в войнах 206—202 гг. до н. э. Был родом из Хуайиня (в современной провинции Цзянсу) и получил от Гао-цзу титул хуайиньского князя. Постепенно император все меньше доверял ему и старался лишить могущества. В 196 г. до н. э. был казнен женой Гао-цзу, императрицей Люй, за попытку произвести мятеж.

Императрица Люй — жена ханьского Гао-цзу, умная и властная женщина, правившая Китаем после смерти сына в 187—180 гг. до н. э.

Сунь Цэ (175—200) — политик и удачливый полководец времен смут конца династии Хань. Противник узурпатора Дун Чжо и помощник могущественного генерала (а в дальнейшем также узурпатора) Цао Цао. Был смертельно ранен перед выступлением в поход.

Фу Цзянь (357—385) — государь владения Раннее Цинь на западе Китая. Успешно воевал и присоединил много земель. В конце концов его армия была наголову разбита у реки Фэйшуй (383 г.) во время похода в восточные провинции Китая, и сам он вскоре был убит собственным военачальником Яо Чаном.

Багуншань — гора в провинции Аньхой. Взглянув на нее незадолго до битвы у реки Фэйшуй, Фу Цзянь принял покрывающую ее растительность за вражеских солдат и преисполнился страха.

Ли Кэ-юн — сын тюркского вождя, известный военачальник на китайской службе времен конца Тан, преданный защитник

династии, сыгравший видную роль в усмирении народного восстания, за что получил высший княжеский титул. До конца (ум. в 908 г.) сохранял верность государям Тан.

Чжу Цюань-жун — один из военачальников народных повстанцев, сначала действовавший против династии Тан, а затем в 882 г. перешедший на ее сторону и за свою измену получивший пост генерал-губернатора. В 907 г. низложил последнего танского государя и провозгласил себя императором.

Ли Лин — талантливый ханьский генерал, в 99 г. до н. э. с небольшим отрядом в пять тысяч воинов отважно проникший в глубь территории кочевых племен сюнну. После первых побед ему пришлось отступить, он попал в окружение и сдался в плен.

Стр. 205. *Хуань Вэнь* — видный государственный деятель и полководец китайской династии Восточная Цзинь, в 354—369 гг. возглавил три похода в Северный Китай, получил от двора высокие чины и достиг чрезвычайного могущества. Возвел на престол угодного себе императора и замыслил узурпацию трона, но это ему не удалось, и он вскоре умер в 373 г.

...четыреста тысяч воинов княжества Чжао, перебитых Бо Ци под Чанпином... — В 260 г. до н. э. циньский полководец Бо Ци (см. след. прим.), изменив слову, предал смерти четыреста тысяч пленных солдат, сдавшихся ему под Чанпином (в современной провинции Шаньси) после разгрома армии государства Чжао.

Бо Ци — знаменитый полководец древнего царства Цинь, совершивший ряд походов, начиная с 293 г. до н. э. Невзирая на военные заслуги, впал в немилость, был брошен в тюрьму, где в 257 г. до н. э. покончил с собой.

Синьань — город в современной провинции Хэнань, к югу от которого Сян Юй (см. прим. к стр. 202 — чуский ван) в 207 г. до н. э. коварно перебил свыше двухсот тысяч сдавшихся ему в плен солдат империи Цинь.

Гаоянский интриган — «бразник из Гаояна», как однажды назвал себя конфуцианец Ли И-цзи из деревни Гаоян (в современной провинции Хэнань), в 207 г. до н. э. поступивший на службу к ханьскому Гао-цзу. Прославился как мудрый советник и дипломат. В 204 г. до н. э. сумел своим «языком» (то есть дипломатией) добиться покорности царства Ци с его более чем семьюдесятью городами, но после внезапного нападения ханьских войск государь Ци сварил Ли И-цзи живьем.

Ханьский У-ди — император китайской династии Хань (141—87 гг. до н. э.), завоеватель, укрепил центральную власть.

Цзян Чун из княжества Чжао — «чиновник особых поручений в вышитой одежде» при У-ди, занимавшийся расследованием преступлений в трех столичных округах. Родом из Чжао (в современной провинции Хэбэй). В 91 г. до н. э. оклеветал наследника престола, обвинив его в занятиях черной магией с целью умертвить У-ди. Наследник и его мать-императрица устроили заговор, обезглавили Цзян Чуна, подняли вооруженный мятеж, но были разбиты, и оба покончили с собой.

Стр. 206. *Пингунский князь Ян Юнь* — чиновник и ученый времен ханьского императора Сюань-ди (74—48 гг. до н. э.), получил княжеский титул, занимал высокий пост и пользовался доверием государя. Около 55 г. до н. э. на него донесли, что он в частных беседах критикует императора и его политику; за это он был разжалован в простолудины и в конце концов казнен.

Фань Пань — верный подданный династии Хань, чиновник (II в.). Был ложно обвинен в желании создать собственную партию, отдан под суд, помилован, а затем снова арестован и казнен. Проявил большое мужество перед смертью.

Ли Цзин-е. — В 684 г. стал во главе восстания приверженцев дома Тан, направленного против императрицы У-хоу

(684—704), и вместе с Ло Бинь-ваном (см. след. прим.) составил воззвание о походе против императрицы. Армия его была разгромлена, а сам он — предательски убит.

Ло Бинь-ван — тапский поэт, за совместные действия с Ли Цзин-е был брошен в тюрьму, где и погиб (684 г.).

Чжао-цзюнь — второе имя Ван Цяп, наложницы из гарема ханьского императора Юань-ди (48—33 гг. до н. э.), отданной им в жены вождю сюнну (33 г. до н. э.), чтобы скрепить мир. Император ни разу не видел ее и судил о ней лишь по портрету, где художник нарочно изобразил ее уродливой, так как не получил от нее взятки. Когда Чжао-цзюнь пришла попроситься, Юань-ди был потрясен ее красотой. В гневе он казнил художника, но Чжао-цзюнь все-таки пришлось уехать и стать женой вождя сюнну. Ей приписывают песню о тоске по родным местам.

Су У — чиновник и верный подданный ханьского У-ди (см. прим. к стр. 205), направленный в 99 г. до н. э. послом к вождю сюнну. Его вынуждали отказаться от верности дому Хань, но Су У был непреклонен и голодал в тюрьме. Затем его послали пасти стада сюнну. Лишь в 81 г. до н. э. седым стариком он вернулся в Китай, когда У-ди уже не было на свете.

Стр. 207. *Лин Вэй.* — Согласно легенде, этот человек овладеи искусством бессмертных, превратился в журавля и вернулся домой лишь через тысячу лет.

Муж из Мавэй. — Мавэй — местность в современной провинции Шэньси, где Танский Сюань-цзун вынужден был отдать на смерть свою любимицу — «знатную супругу Ян» (см. прим. к стр. 166 — знатная дама Тополь).

Янь — древнее государство в Китае, включало часть территорий современной провинции Хэбэй и Маньчжурии.

Зеленый терем. — Так в Китае называли публичные дома.

И еще была там женщина. — Имеется в виду «фрейлина Бань», фаворитка ханьского Чэн-ди, после столкновения с Чжао Фэй-янь (см. прим. к стр. 166 — «Летающая ласточка») удалившаяся из гарема следом за опальной императрицей в 18 г. до н. э. Печаль «фрейлины Бань» воспел Ван Вэй.

Красавица Юй — любимая жена Сян Юя (см. прим. к стр. 202 — чуский ван), не пережившая его гибели и наложившая на себя руки.

Стр. 208. *Люй-чжу* — красавица, любимая наложница Ши Чуна, жившего в Китае при династии Цзинь (III—V вв.). Саловник Сунь Сю просил Ши Чуна отдать ему Люй-чжу, но получил отказ. Тогда он арестовал Ши Чуна по подложному эдикту. Люй-чжу выбросилась из терема и умерла.

Пастух и Ткачиха — названия звезд. Посвященный им китайский миф гласит, что Ткачиха, дочь небесного владыки, полюбила Пастуха, но ее отец разлучил их, потому что любовь мешала ей ткать небесные одежды — облака. Их разделил Млечный Путь — Небесная Река, и встречи им разрешены лишь раз в год, седьмого числа седьмой луны.

Биншу — трактаты о военном искусстве.

Стр. 209. *Селение Абрикосовый Цвет* — намек на стихотворение крупного китайского поэта Ду Му (803—852), где рассказывается о печальном настроении путника под осенним дождем. Путник встречает пастуха и спрашивает его, где можно было бы найти кабачок, чтобы выпить вина. Тот указывает на селение Абрикосовый Цвет.

Юань Цзи (210—263), его племянник *Юань Сянь*, *Цзи Кан* (223—262), *Лю Лин* (ок. 265—280) — члены даоского поэтического кружка «Семь достойных мужей из бамбуковой рощи». Они были прославленными любителями вина и музыки.

Тао Юань-мин. — См. прим. к стр. 148. Был любителем вина и посвятил ему цикл стихов.

Сюньян — название округа эпохи Цзинь (III—V вв.) с центром в современной провинции Цзянси, где в деревне Лили жил Тао Юань-мин.

Ли Тай-бо — Ли Бо (см. прим. к стр. 160). Большой любитель и певец вина. Как он сам пишет, когда один человек называл его бессмертным, он променял украшение в виде золотой черепахи на вино, чтобы повеселиться.

Стр. 210. *...повстречали пастуха...* — См. прим. к стр. 209 — селение Абрикосовый Цвет.

Стр. 211. *Лэйчжоу* — область в современной провинции Гуандун.

Стр. 212. *Цаоци* — река в провинции Гуандун.

Цзянцзо — район нижнего течения Янцзы в современной провинции Цзянсу.

Ван Тань-чжи — аристократ IV в., вместе с Се Анем (см. след. прим.) поддержавший императорский дом Восточной Цзинь в борьбе против Хуань Вэня (см. прим. к стр. 205), славился любовью к развлечениям.

Се Ань (320—385) — аристократ, государственный деятель и литератор. Не стремился к службе и поздно поступил на нее, но сделал блестящую карьеру и занял крупный пост. За склонность к развлечениям получил прозвище «первого министра наслаждений».

Пьянчужки из Гаояна. — См. прим. к стр. 205 — гаоянский интриган.

Лю Чжан — внук ханьского Гао-цзу, сначала князь, а в 178 г. до н. э. пожалован царским титулом. Умер в следующем же году совсем молодым. Принял активное участие в борьбе знати с кланом императрицы Люй (см. прим. к стр. 204). Это был сильный и мужественный человек. Однажды на пиру во дворце императрицы она назначила его виночерпием на этот вечер. Он спел песню, содержащую угрозу для нее и ее родни, и убил одного ее пьяного сородича, пытавшегося уйти с пира.

Комуинго — струнный инструмент типа лютика.

Стр. 213. *Сильфанское войско*. — Синьфан — древний китайский уезд, находившийся на территории современной провинции Гуандун, славился производством вина.

План восьми расположений Чжугэ Ляна. — Будучи выдающимся стратегом, Чжугэ Лян (см. прим. к стр. 157) придумал восемь боевых построений войска. Их символизируют шестьдесят четыре больших камня, установленных по его приказу на отлогом берегу Янцзы.

Содержание

Черепаховый суп. Перевод Д. Елисеева

С о Г о д ж о н

Мудрое решение . . .	7
Могила кошки и змеи	7
Забеременела от монахини	8
Попался на хитрость	10
Три недостатка	11

С о н Х ё н

Оплошал	12
Шутник Ён Тхэ	13
Обзавелся любовницей	15
Порочная Оудон	18
✓ Попал в рай	20
✓ В храме Мёнтхонса	21
Спутался с собственной женой	23
<u>Служки дурачат монахов</u>	24
Любовь и гибель Ана	29
Угнали лошадей.	32
Пхун Сансу считает по-своему	34
Грубый Син	34
✓ Глупый зять	35
«Неисправимый распутник»	36
Возлюбленная короля	37

О Сукквон

Бессердечный кабан .	39
Ким Сисып ругает стихи.	39
Круглый дурак	40

Ли Ги

Чо попадает в беду	42
Нечистая сила	43
Не уступила тигру	45

Ким Анно

Студент Чхэ и незнакомка	46
Спас девушку	50

Ли Джесин

Женитьба Пхунсана	53
-------------------	----

Квон Мини

Остался в дураках	55
На переправе Пённандо	56

Чха Чхонно

Две жены Юнсона	57
Девичья честь	59

Ли Докхён

Опозорился .	61
Гнев Будды	62
Змей монастыря Хваджанса	64

Чхон Е

Голый чедок в сундуке	67
Заупрямилась	72
Ловкая выдумка . . .	77

Ли Вонмён

Решительная Лю .	79
Удивительная судьба	83

Лю Джегон

Порядочные люди	91
Напал разбойник	92

Лю Монин

Лим Дже явился на чужой праздник	95
Судьба Чинбок	96
«Верной жене»	99
Не мне — так внукам моим	101
Черепаховый суп .	102
Отказался от наложницы	103
Дар Каннама .	104
Хван Сусин убивает своего коня	106
Играют в чанги .	108
Стала знаменитой певицей	109
Упал в грязь	110
Счастливая встреча .	112
Сон Санволь и суеверный студент	117
Как принимать гостей .	119
Длиннобородый и китайский посол	119
Камень жизни	121
Лисий перевал	123
Принял за золото	125
Образумил влюбленную	126
Убило молнией	128
Как сватали мышонка	129
Чон Джадан .	131
Поэты видят одинаково	135

Неизвестные авторы

Выдал замуж пятерых девиц	137
Наказан розгами	142
Свинья съела водопад	147
Если бамбук твой	148

Д и м. Д ж е

<i>История цветов. Перевод А. Троцевич</i>	151
<i>Город Печали. Перевод Г. Рачкова</i>	193
<i>М. Никитина. Послесловие</i>	216
<i>Комментарии¹</i>	230

¹ Комментарии к «Черепашовому супу» написаны Д. Елизеевым, к «Истории цветов» и «Городу Печали» — Ю. Кролем.

ЧЕРЕПАХОВЫЙ СУП

Корейские рассказы XV—XVII вв.

*Редактор И. Толстая. Художественный редактор А. Гаскинов
Технический редактор М. Андреева. Корректор Э. Урицкая*

Сдано в набор 3/II 1970 г. Подписано к печати 7/VII 1970 г. Бум. тип. № 2. Формат 70×108/32. 8,75 печ. л. 12,25 усл. печ. л. 11,211 уч.-изд. л. Тираж 50 000 экз. Заказ № 506. Цена 31 к. Издательство «Художественная литература», Ленинградское отделение, Ленинград, Невский пр., 28

Ордена Труда и Красного Знамени Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Измайловский пр., 29